

Campus

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

СТРАНА КОРОВ

НЕ НАЙТИ ЛУЧШЕГО ПРИМЕРА ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
AMAZON.COM

ЭДРИАН ДЖОУНЗ ПИРСОН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Annotation

«Страну коров» мог бы написать Томас Пинчон, если бы ему пришлось полгода поработать в маленьком колледже. Пирсон своей словесной эквилибристикой и игрой со смыслами заставит читателя буквально мычать от удовольствия.

Чарли приезжает в колледж Коровий Мык, где он еще не знает, чем ему, координатору особых проектов, предстоит заниматься. Задачи, кажется, предельно просты — добиться продления аккредитации для колледжа и устроить рождественскую вечеринку с размахом.

Но Чарли придется побороться с бюрократией: в колледже есть два противоборствующих лагеря, и их вражда может помешать ему добиться цели. Один лагерь — мясоеды старой закалки, тогда как другой — новое поколение вегетарианцев. В лабиринте из «мяса раздора», странного преподавательского состава и сомнительного набора учебных дисциплин Чарли придется искать не самые очевидные выходы, граничащие с безумием.

Эдриан Джоунз Пирсон

Страна коров

Adrian Jones Pearson

COW COUNTRY

Copyright © 2014 by Adrian Jones Pearson

© Немцов М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Э», 2017

Часть 1
Излучение

Возвращение в Коровий Мык

Размещаясь в котловине долины Дьява, общинный колледж Коровий Мык предлагает студентам всестороннее гуманитарное и техническое образование, чтобы они могли вести полноценную и плодотворную жизнь. Будучи старостами местного сообщества, мы также верим, что наш особый долг — поддерживать уникальную культуру региона, которому мы служим во имя как нынешнего, так и грядущих поколений.

Из пересмотренной декларации миссии ОККМ

Если по правде, первым моим впечатлением о Разъезде Коровий Мык была не столько полноценность или плодотворность его, сколько усыхание и уныние. Мне только что предложили работу в колледже местной общины, и я, продав все свои мирские пожитки и не оставив родне или друзьям адреса для пересылки — но поклявшись *когда-нибудь* известить град и мир, где я и что я, — вскочил в старый автобус, который доставит меня через полстраны и высадит на обочине при подъезде к этому городку. Тогда стоял конец лета, вся эта область — от Разъезда Коровий Мык по всей шири котловины долины Дьява — переживала худшую на памяти старожилов засуху. Земли ранчо спалило дотла, и золотые травы пастбищ, что во времена повлажней поэтично колыхались от дуновений летнего ветерка, лежали ныне поникшие и бурые сразу за окнами конца августа, уподобляясь бессодержательной прозе. Местное скотоводство, некогда царившее в этом пейзаже, уже впало в агонию, и скотоводы справлялись с бедою, как могли; кустарные предприятия, какие, похоже, всегда отрастают на туше умирающей промышленности — писательские колонии, студии йоги, ностальгические экскурсии по заброшенным мясокомбинатам и скотобойням, — уже возникали буквально как грибы на коросте навозных куч здешней местности. Область и умирала, и возрождалась. И пока я стоял со своим багажом на жарком солнце и пот обильно струился у меня по загривку, во мне возникло слабое ощущение, что местный воздух утратил способность шевелиться, словно бы ветерок попытался дуть сразу в слишком много сторон, но тут же бросил дуть вообще. Провожая взглядом автобус, я провел ладонью по загривку и стряхнул пот с кончиков пальцев. Затем сел на чемоданы и стал ждать того, кто подбросит меня до городка.

* * *

Президентом общинного колледжа, куда меня наняли, был человек по имени Уильям Артур Фелч, бывший скотовод и ветеринар; высшую школьную должность он занимал уже больше двадцати лет, и все в городке уважали этот дедовский лик высшего образования. Привезти меня в Коровий Мык рекомендовал именно доктор Фелч, невзирая на мое мучительное трехчасовое собеседование с отборочной комиссией, после которого я долго приходил в себя от выслушанных оскорблений и задавался вопросом, и впрямь ли я хочу работать в настолько недееспособном колледже у черта на рогах.

— Вам предстоит столкнуться с глубоким культурным расколом, — предупредил он

меня по телефону за несколько часов до собеседования. — Так что будьте готовы к худшему.

«Худшим» оказались дребезжащая телефонная связь и шестерка незримых членов комиссии, которые взялись допрашивать меня обо всем на свете, — от моего любимого Верховного судьи США до взглядов на нынешнюю политическую ситуацию в Разъезде Коровий Мык. Связь была плохая, и я, прислушиваясь, ловил себя на том, что еще и прищуриваюсь, чтобы разобрать слова. Несколько вопросов касались моего сколько-нибудь значимого опыта работы в среде, раздираемой разногласиями: как я мог бы улаживать какие-нибудь гипотетические конфликты, — к примеру, что стал бы делать, если бы кто-то из моих коллег попытался обезглавить важного администратора. Задали мне и другой гипотетический вопрос: как бы я отреагировал, узнав, что штатный преподаватель спровоцировал внештатного тем, что оставил в ее рабочем почтовом ящике вздутую телячью мошонку после обеда в пятницу, прекрасно сознавая, что она останется там по меньшей мере до утра понедельника и к тому времени, как эту жуткую пакость обнаружат, будет вся кишеть мухами и личинками. Прозвучал вопрос о пожаре в здании (мне дали список преподаваемых дисциплин — математика, химия, философия, евгеника — и попросили обозначить порядок, в котором я стал бы выволакивать заведующих соответствующих кафедр из пылающего и задымленного зала заседаний); а затем мне предложили комплект упражнений на выбор слов (в одном таком — паре существительных «филей-руккола», к примеру, или «сыромять-тантра» — меня попросили выбрать то, что, по моему профессиональному мнению, в большей степени указывает на продуктивную студентоцентричную среду обучения). В рамках собеседования меня заставили импровизированно изложить мою философию образования белым стихом; затем предоставить самостоятельный критический разбор собственного выступления, и, наконец, подвергнуть самокритике структуру и размер моей самокритики. Кто-то попросил меня выбрать государственное образование современного мира, которое лучше всего характеризовало бы мой темперамент (я предпочел *Бенилюкс*); кто-то еще — назвать мою любимую ветвь христианства (*англиканство?*); а кто-то третий — сравнить два значительных произведения литературы из различных культурных контекстов и предоставить пример того, как эти работы иллюстрируют некую общую тему или принцип (мое сравнение ведической системы образов в Упанишадах с зеленым огоньком Гэтсби в конце пирса завершилось призывом к литературной переоценке этого неизвестного, однако многообещающего произведения Фицджеральда). В ходе собеседования прозвучали и каверзные вопросы, и наводящие, и открытые, где мне предлагалось ровно столько свободы маневра, чтобы я не слишком болтался, повесившись на дереве, как чучело. Мелькнули отсылки к древним геометрам и средневековым поэтам, а также неуклюжее отступление о взлете и падении римского числительного. В какой-то миг комиссия напомнила мне, что я до сих пор не предоставил требуемого образца мочи, после чего я исправно извинился и отошел; вернувшись же в гостиную с пластиковым стаканчиком, над которым курился пар, в одной руке и холодной телефонной трубкой в другой и, описав эту суровую дихотомию с искрометными подробностями, осознал, что комиссию результаты, судя по всему, решительно не тронули.

— Каково ваше величайшее достоинство? — спросили меня.

— Я много всего разного, — ответил я.

— А величайший недостаток?

— Будучи многим разным, — вздохнул я в трубку, — я склонен к тому, чтобы не быть

ничем этим *целиком*.

Прочими вопросами, похоже, они выясняли историю моей семьи в Разъезде Коровий Мык: дед мой некогда жил там, пока не перевез жену и детей сначала в другую часть штата, а потом и вообще на другой край страны; теперь же, отчаявшись найти хоть какую-то работу и ухватившись за такое редкое совпадение, я счел наилучшим упомянуть о сем незначительном факте в сопроводительном письме.

— Так вы, значит, *выходец* из Коровьего Мыка? — осведомился один голос в трубке.

— Ну, сам я там, вообще-то, ни разу не бывал. Но слышал множество рассказов... — И тут я изложил им легенду, передававшуюся у нас от предков к потомкам, о том, как мой дед некогда спас тонувшую в реке Коровий Мык суфражистку. Семья наша поистине гордилась его отвагой, и несколько поколений самозабвенно пересказывали друг другу эту историю.

— Вот как! — воскликнул дамский голос как раз в тот миг, когда дед мой укладывал безжизненное, однако еще дышавшее женское тело на речной берег. — Стало быть, вы бы признали вероятность того, что женщины равны мужчинам? Или вы скорее считаете справедливым, что женщина-хирург, производящая аборт в конце срока, должна зарабатывать значительно меньше своего коллеги-мужчины в соседней клинике?

— А если так, — перебил ее другой голос, — поддержали б вы или не поддержали ту или иную из множества инициатив, призывающих допускать в наши школы красных коммунистов и их гомосексуальных союзников посредством субсидируемых правительством гуманитарных программ?

— И, если позволите... — тут же встрял в разговор третий голос. — В своем заявлении вы утверждали, будто у вас имеется значительный опыт работы с коллегами разнообразного этнического происхождения. Так не могли б вы рассказать нам, пожалуйста, у кого из них, по-вашему, больше естественные способности к образованию и не полагается ли таковым, следовательно, большее представительство в образовательной среде? Иными словами, подбирая кандидатуру на ответственный административный пост, вы были бы скорее склонны нанять монголоида, европеоида или негроида?..

Далее — четвертый голос:

— Не хочу совсем уж до смерти забивать эту конкретную лошадь, но случись вам видеть, как лошадь забивают до смерти, вы бы вмешались? Или попросту отвернулись бы, как будто это неизбежное следствие жизни? Вроде смены времен года. Или же возникновение и исчезновение той или иной мировой цивилизации вместе с языком ее, культурой и всеми институциями, что дороги ее сердцу?

Три утомительных часа комиссия прошупывала меня и тыкала то одним вопросом, то другим: о моем прежнем опыте работы, моих нынешних наклонностях и моих долгосрочных планах на будущее. Если меня наймут «координатором особых проектов», останусь ли я в Коровьем Мыке? Или же уеду после первого года, как множество иных пришлых людей, нанимаемых, в глаза не видя, по итогам единственного убедительного телефонного собеседования? Куплю ли я себе там дом? Рассчитываю ли жениться? Привезу ли с собой каких-либо домашних животных? Аллергии есть? Занимаюсь ли йогой? Нравится ли мне рыбалка? Охота? Какой грузовик умею водить и сколько в нем цилиндров? Бывали ль у него на переднем сиденье дети? А в зеркальце заднего вида? Не страдал ли я чесоткой в особо запущенной форме? И если да, не готов ли поделиться каким-либо неинвазивным, однако надежным и эффективным средством от нее?

Но самый загадочный вопрос прозвучал под самый конец собеседования, когда уже

казалось, будто три часа милостиво истекли сами собой и все мои разнообразные скелеты эксгумировали и выставили на открытый воздух перед комиссией. На другом конце провода неожиданно — и даже настойчиво — впутался еще один голос:

— Слушайте, — произнес он. — Давайте перейдем к сути дела. Вообще-то мы все желаем знать одно: вы бычатину едите или нет? И какую роль — если она существует — должно играть вегетарианство в текущем пережевывании и экскреции новаторских замыслов?

Должен признаться, именно к такому вопросу я не был готов. Но сработал мой примиренческий инстинкт:

— Разумеется, для *всего* бывает время и место, — сказал я в потрескивающую даль дискового телефона. — Если хотите приготовить поистине достойное рагу, вам потребуются и говядина, и овощи!

(Позднее я выяснил, что работу мне обеспечил именно этот безвкусный ответ на вегетарианский вопрос — даже больше моего блистательного памятного ответа на гипотетическую вздутую мошонку, больше моих тонких связей с Коровьим Мыком.)

Комиссия должна была принимать решение дольше двух недель, поэтому мне, после того как я положил трубку, осталось лишь проигрывать в уме данные мной ответы и прикидывать, как их восприняли. По-прежнему ошарашенный, я размышлял, как удалось мне так быстро пасть так низко: от необузданного почти-отличника в старших классах к подающему надежды филологу до усталого выпускника, «обсыхающего», но в баке у него горючки ровно столько, чтобы перевалить за академический финиш, сжимая в кулаке магистерскую степень по управлению образованием с особым упором на общинные колледжи на грани краха. Теперь, после двух неудавшихся браков, быстро сменивших один другой (первый — целиком моя вина, второй — лишь *в первую очередь* моя), и прорвы невзрачных работ, преимущественно ведших туда же, с чего начинались... вот, сижу. Сижу у себя в затрапезной гостиной, пресмыкаюсь перед безликими чужими людьми, в руке — чашка чуть теплой мочи, умоляю дать мне работу в общинном колледже, которого и не видел никогда. Жизнь моя уже превратилась всего лишь в разрозненную мешанину полуначал и почти-промахов. Браки мои тяготели к позору. Работы сочились ядом. («Не могли бы мы снести с поручителями, которых вы указали?» — спросила меня по телефону комиссия. «Я бы не стал», — ответил я.) Друзья приходили и уходили — или же я приходил и уходил от *них*. Ясно было, что жаркий потенциал моей юности остывал, как чашка забытой мочи в руке. Вдруг что-то неодолимо повлекло меня к безрассудному переезду в пустынное и далекое место посреди истории, оказавшейся не моей. В общем направлении к новому началу. К тому, чтобы взяться за все с нуля. Странно это и удивительно: я поймал себя на том, что хочу этой нежеланной должности в общинном колледже Коровий Мык; интуитивно, должно быть, я чуял бремя прошлого, которое смогу наконец оставить за спиной, если мне выпадет такая возможность. «Только не промотай, — говорил я себе. — Не спусти в канализацию, как ты поступал со многим целесообразным в своей жизни. С женами своими. С карьерой. С дружбами». И, выплескивая холодную мочу в унитаз, я дал себе слово: если мне дадут еще один шанс создать что-либо значимое в жизни, на сей раз я отнесусь к этому прилежней. Ведь жизнь — не случайное слиянье вод, какое можно легко выплеснуть одним махом. Это длинная и привольно текущая река, что блуждает и вьется по-своему странно, однако неизменно достигает назначенья. Река состоит из воды, а вода свою суть получает от влаги. Жизнь моя, как я осознал, и есть эта самая река, и слишком уж долго ее

перегораживала плотина. Пусть же течет! — сказал я себе. Пусть река моя течет из вечного своего истока сквозь время и пространство к поджидающему меня кампусу общинного колледжа Коровий Мык!

* * *

С предложением должности мне позвонил сам доктор Фелч.

— Мило вы справились со вздутой мошонкой, — сказал он. — С вашей стороны это был вдохновенный ответ. — Я его поблагодарил и сказал, что мне как раз кажется, будто я все испортил — *особенно* вопрос о вздутой мошонке.

— Я рад, что вы меня нанимаете, — сказал я. — И несколько удивлен.

— Ну, легко-то это не было. Характеристики ваши были не то чтоб недвусмысленны. Но после двух недель ожесточенных дебатов у комиссии остались только вы. Поздравляю.

Доктор Фелч очертил условия трудоустройства в Коровьем Мыке и пообещал, что, если я вступлю в должность, он сам возьмет меня под крыло и лично поможет сориентироваться в том культурном расколе в кампусе, что обнаружился при моем собеседовании с комиссией.

— Мы на перепутье, — пояснил он. — Не только сам колледж. Но вся наша община. Нам нужен тот, кто сможет осмотрительно пройти тропу. Тот, кто не отягощен бременем важных дружб или сильных личных убеждений. Такой человек, кто в силах вдохновить других на действия, а сам останется в стороне, непредвзятым и слегка над всею суетой. Тот, кто все это сделать сможет, но сам будет надежен, скучен и обходительно приемлем. Короче говоря, нам нужен годный образовательный управленец. Именно поэтому мы тут возлагаем на вас большие надежды. — Слова эти звучали не то чтобы лестно, но я отнесся к ним всерьез. В кои-то веки двойственность моя, похоже, обратилась достоинством. И более того: моя склонность обходить стороною любые обязательства предлагала нечто многообещающее; странное дело, но она вселяла *надежду!* То, что всегда было моим величайшим проклятьем, теперь стало и великим благом: *будучи многим разным, не быть ничем этим целиком!* На следующий день я перезвонил и принял предложение.

Случилось это месяц назад, и вот я сидел на своем багаже рядом со временной автобусной остановкой и впервые по-настоящему внимательно осматривал окраину собственно городка. Через дорогу стояли два сломанных и покосившихся крытых фургона XIX века, в одном еще догорала индейская стрела. Рядом — автозаправка, на которой возле раскуроченной бензоколонки из другой эпохи в землю возвращалась ржавая «модель Т». На скамье, обсуждая дневные события, сидели морщинистые мужи. Кассирша в продмаге напротив опиралась локтями на страницы газеты, которую читала; из глубин доносилось надрывное нытье губной гармоники. Сидя там, я озирал зловещую красную глину, раскинувшуюся вокруг меня на века. Сухой кустарник тянулся до самого горизонта. Мертвый ветер мог затаиться, кажется, на миг, затерянный во времени, а затем вдруг взвихрялся откуда ни возьмись и взметал в воздух пыль. В мареве вокруг жужжали крупные мухи — и через мои ботинки перебирались черные муравьи. Куда бы ни повернулся я, казалось, везде виднелись останки того, что некогда было, но теперь уже не было. Отрезок старого железнодорожного состава там, где когда-то ходили поезда. На боку лежал брошенный волокноотделитель. Заржавленная телефонная будка, провод обрезан, а стекла выбиты. Разлагающаяся туша бизона, с которой койоты еще сдирали мясо. Слева от меня стояло ведро

вампума, а справа, приколоченная к телефонному столбу одним длинным гвоздем, — выцветшая афиша концерта, состоявшегося больше поколения назад. Все это казалось мне грустным, важным и отчего-то пронзительным. Странное меня тут ожидает будущее. Но будущее это — *мое*, и в тот миг я был к нему готов больше, чем когда-либо прежде.

Несколько минут спустя туда, где я сидел, подкатил старый пикап, и из него вышел доктор Фелч.

— Простите, что опоздал, Чарли, — улыбнулся он. — Приятно с вами наконец-то встретиться! — Доктор Фелч был сед, в ношенных ковбойских сапогах и зеленой кепке «Джон Дир»^[1], а хватка у него оказалась до того крепкая, что мне сплющило руку, когда он ее пожал. — Запрыгивайте, — сказал он и метнул два моих тяжелых чемодана в кузов пикапа, легко, по одному каждой рукой; затем перегнулся через задний борт и сдвинул вбок крупную кипу сена, чтобы чемоданы мои легли ровно. — Извините. Не самый чистый грузовик на свете... — Он жестом пригласил меня в кабину, и я влез.

— Спасибо, что подвозите меня, — сказал я и захлопнул тяжелую дверцу. Кабина внутри была вся замусорена, а на сиденье между нами лежала стопка манильских папок, из которых под разными углами торчали бумажки; сверху на ней покоилась коробка с патронами. Пристегиваться доктор Фелч не стал, а с моей стороны ремня не было вовсе — лишь толстый слой грязи в бороздках потрескавшегося винилового сиденья.

— Что вы, что вы, — ответил он. Затем доктор Фелч пояснил, что у него это личная традиция — подбирать всех новоприбывших работников общинного колледжа Коровий Мык, и он истово ее не нарушает вот уже двадцать лет. — В *этом* вот самом грузовичке! — рассмеялся он и завел двигатель, взревевший всею мощью восьми цилиндров. Воздух был жарок, и ни он, ни я стекол не поднимали. Доктор Фелч высунул локоть в окно со своей стороны и на ходу — а к опасным тридцати милям в час он даже не приближался — ему приходилось перекрикивать этот рев восьми цилиндров, летевший снаружи. — Я за это время подобрал так больше двухсот сотрудников, — добавил он. — Аж из самой *Калифорнии* приезжали!

Колледж располагался на другом краю городка, и, катя по пыльной дороге с одной окраины на другую, доктор Фелч показывал мне достопримечательности Разъезда Коровий Мык. Хотя городок и был уныл, в нем таилось некоторое очарование: ржавеющее железнодорожное депо; обшарпанное почтовое отделение с вознесшимся ввысь флагштоком, на котором гордо реял флаг с двадцатью тремя звездами; раскинувшаяся бревенчатая штаб-квартира ранчо «Коровий Мык» — того первого предприятия, что и породило сам городок Разъезд Коровий Мык и дало ему имя. Через милю или около того от автобусной остановки мы проехали знак, приветствовавший нас в Разъезде Коровий Мык — «*Где сходятся миры!*», сулил он, — а еще через несколько миль — одинокий городской универмаг, где у коновязи с двумя лошадьми был припаркован одинокий пикап. Затем мы проехали вдоль кромки пересохшей реки, что завела нас за опустелые сараи и пастбища с разлагающейся на них сельхозтехникой и ссохшимися шкурами скота, сложенными в кипы. Еще нам попались по дороге закрытый ларек снастей и наживки и заколоченный маникюрный салон, а потом мы свернули влево и проехали через городской центр, в котором с закрытыми ставнями стояла мэрия — была суббота, — рядом окружная тюрьма, а через дорогу — здание, в котором размещались местная газета и однокомнатный музей, посвященный истории животноводства в Разъезде Коровий Мык. Все это, выяснил я, было нерасторжимо связано друг с другом, а почти всё и все, на что и кого доктор Фелч показывал, совсем немного погодя будет как-то

соотноситься с моей новой ролью в колледже.

— Тут вот миссис Гризэм живет, — говорил он. — Наш библиотекарь. Вы с нею познакомитесь на общем собрании в понедельник. А вон в том доме раньше жила Мерна Ли, покуда за нею дети из города не приехали и ее не забрали. Она у нас издавна за данные отвечала, но как бы растеряла к концу побрякушки...

В ответ на все это я кивал.

В какой-то момент доктор Фелч вытащил из нагрудного кармана рубашки пачку «Честерфилда».

— Курите? — спросил он.

— Нет, сэр, не курю.

— Вам же хуже, — сказал он и постучал пачкой по рулю, вытряхивая сигарету, затем извлек из кармана книжку спичек. Не притормаживая, он убрал обе руки с руля, чтоб чиркнуть спичкой и прикрыть ладонью пламя, когда прикуривал; грузовичок тут же начал съезжать на встречную полосу, и я машинально потянулся к рулю. Но доктор Фелч лишь рассмеялся:

— Успокойтесь, Чарли... Я машину вожу с восьми лет! — Он выкинул спичку в окно и вновь спокойно взялся за руль.

Держался доктор Фелч дружелюбно и прямо — он просто не мог не нравиться; однако во всех его движениях сквозила заметная напряженность, как будто он пытался вести две беседы сразу. Какое-то время мы ехали молча, и чтобы развеять тишину, я спросил его о своей работе; я так поспешно принял должность координатора особых проектов по телефону, что даже забыл спросить, что мне вообще-то полагается делать в этой роли.

— То есть мне, вероятно, следовало спросить это у вас *до* того, как я спрыгнул с автобуса.

Доктор Фелч рассмеялся.

— Надо полагать, вам уж очень не терпелось уехать оттуда, где вы были, Чарли?

— Да, наверное. Можно сказать и так...

— Ну, как бы там ни было, я рад, что вы тут. У координатора особых проектов нет установленных обязанностей. По крайней мере, у нашего их нет. Вы будете моей правой рукой, так сказать. А это значит, что время от времени я буду просить вас погасить какое-нибудь возгорание в кампусе. Равно как и пускать контролируемый пал с нашей стороны...

Я посмотрел на него, ожидая подробностей. Но их не последовало.

— Интригующе звучит, — в конце концов сказал я. — Надеюсь, я справлюсь.

— Не волнуйтесь — отлично все у вас будет. Я попросил Бесси показать вам, что к чему... — Тут доктор Фелч сообщил мне, что Бесси его помощница и что она — «ротвейлер», но мне работать с нею понравится, потому что она из тех немногих людей на свете, кто и день, и ночь повидали, и не боится прямо обозначать разницу между ними. Вообще-то по десятибалльной шкале честности, где *десять* — старая монахиня, дающая показания в суде, а *единица* — то, что колледж написал в своем свежем самостоятельном отчете для аккредитации, — она примерно равна *двенадцати*. — Только пистолет в штанах держите, а то она его отломит и вам же вручит.

— Монахиня?

— Нет. Бесси.

— Изо всех сил постараюсь, сэр, — сказал я.

Доктор Фелч еще немного рассказал о моей должности в колледже — излагал он

оптимистично и бурливо, хоть местами и вполне загадочно, — но вдруг сменил тон.

— Не хочу обескураживать вас, Чарли, но вы уже третий координатор особых проектов, кого мы нанимали в последние два года. Первый не пережил даже первой вздутой мошонки. Та, что была после него, — ну, она оказалась бедствием вселенских пропорций. Поэтому скажем так: вы вступаете не совсем в море больших надежд.

При упоминании неудачи моей предшественницы я наострил уши.

— А что случилось с последним координатором? — спросил я. — Отчего она оказалась таким бедствием?

Доктор Фелч помолчал, затягиваясь, и мне показалось, что он готов вообще сменить тему.

— История долгая... — Но тут же без дальнейших понуждений с моей стороны пустился в мерзкую повесть о том, как его последняя координатор особых проектов оказалась бедствием вселенских пропорций: — В конечном счете, это я виноват, — начал он. — Видите ли, нам был нужен человек, способный работать с нашим расколотым кампусом, поэтому мы и наняли эту деваху после одного телефонного собеседования. Приехала она к нам со всеми бубенцами и свисточками. Степени от двух колледжей Плющевой лиги. Блистательное резюме. Опыта до такой-то матери. Без счета наград и благодарностей. Поручительства от самих королевы английской и эрцгерцога Кентерберийского. Сами, в общем, таких знаете...

Я рассмеялся.

— ...Приезжает она в Коровий Мык, и я ее забираю с автобусной остановки. На *этом* вот грузовичке. А она в него садиться отказывается. Пыльно, говорит, и нет пассажирского ремня. Да вы шутить изволите, думаю я себе, — *пыльно?!* — однако включаю презумпцию невиновности, вызываю нашу историчку по искусствам, и она в воскресенье сюда приезжает на своем «саабе», забирает эту даму с ее всевозможным багажом и шитцу ейным и везет в кампус. Назавтра мы с нею встречаемся у меня в кабинете, и я начинаю ей выкладывать, что от нее в этой должности будет ожидать, со всеми необходимыми предуведомленьями: что перед нею расколотый кампус и ей лучше быть к этому готовой, потому что разногласия эти корнями уходят очень глубоко, и, если она не будет осторожна, они ее поглотят. Послушайте, говорит она, у меня степени двух колледжей Плющевой лиги, опыта посредничества до такой-то матери, личные поручительства от израильского кнессета и лично шаха Ирана...

Тут доктор Фелч умолк на полуслове. Впереди у нас был старый дом, возле которого мужчина в джинсовой робе мыл машину. Мыльная вода струилась по дорожке и вытекала на улицу.

— Это Расти Стоукс, — сказал доктор. — Наш преподаватель зоотехнии. Он же управляет музеем. И еще он председатель совета нашего колледжа. Полезное знакомство. Он тоже придет на общее собрание в понедельник... — Доктор Фелч два раза гуднул и дружелюбно помахал Расти, а тот поднял голову, махнул в ответ и сразу же вернулся к мытью. Доктор Фелч выждал некоторое время, после чего продолжал: — В общем, я пытаюсь эту деваху предупредить о некоторых тонкостях нашего колледжа. Что у нас тут глубокие разногласия. Что преподавательский состав поляризован. Что в кампусе имеется две фракции и отличаются они друг от друга как день и ночь, что фракции эти друг друга презирают и на что угодно пойдут, лишь бы противник их не одолел. Сами понимаете — как вегетарианцы осуждают мясо, а вот мясоеды осуждают... вегетарианцев. В общем, я ей рассказываю, что придется отыскать способ, как работать и с теми, и с другими. А она такая

руку подымает и говорит, что я напрасно время трачу — ей уже приходилось работать с разнообразными преподавательскими составами, все они довольны и всеядны, и она сомневается, что Коровий Мык от них чем-то будет отличаться. Ну разумеется, он отличается, говорю я. *Все* места отличаются друг от друга! Но ее ничем не сдвинуть. У нее все под контролем, говорит она. Училась на тренировочных курсах и теперь специалист по поиску взаимовыгодных решений. Когда она тут со всем разберется, говорит, не будет больше нужды ни в ночных, ни в дневных расколах, потому что весь кампус будет твердо и счастливо сумеречен. Вы только мне доверьтесь, говорит она мне. И я отхожу в сторону...

— Зловеще вы это как-то сказали...

— ...Вы погодите. Я, в общем, отхожу в сторону, и она в первый свой день выходит на работу, паля из всех стволов, а я прикидываю: чтоб она лишь одной ножкой водичку попробовала, назначу-ка я ее ответственной за рождественскую вечеринку, потому что ну что тут может быть проще? У нас каждый год рождественская вечеринка — столько, сколько мы и есть колледж. Это для всех праздник. Вообще-то, единственный раз, когда все преподаватели и сотрудники забывают о своих разногласиях и собираются все вместе, проявляя гармонию и доброжелательство. Само собой, и бесплатная выпивка этому не вредит! Стало быть, это данность, так? Все прямолинейно и непротиворечиво! В общем, чтоб особо не развозить: и двух недель не прошло, а рождественская комиссия тоже вцепилась уже друг другу в глотки. Они отказывались собираться в одном помещении без адвокатов. Произошла по меньшей мере одна физическая стычка с метанием стульев и взаимными обидами. Я попробовал вмешаться и помочь, но было уже поздно. Рождественская вечеринка так и не состоялась. Вот так вот: ФУК! — и нету. Долгую традицию — как корова языком. Чарли, в прошлом году впервые в истории общинного колледжа Коровий Мык у нас не было даже чертовой рождественской вечеринки!

Доктор Фелч докурив одну сигарету и от ее окурка поджигал другую. Окурок первой он сердито швырнул в окно.

— Так она поэтому ушла? — спросил я. — Из-за того, что ей не удалось организовать рождественскую вечеринку?

— Если б!.. — Доктор Фелч потряс головой. — Нет, тогда она по-прежнему еще верила, будто отлично справляется с работой. Считала себя великим приобретением для колледжа. Она, конечно, в этом не виновата. Она вообще ни в чем никогда не была виновата! А кроме того, у нас просто времени на этом долго задерживаться не было, поскольку нам в затылок дышали аккредиторы.

— Аккредиторы?

— Ну, каждые два года к нам с инспекцией приезжают аккредиторы, и то как раз был наш год. А она координировала весь процесс — собирала наш самостоятельный отчет, организовывала им условия пребывания и все такое. И вот в тот день, когда они должны приехать, мне звонит наш преподаватель химии, который как раз случайно проезжал мимо временной автобусной остановки на другом краю города — как раз там, где я вас подобрал, — и говорит, что все они до сих пор стоят там и ждут, когда их отвезут в кампус. Все двенадцать человек. В костюмах и платьях, с планшетками в руках. Они прождали там два часа на солнцепеке, им жарко и хочется пить, и они вполне злы на весь мир вообще и на общинный колледж Коровий Мык и его потуги на подтверждение аккредитации в частности. Она перепутала время! Я, в общем, все бросаю и мчусь забрать их оттуда, покуда их солнечный удар не хватил...

— Вы забирали их... на *этом* вот грузовичке?

— На нем самом. Приезжаю, а в кабину ко мне помещаются только двое, поэтому из уважения к организационной иерархии председателя комиссии я сажаю к окну — вот где вы сейчас сидите, — а вице-председателя — посередке, у него одна нога по мою сторону от рычага, а другая по вашу... — Доктор Фелч показал, как некогда располагались раздвинутые ноги вице-председателя. — Он президент своего колледжа — докторская степень по прикладной лингвистике или как-то, — и мне нужно руку ему между ног совать, чтоб со второй передачи на третью переключиться. А еду я при этом как могу медленно, чтоб *четвертую* передачу не включать, потому что — ну, ни одна научная степень вас к такому не подготовит! Меж тем остальная аккредитационная комиссия со своими планшетками болтается у меня по кузову. Все десять туда набились. Черт, да если б я знал, что они там окажутся, хотя б из шланга окатил...

Я рассмеялся:

— Неудачно сложилось, мистер Фелч. Но я уверен, они отнеслись к этому снисходительно. Вероятно, расценили все как одно из тех экзотических приключений в мелких городках, каких люди из больших городов как раз ищут. Знаете, ну как яму лопатой копать. Вероятно, до сих пор любят эту историю друзьям рассказывать...

— Сомневаюсь.

— ...Хотя в изложении их тут наверняка было еще жарче, а вы ехали еще медленней. Но помимо этого первого впечатления — как прошел их визит?

— Не очень. Колледж понизили до статуса «предупреждение». Теперь доклад-другой — и нас могут лишит аккредитации. Конечно, не она одна во всем этом была виновата — у нашего колледжа имеются вопиющие недостатки, которые нам нужно исправить. Но тот первый инцидент как бы задал всю тональность их визиту. То есть, елки зеленые, мы бы хоть с этой чертовой остановки их забрать могли!

Пока доктор Фелч все это произносил, мы разъехались на дороге со встречным грузовиком, и мой новый начальник помахал кому-то знакомому.

— Одна из моих бывших жен. Заправляет нашей бухгалтерией.

Я поглядел в заднее зеркальце на удалявшийся грузовичок.

— Вы сказали — *одна* из ваших бывших жен. Сколько же у вас бывших жен?

— Четыре. Это не включая мою текущую...

— Вы были женаты пять раз?

— Именно.

— На пяти разных женщинах?

— Ну да. И все они живут в Коровьем Мыке. А это значит, что мне ежедневно приходится с ними видеться. Одна в колледже консультант по профориентации. Другая только что ушла на пенсию с ранчо. Моя третья бывшая заведует нашей бухгалтерией. А последняя — ну, давайте просто скажем, что об *этой* мне говорить не очень хочется.

— Разумеется, я вас совершенно понимаю. У меня самого две бывших...

Между нами повис нежный миг общих мужских воспоминаний. И когда он развеялся, я решил направить беседу в другое русло:

— Так, мистер Фелч, а дети у вас от всех браков есть?

Он рассмеялся.

— Конечно. Меня, знаете, не холостили. Три сына и дочка. Но все они выросли и разъехались...

Тут доктор Фелч не спеша перечислил мне всех своих детей по именам, возрастам и особым талантам — вместе с тем, какой отрез мяса они любят, на чем ездят, и хотя бы по одной прелестной истории из детства соответственно каждого ребенка. С гордостью перечислял он мне имена супругов своих детей, на чем именно *они* ездят, а также различные места по всей стране, где они теперь живут со своими семьями.

— Всё в гости их приглашаю, — сказал он. — Они пока так и не собрались. Наверно, в Коровьем Мыке особо и нечего смотреть, если разок его увидишь. Да и чертовски далеко автобусом ехать просто ради удовольствия...

— Это уж точно, — сказал я. И добавил: — Знаете, мистер Фелч, вам просто тонна чести. Не могу сильно не уважать человека, женатого пять раз...

Меж нами промелькнул еще один томительный миг, а когда и *он* миновал, я продолжил:

— Так последняя координатор особых проектов, судя по тому, что вы говорите, не вполне расположила к себе кампус?

— Это еще мягко сказано. Однако ей это как-то все же удалось. Видите ли, есть люди, которые ее любили и любят до сих пор. Но я еще до самого смешного не дошел. Значит, если припоминаете, мы уже сожгли на солнце наших аккредиторов и тем скомпрометировали свою аккредитацию. А у нас осталась дюжина коробок рождественской выпивки — где-то собирала пыль на складе, а выпить ее негде. Ну и в довершение всего наш расколотый преподавательский состав начинает еще туже стискивать друг другу глотки. Если культурный раскол и *раньше* казался скверным — а он таким и был; вообще-то эскалация продолжалась много лет, — то теперь он совершенно разбушевался. И поверите ли — на пике этого всего данная личность заходит ко мне в кабинет и просит о прибавке?

— Жалованья?

— Дескать, устала она, что об нее все ноги вытирают, и хочет поправку на рост прожиточного минимума, чтобы компенсировать ей проживание в такой сельской, богом забытой местности. А вы учтите, мы уже оплатили доставку ее машины через полстраны, не говоря уж о предоставлении единовременной ссуды на переселение ее собаки и разношерстного сборища сиамских котов. Мы ее в целях профессионального роста на конференции по тантре посылали. Мы даже предоставили ей бесплатное жилье на пару месяцев, покуда она искала постоянное место, что было бы ей больше по нраву.

— Она не хотела жить в преподавательских квартирах на кампусе?

— О нет. Это ей не годится — для шитцу места мало. В общем, полгода она искала жилье. А все это время отменяла заседания рождественской комиссии, потому что ездила смотреть предложения. Маклеры оставляли записки у нее на дверях. И посреди всей этой катавасии она просит меня о *прибавке*. О прибавке! Вероятно, она еще и полагала, что ее заслужила.

— Дали?

— Нет уж, к черту. И так ей и заявил. Хоть и не такими словами. И вот тогда она вчинила мне иск...

Излагая эту сагу, доктор Фелч, казалось, все больше оживлялся. И чем глубже он погружался в историю, тем настойчивее курил. Он уже довершил вторую сигарету и ею подкурил третью, затем поднес тлевший кончик третьей к четвертой. Легкие его теперь явно расплачивались за его решение нанять мою предшественницу, в глаза ее не видя, после одного телефонного собеседования.

— ...То есть прикидываешь ведь, что прилежно потрудился — нанял администратора,

лауреата премий с личными характеристиками от президента Родезии. Она ж должна знать, что делает, правильно? Чарли, черт бы драл, у нее *два* плющевых образования!..

Я сочувственно покачал головой. Доктор Фелч продолжил:

— В общем, так или иначе, вот во что вы ввязываетесь как наш новый координатор особых проектов. Вам придется постараться как следует, Чарли. Я не могу позволить, чтобы эта должность снова себя не оправдала. Слишком много на кону стоит. Нельзя, чтоб эти липовые телефонные нанятые эдак вот оборачивались...

— Похоже, работа мне та еще предстоит.

— Мягко говоря. Я попрошу вас помочь мне в этом году присмотреть за рождественской вечеринкой. И доверю вам самостоятельно провести процесс аккредитации. Наш следующий отчет должен быть составлен в ноябре, а комиссия по аккредитации прибудет в марте. И нам очень нужно все сделать правильно. То есть вы представляете себе, что с нами станет, если мы как колледж потеряем аккредитацию?

— Ну, если Коровий Мык не аккредитован, это будет значить, что ваши студенты не получат действительные дипломы. Их степени не будут признаваться.

— Верно. А это значит, что образование свое им придется получать в других местах. И они *пойдут* туда его получать. Нас покинут все лучшие и блестящие. И не вернуться. Как мои дети уехали и, вероятно, не вернуться никогда...

И доктор Фелч объяснил недавний демографический сдвиг в сообществе: как семьи, прожившие в Разъезде Коровий Мык не одно поколение, теперь уезжают в поисках работы — и как на их место вторгается орда приезжих. Несколько лет назад в рудниках к северу от городка обнаружили какие-то редкие целительные минералы — тот пригород назывался Предместье, — и теперь вокруг городится и растет новая бутиковая промышленность: торговцы продают туристам выходного дня волшебные минеральные кристаллы и мешаются с новым нашествием целителей, хиппи, пророков и священников.

— Чокнутые *психи*, — завершил доктор Фелч. — Лишь половина здешнего народу на самом деле родилась в Коровьем Мыке. Другая половина переехала сюда еще откуда-то. Либо за волшебными минералами. Либо от собственной истории. Либо и то и другое. Вы заметили, что в отборочной комиссии было ровно шесть человек?

— Я слышал, да...

— Так вот, трое там — из самого Коровьего Мыка, а трое — из других мест. Так у нас тут все и делается. Нынче любая группа старается, чтобы ее не задавили числом...

Доктор Фелч притормозил на переходе для скота — перед нами трое верхами гнали вереницу коров. Рядом трусили овчарки, чтобы стадо не разбежалось.

— ...То есть — не поймите меня неправильно — это здорово, что у нас преподаватели из далеких экзотических мест. Черт, да у нас одно время даже штатный физкультурник был из *Калифорнии!*..

Доктор Фелч просиял. Казалось, он особенно гордится этим фактом.

— ...Но становится все трудней и трудней, — продолжал он. — В какой-то момент же приходится и местных нанимать. А сегодня это сделать невозможно. Нынче они должны куда-то еще ехать за своими степенями — а уехав, уже не возвращаются. Обещают вернуться, но просто берут и не приезжают. А вы б вернулись?

Я покачал головой:

— Нет, — ответил я. — Наверное, нет. У Коровьего Мыка для такого чужака, как я, есть некоторая притягательность. Но я понимаю, почему местному может хотеться чего-то

большого.

Доктор Фелч рассмеялся.

— Вообще-то, — сказал он, — вы из тех, кто вернулся.

— Я? Но я же не отсюда! Я и не был-то никогда в Коровьем Мыке, пока на этой временной автобусной остановке не сошел. Я вообще не отсюда!

— В некотором смысле — нет. И все же — отсюда. Не забывайте, здесь жил ваш дед. Он даже суфражистку из реки спас — и я уверен, что в Коровьем Мыке до сих пор живут потомки этой женщины, избиратели. А еще я уверен, что *ее* потомкам тоже есть что рассказать. Поэтому вы у нас, считай, вполне вернувшийся. Думаю, именно это в вас и разглядела комиссия, и вот поэтому мне удалось заставить всех шестерых подписать ваш наем. Половине понравился тот факт, что вы отсюда. А другой половине понравилось, что вы *не* отсюда.

— Так у меня обычно и бывает, — сказал я. — Много разного, но ничего *целиком*...

От перехода для скота мы отъехали и теперь проезжали мимо старого мясокомбината, чей длинный забор, казалось, убегает от нас вперед, в бесконечность. Забор был обшарпан, но внушительен — и так велик, что, казалось, никогда не закончится.

— Это знаменитое ранчо «Коровий Мык». В период расцвета оно кормило полстраны. А теперь еле дышит...

Забор был старый, деревянный, высотой футов восемь, белая краска облупилась, а время от времени на нем попадались выведенные красным лозунги: «ЕШЬ ФАРШ» — гласил один, а через несколько сот ярдов: «ГОВЯДЫ ГОРАЗДЫ!»

Прозвучал еще один встречный клаксон, и доктор Фелч слегка махнул.

— Бывшая жена, — пояснил он. — Консультант по профорientации. — Пока мы ехали, казалось, что каждой второй или третьей встречной машине требовалось помахать, дважды гуднуть или крикнуть что-то в окно. А из них в каждой четвертой или пятой ехала бывшая жена отягощенного ими президента общинного колледжа Коровий Мык. По правую руку мы теперь проезжали тот отрезок длинного забора, что гордо провозглашал: «СТРАНА КОРОВ».

— Ладно, — сказал я немного погодя. — Значит, я, судя по всему, стану помогать с этими двумя задачами? Аккредитация и рождественская вечеринка?

— Именно. И еще кое-какие обязанности будут возложены...

Доктор Фелч теперь съехал с главной дороги на засыпанную гравием парковку возле уличной вывески «Бар и гриль «Елисейские поля». На стоянке было несколько грузовиков — и ни единой легковушки.

— Но ко всему этому мы перейдем попозже. Сначала я хочу вас познакомить кое с кем из ребят...

Доктор Фелч заглушил мотор, кинул ключ на сиденье и, не закрыв окно, направился ко входу в заведение под розовым неоновым силуэтом грудастой француженки, скачущей на необъезженном жеребце. Следом за ним вошел и я.

В баре было темно и прохладно, а изнутри показалось, что мы вступили в параллельное царство времени и пространства. Разменявший полвека музыкальный автомат исторгал песню времен моих деда с бабкой. По одинокому черно-белому телевизору, укрепленному над стойкой, показывали студенческий футбольный матч; позади приемника торчали длинные кроличьи уши антенны. Мы сели за столик в углу, к нам подошел старик в ковбойской шляпе, с зажатой в зубах сигарой и поставил перед нами две банки «Фальстафа»^[2].

— Пиво пьете? — спросил доктор Фелч.

— Можно сказать и так, — ответил я и потянул за ярлык на банке.

— Рад слышать, — кивнул доктор. — А то нынче с образованными нипочем не скажешь... — Он открыл свою банку, а колечко положил в металлическую пепельницу. Я сделал долгий глоток из банки и свое тоже туда положил. Потом сказал:

— Спасибо, что привезли меня в Коровий Мык, мистер Фелч. Очень я это ценю.

— Пока не стоит благодарить. Приберегите до того, как переживете свой первый семестр. Черт, да на рождественской вечеринке спасибо скажете! — И он лукаво мне подмигнул.

— Точно, — кивнул я. — Тогда-то я точно вам спою святочный гимн-другой.

Мы пили и беседовали, и несколько минут спустя в бар зашли двое друзей доктора Фелча и подтащили стулья к нашему столику.

— Это Чарли, — сказал доктор Фелч, когда двое устроились. Мужчины откупорили свои банки и положили колечки в металлическую пепельницу к остальным: теперь их там лежало четыре. За разговором доктор Фелч прикурил пятую сигарету от бычка четвертой, потом затер тлеющий огонек, как и три предыдущих. — Чарли у нас будет новым координатором особых проектов, — сказал он.

— Координатором особых проектов?

— Я буду правой рукой доктора Фелча...

Мужчины кивнули.

— ...Буду вести процесс аккредитации колледжа...

Мужчины опять кивнули.

— ...И помогать с ежегодной рождественской вечеринкой.

Тут они рассмеялись.

— А вот с *этим* — удачи вам! — сказали они.

Доктор Фелч продолжал:

— Ребята, о Чарли я вам рассказывал... с неожиданным ответом на вопрос про вздутую мошонку.

— Так это *вы*?! — сказали они и одобрительно захлопали меня по плечу.

Мы пили, а когда всё выпили, третий человек выставил еще по пиву и мы выпили еще. Пока сидели, беседа шла, куда полагается; время от времени мужчины поднимали головы посмотреть матч по старому телевизору, и после долгой перебежки от борьбы за мяч или важного перехвата защиты раздавался крик.

— Надеюсь, вы привезли с собой дождь, Чарли! — сказал один после дискуссии о засухе в области — засухи веков, как они ее называли, — и я им ответил, что вообще-то немного прихватил:

— Он в машине, у меня в чемодане.

Мужчины рассмеялись, и беседа вилась себе дальше. С любопытством, свойственным всем маленьким городкам, они спрашивали меня о предыдущих работах и браках, о том, что привело меня обратно в Коровий Мык после стольких лет, — и я на них отвечал, как мог. Но главным образом — слушал, как эта троица обсуждает происходившее в городке и прочую сиюминутную болтовню, что в самой мимолетности своей также бесконечно вневременна. Страстно беседовали они о самых насущных политических вопросах Разъезда Коровий Мык, о том, как изменился городок за эти годы по сравнению с тем, каким они его знавали в молодости. С усталым смиреньем говорили о новых людях и их странных ухватках, о

здешних старожилах, которых давненько не видели, — кто умер, кто уехал, а иные того и гляди переедут или помрут.

— Слыхали, сестра Мерны наконец-то дом свой продала? — спрашивал один.

— Да ну? — отвечал другой. — Та, что на «додже» ездит?

— Это ее другая сестра. У этой — «форд».

— Шестицилиндровый?

— Ну.

— С деревянной обшивкой по борту?

— Именно.

— И трубчатой рамой?

— Да.

— Знатная у нее трубчатая рама!..

И все мужчины согласно закивали.

— Ее будет не хватать, — сказали они и выпили в память о Мерне. И вновь беседа вилась, и вновь возвращалась к злободневным темам: переменам в политике Разъезда Коровий Мык, различным пошлинам, вызванным понаехавшими, и последними трудностями у множества их знакомых горожан, с кем они вместе росли.

— Но слышал, другая сестра Мерны по-прежнему свой грузовик продать никак не может...

— Та, что на «додже» ездит?

— Точно.

— А какой она продает? Джип?

— Нет, «форд». Джип она уже продала.

— Да ну? И кто *такой* рыдван купит?

— Расти.

— Зачем это Расти джип? У него ж и так уже два грузовика!

— Нет у него двух. Его дочка месяц назад «шеви» разбила.

— Да ты что?

— Ну, девчонка в канаву заехала, когда домой с речки возвращалась как-то вечером.

— Одна?

— С дружкой своим.

— Нехорошо это.

— Да уж куда хуже-то.

— Так у Расти, значит, один грузовик остался?

— Именно. Потому и купил у Мерны этот старый джип. И теперь у него опять два.

— Ну-у... вот сразу видно, насколько я тут от жизни отстал!..

— Да, дружище, тебе точно почаще надо б на улицу выходить!

Мы вчетвером пили дальше, и в какой-то момент двое мужчин отошли покидать дротики у стойки рядом с барменом, а доктор Фелч закурил еще одну сигарету, шестую.

— Ну, на дорожку... — сказал он и протянул банку в мою сторону; в металлической пепельнице теперь лежало семнадцать колечек. Я положил восемнадцатое. Доктор Фелч одобрительно кивнул, а потом сказал: — Отлично тут у вас все будет, Чарли. — Банку я держал в руке, словно она была хрупкой судьбой всего местного сообщества. — Только покажите мне одну любезность...

— Само собой, — сказал я.

— Не забывайте воспринимать нас всерьез.

— Прошу прощения, мистер Фелч?

— Я вас сюда не просто так привез, Чарли. И поначалу мы к вам отнесемся с презумпцией невиновности — стиль у нас такой. Но не принимайте нас как должное. Такого здешняя публика не прощает.

(Я вдруг услышал голос своей жены — то, что она много раз говорила мне, пока мы были женаты. «Ты принимаешь меня как должное», — говорила она, выражаясь так или иначе. Но я, как обычно, отмахивался со смехом: «Это ровно то, что мне говорила моя предыдущая жена!») И затем: «Все вы, женщины, одинаковы!..»)

Доктор Фелч дождался, не опуская пива — и не отпивая.

— Я вас услышал, мистер Фелч, — сказал ему я. — Поверьте мне, именно в этом я и стараюсь чего-то добиться. Ценить людей, пока они рядом, чтоб они могли понять, как я их ценю...

— Просто запомните, Чарли, в этом мире легко любить красивое. Но если вы намерены тут у нас в Коровьем Мыке как-то обустроиться, вам понадобится любить и нечто иное. Вам придется полюбить то, что *не любят*.

— Не любят?

— Да. Нечто потоньше. То, что не так легко поддается восхищению.

— Приложу все силы, сэр, — сказал я. — И буду любить то, что не любят.

Тут-то мы и выпили.

Спустя несколько мгновений фонового шума — болтливой рекламы сигарет по телевизору, шороха виниловой пластинки, скачущей в музыкальном автомате, потом за стойкой чпокнули еще одной банкой пива — доктор Фелч посерьезнел. Впервые за время нашего знакомства он заговорил еле слышно:

— Только я вот чего не понимаю. И, может, тут, Чарли, вы мне сумеете помочь... — Я подался вперед, чтобы лучше расслышать в окружающем шуме, что он говорит. — ...Может, вы мне сможете объяснить, как это человек способен уехать отсюда, где был его дом, и больше туда не возвращаться? Как отказаться от своей культуры ради чьей-то еще? Чарли, может, вы сумеете помочь мне понять, как человек с такой большой историей просто... *уезжает*?

Я начал было сочинять ответ, но не закончил. У меня другой опыт, это я знал, и в нем для доктора Фелча не будет особого смысла. Поэтому мне осталось лишь пожать плечами — и только. Доктор Фелч с минуту смотрел на меня, затем покачал головой и проглотил остаток пива. Потом собрал из пепельницы все колечки и ссыпал их себе в карман рубашки — для внучкиной коллекции, пояснил он. В углу бара снова раздался рев вокруг телевизора — тачдаун провели «свои»; я признал команду четырехгодичного колледжа за тысячу с лишним миль отсюда. Когда я допил свое, доктор Фелч хлопнул меня по плечу.

— Ладно, Чарли, пора везти вас в кампус. Рассчитывайте быть у меня в кабинете первым делом с утра в понедельник на общем собрании. На следующей неделе студентов еще нет — только преподаватели и сотрудники, — поэтому вам выпадет хорошая возможность познакомиться с коллегами и попривыкнуть к личностям. А как я уже сказал, Бесси поможет вам завестись и поехать...

Доктор Фелч расплатился и, когда мы выходили, кивнул троице у стойки, а они крикнули, оторвавшись от своих дротиков:

— Держитесь давайте, Чарли! — сказали они и: — Удачи!

Я их поблагодарил, и мы направились к свету дня.

* * *

Снова сев за руль, доктор Фелч весь остаток пути ехал, чередуя пустячную болтовню с пьяненькими паузами.

— Мы почти в кампусе, — сказал он, пока мы следующие десять минут ехали мимо высохших деревьев и старых домов с выбитыми окнами, вдоль еще одного оросительного канала, по которому не текла никакая вода. — Главный въезд вон там, за путями. — Мы перевалили через рельсы и поехали по пыльной дороге. Как и с самого моего приезда сюда, пейзаж вокруг был сух и пустынен, уныл и бесцеремонен. Доктор Фелч свернул влево на небольшую дорогу, затем еще раз влево — и направился прямо к щиту в отдалении, который гласил: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОБЩИННЫЙ КОЛЛЕДЖ КОРОВИЙ МЫК», а ниже и мельче: «Где сходятся умы». Перед въездом в кампус поставили будку охраны, а через дорогу тянулась деревянная рука, преграждавшая нам путь.

— Добрый день, мистер Фелч, — сказал охранник, шагнув из будки.

— Привет, Тимми.

Охранник протянул доктору Фелчу планшет с какими-то бланками на подпись; тот их подписал, не читая, а потом показал на меня.

— Это Чарли, — сказал он. — Он у нас будет новым координатором особых проектов.

Я перегнулся поздороваться.

— Приятно познакомиться, — сказал я сквозь открытый трапециод окна доктора Фелча.

— Взаимно, Чарли! — ответил он. — Добро пожаловать в Коровий Мык!

Доктор Фелч начал было прикуривать восьмую сигарету от седьмой — или девятую от восьмой? — но передумал. Вместо этого он загасил ее в пепельнице приборной доски.

— Чуть не забыл. Новая политика... мы с этого года — некурящий кампус. — Доктор Фелч покачал головой и вздохнул. — Черт бы драл...

Тут рука поднялась, и наш грузовичок миновал ворота и въехал в кампус общинного колледжа Коровий Мык.

По другую сторону ворот

*Из тьмы невежества
К свету высшего образования
Ведут простые ворота,
Старые и тяжеловатые.
А я, образовательный управленец, —
Их верный страж,
Чьи умелые, но дрожащие руки
Должны как-то справиться с засовом.*

Сказать, что кампус общинного колледжа Коровий Мык отличался от городка вокруг, давшего ему имя, — все равно что отметить: дочь часто совсем не похожа на мать, в чьем доме она живет и к чьей фамилии уже не может вернуться, — или что остров часто склонен отличаться по цвету и содержанию от окружающего его того, что повлажнее. Пока я в изумлении пялился на разворачивавшуюся передо мной панораму, доктор Фелч миновал ворота, отделявшие колледж от пыльного мира снаружи, и въехал в изумрудный оазис просторных лужаек и густой зеленой травы, чей каждый стебелек был ярок, а поливалки плевались и шипели. Четкий метафорический порог, пересекаемый каждым, кто вступает в кампус высшего учебного заведения и поскромнее, — внезапный перелом в ландшафте, предназначенный укрепить раздел опустошенного мира невежества по другую сторону ворот и царства наманикюренного просвещения по *эту*, — здесь, в Коровьем Мыке, казался еще отчетливей, чем в других колледжах, где мне довелось побывать. И пока доктор Фелч сворачивал на главную дорогу, делившую кампус надвое, я, разинув рот, разглядывал этот манящий мир свежей травы, зеленой надежды и аккуратно подстриженного оптимизма. У череды прудов и рукотворных лагун высились сосны, а по воде гребли лебеди, плескалась рыба, и на берегах прохлаждались пеликаны. Живые изгороди роз и лаванды росли вдоль дорожек к зданиям, тщательно предопределенными орнаментами вспыхивали цветы всевозможных видов и оттенков, и казалось, что все это — все до единого петунии, тюльпаны и нарциссы, все орхидеи и одуванчики — все это цветет и благоухает. Докуда хватало глаз, все было ароматным и пышным, и столь внезапное явление такого количества зелени, красок и свежести посреди растрескавшейся жары и солнцепека моего долгого автобусного путешествия до Разъезда Коровий Мык — из удушающей пыли медленной дороги через весь городок — было так внезапно и неожиданно, что я буквально и вполне громко ахнул при виде всего этого. Вместо застойной духоты последних нескольких часов теперь — казалось, с обоих краев кампуса сразу, — дул прохладный ветерок. Птицы чирикали и пели. Крякали утки. Под клонившимся к закату солнцем цвел жасмин. Уж точно никогда не представало предо мной более изящного портрета студенческой жизни, на котором учащиеся в школьных формах полеживают с раскрытыми учебниками на травке, а сами весело хохочут над неукротимостью собственного будущего. Даже воздух тут казался прохладней и осенней — коллегияльней, — чем несколько минут назад. Впитывая это все, легкие мои наполнились зябким многообещающим воздухом, что был гораздо живее тех жары и выхлопа, какие мы только что оставили за воротами, как будто всю жизнь и все плодородие из городка Разъезд Коровий Мык высосали, а окружающая котловина долины Дьява вся

сосредоточилась здесь, в этой щедрой колыбели науки, плодотворности и полноценности.

В конце этого субботнего дня один лишь грузовичок доктора Фелча катил по кампусу, и мы медленно проезжали мимо разнообразной флоры, наделявшей колледж всею этой пробуждающейся жизнью. На центральной аллее, еще не заповененной студентами, не вернувшимися с летних каникул, на изысканный кафетерий отбрасывал тень огромный платан. У административного корпуса исполинские тополя мешались с березами и фиговыми пальмами, образуя причудливый полог растительности. Вдоль главной трассы вела долгая эспланада, обрамленная попеременно саженцами фиг и вязов. А вдалеке я различил баньян, старый кедр и даурскую лиственницу — все они росли в нескольких шагах друг от друга, однако ни одно дерево не покушалось на тень другого и всем удавалось жить бок о бок в гармонии экосистемы. Рядом с грушами росли гранаты. Сожительствоваали грейпфруты и абрикосы. Виргинский ломонос нежным питающим объятьем оплетал собою ветви вздымавшегося вишневого дерева. Кампус раскинулся вокруг трех рукотворных лагун, и пока грузовичок наш тархтел к преподавательскому жилому корпусу, мы миновали три тематических фонтана, по одному в каждой лагуне: каждый выбрасывал в воздух высокие струи воды из внушительных бронзовых статуй, символизировавших богатство истории Коровьего Мыка. В первом фонтане, у библиотеки, на задние ноги вставала аппалуза, и вода била у лошади изо рта; во втором, у корпуса естественных наук, на свой аркан смотрел ковбой, и вода била у него изо рта; а в третьей лагуне — той, что расстилалась у корпуса зоотехнии и служила лицом всего кампуса, — огромный бык готовился покрыть телку, и из него тоже хлестал внушительный поток воды.

— Да это прекрасный кампус! — воскликнул я.

— Да, к сожалению... — ответил доктор Фелч с усталым вздохом.

Наконец мы добрались до двухэтажного кирпичного здания, укрытого ложным плющом, — Центра преподавательского и временного жилья имени Фрэнсис К. Димуиддл. Доктор Фелч подъехал к обочине и выключил мотор. Звук замер так же внезапно, и в этой новой тишине окружающие звуки птиц, ветерка и пеликанов поражали еще сильней.

— Ну, вот жилой комплекс для преподавателей, — сказал он. — Вы на втором этаже.

Доктор Фелч схватил мои чемоданы и занес их по лестнице к дверям квартиры.

— Извините, но жить вам придется рядом с математиками. Надеюсь, будет нормально...

— А почему нет? — начал было спрашивать я, но доктор Фелч уже отпер дверь и толкнул ее. Не входя в квартиру, он отдал мне ключ и пожелал хорошего отдыха в оставшиеся выходные.

— Увидимся первым делом в понедельник, — напомнил он и потряс мне руку. Затем еще раз хлопнул меня по плечу и сказал: — Отлично у вас получится, Чарли... будущее у вас в руках.

Я его поблагодарил, и он ушел.

Рев мотора доктора Фелча затихал вдали несколько минут, и лишь когда звук пропал совсем, я принялся разбирать чемоданы и раскладывать вещи: обязательные зубные щетки и лекарства, бритвенные принадлежности и записи, которые следовало подготовить к первому дню моей работы в понедельник. Я обрадовался, обнаружив исторический роман, который читал в долгой автобусной поездке, и положил его на подушку; это художественное произведение по-прежнему было заложено на той странице, куда я вставил закладку перед тем, как приехать в Разъезд Коровий Мык. Когда это было сделано, я открыл в гостиной окно, выходившее на ковбоя с арканом. Воду, бившую у него изо рта, разбрасывало ветром, и

она падала странствующим туманом, а солнце отражалось от водяных кристаллов и творило изменчивые радуги в брызгах.

— Мое будущее! — сказал я и, прихватив ключ от квартиры, отправился внимательней осматривать три фонтана, в которых танцевали радуги.

* * *

Кампус оказался на удивление просторен для такого маленького колледжа, где училось меньше тысячи студентов, и я, шагая по главному тротуару от одного фонтана к другому, отметил Мемориальный спортзал имени Сэмюэла Димуиддла, а рядом — Стадион Димуиддла, граничивший с Ботаническим садом и Природным терренкуром имени Дороти Димуиддл с одной стороны и Оружейно-стрелковым комплексом Димуиддла — с другой. На какое здание ни глянь — каждое несло на себе имя Димуиддлов, и очевидно было, что эти самые Димуиддлы — кем бы ни были они — питали сильную приязнь к учебному заведению и оставили ему значительное наследство. На тротуарах никого не было, и в безмолвном покое, что так странен, однако так знаком перед началом нового семестра, я воображал себя последним выжившим в постапокалиптическом мире, где не осталось ни одной живой души. Если и есть что-либо еще более одинокое, нежели поездка в одиночку на автобусе сквозь время и пространство, то лишь этот тихий экзистенциальный страх школы, в которой нет молодежи. Душу кампусу сообщает радость жизни, рожденная в смехе и непосредственности молодежи; отнимите ее — и вам останется зловещая пустота, полное безмолвие растущей травы и творимой писанины. Без всякой полноценной цели скрипучие качели, пустые классы, велосипедные стоянки без велосипедов — все это намекает на мимолетную природу самой жизни: жизнерадостных молодых людей, переросших это самое яркое время своей жизни и перешедших к скучному спокойствию взрослой зрелости. Там, где раньше я ощущал возбуждение нового начала, куда ехал по кампусу в грузовике доктора Фелча, ныне я переживал полную его противоположность: тягостное молчанье, повисшее после того, как новизна надежды потускнела, — когда остались только сама школа без смысла ее, или городок, отказавшийся от собственной души, или колледж, рискующий сбиться с пути, растерять свою историю и утратить аккредитацию, все сразу.

Я сел против гаснувшего света на цементную скамью перед самой обширной лагуной — все жесткое сиденье было мокрым от мороси, надуваемой от фонтана. Бык в центре лагуны был так же вирилен, а телка — так же покорна, как и прежде, когда я проезжал мимо; но теперь солнце склонилось и туман стал холодным. Сидя там, я думал о мучительной тропе, что привела меня в Разъезд Коровий Мык, — о бессчетных случайных совпадениях, которые должны произойти, чтобы человека занесло через полстраны к фонтану в этой зябкости, где собираются радуги, а бык вечно кроет телку. Одно за другим припоминал я звенья в этой цепи, смутные милости случайных людей по пути, что привели меня сюда, где я теперь. Лица, которых я не видел — или даже не думал о них — много лет: учительницы во втором классе, с каштановыми волосами и прекрасной улыбкой; девочки из старших классов, что, сама того не ведая, вдохновляла самые беспокойные мои грезы в те пылкие годы; дружелюбной кассирши; мужчины с тростью; медсестры; знакомой по колледжу, что позволила мне сопроводить себя от невинности к женственности; трех прохожих, поднявших меня с окровавленного асфальта, — теперь эти лица явились мне со всею ясностью: эти

люди коснулись ненадолго моей жизни и затем всего лишь продолжали чертить одинокие траектории своей, словно стрелы, выпущенные друг мимо друга. Как ясно и прямолинейно казалось все это, если обернуться. Как совершенно значимо множество незначительных встреч по пути, какие почти неощутимо подталкивали меня к этой моей судьбе — координатора особых проектов общинного колледжа Коровий Мык. И вот в тот миг сколь *правильным* все это казалось — столь непреклонно и целенаправленно организовано, чтобы привести меня в единственное место на целом свете, где такой вот фонтан мог бы олицетворять собою надежду и обещанье.

Уже почти стемнело и очень похолодало. Я не захватил куртки, и зубы у меня стучали от озноба и мороси. Но прежде чем вернуться, следовало сделать еще кое-что. Вынув из кармана старую монету, я поглядел на величественного быка и его телку, отпечатавшихся навеки в гаснувшем небе. В полутьме казалось, что вода, хлеставшая из этого массивного быка, действительно будет течь сквозь нескончаемое время и пространство, до самого своего истока. Изо всех сил я швырнул монету в середину фонтана и проводил глазами ее отплытие в вечность.

В квартире я принял теплый душ и тихо лег в постель. Местные новости по телевизору давали полезные советы, как пережить засуху, парализовавшую всю область; спортивный диктор сообщал о сокрушительном поражении, что потерпела футбольная команда, за которую болела та тройка в баре; а за спортивной сводкой последовал прогноз погоды на следующие пять дней — для городского центра так далеко от Разъезда Коровий Мык, что значения он не имел, звучало скорее экзотично. Усталое я повернул ручку и взялся за свой исторический роман. Уже через несколько минут меня стало клонить в сон, и, несмотря на все усилия, я чувствовал, как книга выскользывает у меня из рук. Я было подумал, что прочту хотя бы еще одну главу — несколько страниц, чтобы завершить этот полный событий день, — но не успел я дочитать и следующий абзац, как густой сон окутал меня, и я отошел к нему, не погасив ночника, не укрывшись, а недочитанная книжка латной пластиной упокоилась у меня на груди.

* * *

Последнее воскресенье перед моим первым рабочим днем прошло без треволнений, в спокойном созерцании моей новой квартиры. Я прочел новую главу романа, начатого в автобусе. Посмотрел по телевизору у себя в комнате какие-то старые эстрадные программы. Честнолюбиво составил список из трех личных целей, которые поставил себе на первый год в общинном колледже Коровий Мык:

1. Отыскивать влагу во всем.
2. Любить нелюбимое.
3. Переживать как день, так и ночь.

В тиши своей квартиры я смотрел на эти цели, и мне нравилось, как они звучат. У человека никогда не будет чересчур много целей в жизни, подумал я, и *три* — число не хуже любого другого. Однако чего-то не хватало. Через несколько минут я взял листок снова и дописал себе четвертую цель на весь период пребывания в Коровьем Мыке. И вот эта

четвертая цель — без нее никак — наверняка станет самой честолубивой из всех:

4. Стать чем-то *целиком*.

* * *

Наутро я направился в административный корпус на встречу с доктором Фелчем, чей кабинет находился на втором этаже, откуда открывался непревзойденный вид на фонтан с аппалузой. Я легонько постучал в дверь, а когда ответа не последовало, постучал еще раз, погромче.

— Его нет, — раздался голос. Я развернулся и увидел женщину моего возраста, густые волосы подобраны и завязаны в строгий узел, в темно-синем деловом жакете из полиэстера и такой же юбке. — Он еще не пришел. Вам что-нибудь нужно? Или вы просто хотели и дальше стучаться?

— Простите, — сказал я. — Но уже девятый час, а мистер Фелч назначил мне ровно на восемь. Я здесь новенький...

— Вы новый координатор особых проектов?

— Именно! Приятно познакомиться... Я Чарли...

Я протянул руку, и женщина пожала ее, стиснув мне пальцы еще болезненней, чем двумя днями раньше делал доктор Фелч на временной автобусной остановке.

— Славная хватка! — сказал я.

Женщина не улыбнулась:

— Не *похожи* вы на координатора особых проектов, — пояснила она. Рассматривала меня она оценивающе и с любопытством, едва ль не подозрительно. — Так или иначе, можете присесть вот на этот жесткий пластмассовый стул и подождать президента Фелча. Он должен быть с минуты на минуту.

Я сел и взял журнал. Женщина устроилась за какой-то писаниной у себя на столе и, хотя могла бы занять меня какой-нибудь любезной беседой, очевидно, не сочла это необходимым. В тишине тикали часы на стене, а за окнами снаружи раздавались крики пеликанов. И в этом беспрецедентном наложении звуков — часов, пеликанов и газонокосилок, стонавших вдаль, — мне оставалось лишь недоумевать, среди бесчисленных прочих загадок, на что *должен* быть похож координатор особых проектов.

Сидя на холодном пластмассовом стуле, я исподтишка изучал манеры этой туго скрученной женщины. Глубокий клинообразный вырез ее блузки. Как трепетали у нее ресницы, когда она щурилась, читая письмо. Украдкой я оглядывал очертания ее полных плеч под полиэстеровым жакетом и то, как локоны падали ей на лицо, пока она раскладывала карандаши и смахивала пыль с печатной машинки. А затем — как ее мягкие руки еле заметно подрагивали, когда она отвлеклась, чтобы с любовью протереть две рамочки с портретами, как я предположил, ее маленьких детей.

Я раскрыл журнал и принялся его листать. В одной статье вкратце излагалась суть текущего конфликта; другая очерчивала портрет недавно опозорившегося политика; еще одна рассказывала о выводе наземных войск из крупнейшей на свете горячей точки. Я вяло переворачивал страницы и прочел уже полстатьи о распаде некогда великой сверхдержавы, когда в приемную вошел доктор Фелч.

— Утро, Бесси, — сказал он, после чего: — Доброе утро, Чарли. Простите, что опоздал. Вижу, вы уже познакомились? — Доктор Фелч жестом поманил меня, и я следом за ним вошел в кабинет, где он предложил мне пластинку жевательной резинки, от которой я вежливо отказался. — Говорят, помогает сбросить тягу к куреву, — пояснил он. — Но *мне*-то вот уж точно не помогает!

Доктор Фелч пошелестел какими-то бумагами у себя на столе. Кабинет его был отделан панелями темного дерева и меблирован черными кожаными креслами по бокам от рабочего стола. Над ним к стене была привинчена лакированная коровья голова. За его креслом стояла большая латунная плевательница, сообщавшая всему кабинету острый дух отхаркнутого жевательного табака с отдушкой из гаультерии. Окно, смотревшее на фонтан с аппалузой, от потолка до пола обрамляли ниспадавшие буро-малиновые шторы. На столе у доктора располагались всевозможные рамки с портретами детей и их семейств: молодая пара багроволице улыбалась посреди какого-то заснеженного лыжного курорта; несколько загорелых туловищ стояли на тропическом пляже; студийные кадры улыбающихся мамы, папы и детей.

— Ну и как вам Бесси? — спросил он.

— Так это была Бесси? — сказал я. — Вроде ничего. Хотя мне показалось, я ей не очень-то пришелся.

Доктор Фелч рассмеялся.

— Ага, она со всеми такая. Но не принимайте на свой счет. Я же говорил, она бульдог. Но со временем и вы к ней привыкнете.

— Надеюсь.

— Только терпение. И не пытайтесь к ней в блузку залезть. С этим почти никогда хорошо не выходит...

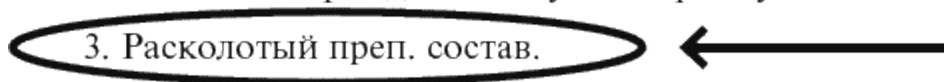
Доктор Фелч протянул мне листок, на котором сделал какие-то пометки.

— Вот ваши первоочередные задачи на семестр, — сказал он. Список был пронумерован и содержал два императива и тавтологию в кружке:

1. Провести процесс аккредитации.
2. Обеспечить рождественскую вечеринку.
3. Расколотый преп. состав.

1. Провести процесс аккредитации.
2. Обеспечить рождественскую вечеринку.

3. Расколотый преп. состав.

— Последний пункт будет гадским, — сказал он. — Я даже не знаю, какой глагол перед ним поставить. *Примиришь? Сомкнешь? Умиротворишь?* Сегодня это может быть даже *разоружить*. В общем, вы поняли. Какой бы глагол ни пришел вам в голову, постарайтесь, чтоб он был хорошим. От вас зависит будущее нашего колледжа.

Доктор Фелч умолк. Потом произнес:

— Занятия начинаются только в следующий понедельник, но все преподаватели должны быть в кампусе уже на этой неделе. Через несколько минут начнем наше общее собрание. Я попросил Бесси предоставить вам всю полезную предысторию. Попробуйте запоминать имена и обращайтесь особое внимание на личности и их динамику. Отмечайте автомобили и

попытайтесь не запутаться в различных началах координат, что привели всех нас к этому сегменту времени и пространства. Для вас это сразу будет чересчур информации, я знаю, но вы уж постарайтесь. И просто задавайте Бесси все вопросы, какие у вас возникнут. Еще она вам отдаст ключ от вашего кабинета. Тот прямо по коридору отсюда, напротив кабинета нашего научного сотрудника, поэтому рассчитывайте, что отныне и впредь мы вчетвером будем часто встречаться.

Еще доктор Фелч сказал, что предоставит мне экземпляр самого последнего самостоятельного отчета к аккредитации, а также разочарованное резюме приезжей комиссии. («Нам нужно будет разобраться со всеми их рекомендациями и выговорами».) И еще Бесси мне даст копию протоколов заседаний прошлогодней рождественской комиссии, чтоб я сам убедился, с чего все начало разваливаться и как нам вновь собрать все куски воедино.

— Помимо того, — продолжал он, — эта неделя — просто возможность подготовиться к грядущему семестру. Распорядитесь этим временем с умом. Поверьте, в *данный* миг все вам может показаться медленным, но как только семестр начнется, все задвигается совершенно в другом темпе: оно заживет какой-то собственной жизнью. Пока же смотрите во все глаза на различные группировки и фракции в кампусе. Вскоре вам уже придется меж ними лавировать.

Доктор Фелч посмотрел на часы: время приближалось к половине девятого.

— Бесси! — крикнул он в приемную. Та вошла, и доктор Фелч показал на меня: — Бесс, возьмите вот Чарли и покажите ему кафетерий, будьте добры? Мне нужно подготовиться к общему собранию.

Мы вдвоем вышли из кабинета доктора Фелча, спустились по лестнице и ступили на эспланаду.

Как я быстро понял, Бесси была отнюдь не словоохотлива. Но пока мы долго шли от административного корпуса к кафетерию, вела она себя как верный экскурсовод, — исправно объясняла все, мимо чего мы проходили: прачечную кампуса, книжный магазин колледжа, тир для преподавателей и сотрудников, конюшни, где студенты-зоотехники готовят свои работы по осеменению. Сюда по вторникам сдается химчистка, говорила она. *А вот там*, если хотите, можно купить бритву для этой вялой щетинной поросли у вас на верхней губе.

— Вы имеете в виду мои *усы*?

— Если предпочитаете называть их так...

Бесси ходила напористо, и я на ходу не мог не отметить, как шелестит у нее при каждом шаге юбка. Эта женщина носила высокие каблуки, а ноги у нее были в колготках — при этом она справлялась с тяжелой коробкой бумаг, которую отказалась отдать мне, — однако поступь у нее была столь проворна, что я за нею едва поспевал.

— Вы так быстро ходите! — попробовал вымолвить я, но она в ответ лишь хмыкнула.

Вскоре мы миновали Обсерваторию Димуиддла, а через несколько минут — Концертный зал Саймона и Кэтрин Димуиддлов. Когда мы приближались к Центру скотоводства Димуиддла, мое любопытство наконец не выдержало.

— А кто все эти Димуиддлы? — спросил я. — Их имена на каждом здании! — Не сбавляя шаг, Бесси объяснила, что патриарх Димуиддл сколотил состояние на военной промышленности и крупную долю своей компании оставил общинному колледжу Коровий Мык. Поговаривали, что каждая седьмая пуля, выпущенная во всем мире, изготовлена в Арсенале Димуиддла — и всякий раз, когда где-то на свете вспыхивает вооруженный

конфликт, колледж получает прямое вливание средств из Фонда наследников Димуиддла.

— Нам очень повезло с такой палкой о двух концах, — завершила она.

В итоге мы дошли до кафетерия, где проводилось общее собрание, — Мемориального кафетерия имени Артура и Мейбл Димуиддлов, — и Бесси, оставив коробку с бумагами секретаршам при входе, стала пробираться к сиденью в самом дальнем углу кафетерия, откуда было бы удобно наблюдать за всей панорамой преподавателей и сотрудников, пока те входят, получают раздаточные материалы к общему собранию и рассаживаются по залу.

— Вам лучше взять блокнот, — посоветовала она. — Будет много фактов и цифр. — Я в ожидании извлек желтый линованный блокнот из своего жесткого портфеля и лизнул кончик ручки.

— Готов! — сказал я.

Когда в зал, улыбаясь и здороваясь друг с другом, стали входить первые преподаватели и сотрудники, секретарши за передним столиком их регистрировали, а Бесси зачитывала мне их имена, должности и отличительные отзывы — почти как комментатор, перечисляющий коров-лауреатов на сельской ярмарке:

— Расти Стоукс. Преподаватель зоотехнии и злостный курильщик, — говорила она, и я принимался ожесточенно корябать у себя в блокноте. — Председатель Совета колледжа и один из самых пугающих людей в кампусе. У него два грузовика, включая джип, купленный у сестры Мерны Ли. Овощей не ест. Не любит коммунистов. Не верит в существование целесообразных альтернатив гетеросексуальности. Обожает огнестрельное оружие.

Следом за ним вошла женщина средних лет в развевающемся сари, с болтающимися хрустальными серьгами и элегантной красной точкой на лбу:

— Марша Гринбом. Преподаватель медсестринского дела на втором курсе. Переехала сюда из Делавэра прошлой осенью, продав там свою конопляную ферму. Строгая вегетарианка. Предпочитает ситарную музыку. В новом районе города, который называют Предместьем, у нее холистическая медицинская практика. В свободное время обучает йоге. Пылко стремится к нирване и вот *настолько* отстоит от ее достижения. — Большим и указательным пальцами Бесси обозначила, на сколько Марша отстоит от нирваны. — К несчастью, у нее также чесотка в запущенной форме...

Я все это записал.

Через минуту вошел пожилой человек в сером костюме, федоре и с красным галстуком-бабочкой. Бесси сказала:

— Уилл Смиткоут. Самый старей педагог у нас в колледже. Преподает раннюю историю США и лекции читает все по тем же конспектам, что и тридцать лет назад, когда начинал. Пройдя осенью был председателем рождественской комиссии — тогда в первый и единственный раз за все время существования колледжа нам удалось не провести вечеринку. Раньше в кампусе был силой, а теперь просто досиживает до пенсии. В этом процессе ему помогает бурбон с тоником...

Снаружи у кафетерия начала выстраиваться очередь, а в зале накапливалась энергия — предвкушением общего собрания, которое начнет для колледжа новый учебный год. Секретарши суетились, стараясь побыстрее запустить всех внутрь, и я едва поспевал записывать массу биографических и исторических сведений, которые Бесси метала в меня стремительным бубнежом. Там была внештатная беженка из Пенсильвании, преподававшая историю искусств и ездившая на «саабе». И пухловатый мужчина в штате — он водил «форд ф-1» и преподавал оружейное дело. За ним стояли Херолд и Уайнона Шлокстины,

единственная формально признаваемая колледжем семейная пара; слева от них — Сэм Миддлтон, знаток средневековой поэзии и ведомственный анархист с членской карточкой; а за ним — Алан Длинная Река, преподаватель ораторского искусства и потомок коренного населения из первоначального местного племени, который вот уже более двенадцати лет не перекинулся ни единым словом ни с кем в колледже, включая своих студентов.

— Это крайне парадоксально, — сказал я. — Как кто-то может преподавать ораторское искусство, при этом не...

— *Разговаривая?* Об этом я знаю не больше вашего, Чарли!

Мой наблюдательный проводник представляла мне одну за другой множество примечательных личностей общинного колледжа Коровий Мык — не только чем занимались мои новые коллеги в профессиональной своей ипостаси, но и чем стремились быть под сенью личной жизни. Так я узнал о сорокашестилетней преподавательнице антропологии и матери шестерых детей, некогда танцевавшей в кабаре в Нью-Джерси; она и поныне лелеяла мечту о карьере в интерпретационном танце. И о дородном учителе физкультуры, чье знакомство с пальцами собственных ног теперь ограничивалось косвенными слухами и смутными детскими воспоминаниями, — но все свои летние каникулы он участвовал в турнирах по боксу без перчаток в своем родном штате Джорджия. И о чарующем преподавателе творческого письма без единой опубликованной работы — однако его сексуальные подвиги со студентками уже вошли в местные легенды. («Его хоть в Новую ориентационную программу для абитуриентов вписывай!» — буркнула Бесси.) Был преподаватель психологии, по средам вечером певший блюз в «Елисейских полях»; и давний заведующий кафедрой садоводства и огородничества, в последнее время проводивший творческие отпуска в поездках по стране — за изысканиями в анналах американского кукольного театра; и недавно пошедший на повышение приглашенный профессор астрономии — он ни разу за всю свою работу в штате не улыбнулся, но, как поклялась Бесси, через выходные ездил за шестьсот миль отсюда, чтобы выступить в комическом разговорном жанре по клубам ближайшего крупного города. Вообще-то таланты цвели в нерабочее время по всему кампусу общинного колледжа Коровий Мык, словно кусты ночецветного жасмина. Так вот — и с помощью полезных подсказок Бесси — я постепенно убедился, что общинный колледж может быть рассадником возможностей не только для своих студентов, но и для преподавателей: ибо у всех моих коллег имелись какие-то яркие таланты — страсть, жгучее стремление, тайное призвание, засевшее глубоко в расщелинах творческой души, — что поддерживались преподаванием студентам общинного колледжа Коровий Мык.

— Помяни черта!..

Бесси показывала на двери, в которых теперь группой толпилась кафедра английской филологии, — секретарши деловито их записывали. Во всем преподавательском составе, пояснила Бесси, учителя английского были самыми вдохновенными: каждый увлеченно занимался каким-либо частным проектом с немалыми литературными и художественными достоинствами — то мог быть научно-фантастический роман, чье действие происходило в футуристическом Коннектикуте, сборник невозможно коротких рассказов, полнотомная элегия, в которой подробно излагались взлет и падение скотоводства в Разъезде Коровий Мык. Из пяти штатных преподавателей английского в Коровьем Мыке ровно трое работали над своими первыми романами; двое были активными драматургами; четверо опубликовали в самиздате по меньшей мере по одной брошюре нерифмованной поэзии; у одного на опционе был киносценарий; и *все пятеро* пребывали в непрерывном и отчаянном поиске

надежного литературного агента.

— А *вон* что за люди? — Я показал на темный столик в самом дальнем углу зала, за которым мрачное сборище полуосвещенных лиц тупо пялилось прямо перед собой. У каждого за тем столиком на руке была черная повязка.

— Почасовики, — объяснила Бесси. — Нам не разрешается звать их по именам.

Все больше и больше людей набивалось в кафетерий, и немного погодя я познакомился с недавно нанятым в школу учителем евгеники; завкафедрой предпринимательства; деканом по учебной работе; Кармелитой — сотрудником по мультикультурализму; составителем заявок на ассигнования с полным рабочим днем; главным библиотекарем и всем ее штатом; Глэдис из отдела кадров; мэром Разъезда Коровий Мык (который по совпадению был нашим преподавателем сварочного дела на полставки); и «саабо»-владелицей и перевозчицей шитцу — преподавателем истории искусства, жившей неподалеку от временной автобусной остановки. Одна за другой на меня налетали фамилии — как ночь на ветровое стекло: Джампстон и Драмрайт, Мэндерз и Пуви, Дризделл, и Ранкл, и Тот. Кротуэлл и Войлз. Килгэс и Спрэтлин, Яксли и Джоурз. Куили и Татт. Пранти и Пристэш. Кларди, и Еркс, и Хотмайр, и Сприч. Бридлав и Тилли. Барнз, и Уивер, и Редфилд, и Тали, и Круч, и Слокэм, и Лайнберри, и Тиббз, и...

В какой-то миг Бесси пихнула меня локтем и прошептала:

— Особо отметьте вот эту, сейчас входит...

Вошла неприметная женщина лет сорока пяти — в простых джинсах, простой футболке и очках в проволочной оправе, которые тоже были очень просты. С непривлекательной физиономией и общим видом внутреннего спокойствия она, казалось, нежится в самом том факте, что в ней нет совершенно ничего явно примечательного, — и оттого было еще загадочнее, что Бесси выделила эту женщину из всех прочих.

— Это Гуэндолин Дюпюи, — сказала она. — Талисман всех новеньких. Сама из Массачусетса, но здесь уже лет пятнадцать. Любит цифры. Преподает логику. Гуэн хорошо знают по всему кампусу — она смертный враг Расти. Если Расти у нас по одну сторону забора, можете быть уверены — она расположится по другую. Если Расти честно хочется добиться того или сего, Гуэн без всяких сомнений так же честно будет стоять за полную противоположность. Там, где он представляет наше коллективное прошлое, она скорее будет символом нашего разъединенного настоящего. И если он — Мэриленд при свете дня, она совершенно точно — Южная Каролина во мраке ночи... — Заинтригованный, я смотрел, как женщина входит в зал, тщательно пробирается мимо американского флага, висящего на стене: тринадцать полос и двадцать три звезды, растянутые по всей длине кафетерия, — и садится за столик дальше всего от того, где с Маршей Гринбом расположился Расти Стоукс.

Теперь уже преподаватели и сотрудники всевозможного мыслимого разбора втекали в зал, и характеристики Бесси звучали еще быстрее. Вон та советница по финансовому содействию, мрачно информировала меня она, — из центрального Нью-Хэмпшира и водит «фольксваген». А вот учитель биологии справа от нее водит «додж-династи» и родом из Вирджинии.

— Это и в самом деле чересчур, — не выдержал я. — Мне никак не запомнить все эти имена, лица и марки машин. Не говоря уже о штатах Союза. В смысле — все сразу, вот так?

— Впитывайте, что можете. У вас скоро будет время самостоятельно все освоить...

В кафетерии почти все преподаватели уже сидели со своими кафедрами, и я там и тут слышал обрывки конкурирующих разговоров. Ближе ко мне английские филологи скорбели о

непостоянстве и продажности нью-йоркского книгоиздания и той неохоте, с какой литературные агенты берут писателей из Разъезда Коровий Мык. Столиком дальше Расти Стоукс председательствовал над сборищем кафедры зоотехнии — они сами занимали целый стол и живо обсуждали недавнее осеменение быков. За столиками дальше я видел кафедру медсестринского дела, преподавателей автомобилистики, советников по финансовому содействию, обслуживающий персонал и безопасность и кафедру современных языков. Гуманитарные науки расположились главным образом по одну сторону зала, точные и естественные — по другую. Искусства занимали столики ближе к переду, а вот Ремесла — к заду. Для такого маленького колледжа, казалось, хорошо представлены все академические дисциплины, хотя взаимодействия меж ними наблюдалось на удивление мало.

— И это еще не худшее, — согласилась Бесси. — Приглядитесь внимательней к столикам. *Получше* присмотритесь...

И я, присмотревшись получше, увидел, что в широких различиях есть подразделения, а внутри этих подразделений — подразделения подразделений. Даже за отдельными столиками замечались различия, стратификации и бесчисленные группировки и фракции. С помощью Бесси я начал замечать, что даже у гуманитарных наук все обстояло не так гармонично, как выглядело снаружи: группками сидели преподаватели из сельской местности, а также — владельцы четырехцилиндровых импортных машин, те, чьи родители содействовали отказу от власти большинства, и те, кто, будучи настоятельно спрошены, с большей готовностью признали бы в себе *духовность*, а не *религиозность*. Доктора наук сбились в кучку, вполне отдельную от их менее маститых коллег. Республиканцы сидели слева, федералисты — справа. Европеиды держались по преимуществу вместе, а монголоиды колледжа, где могли, заполняли лакуны — а сильно сбоку и поодаль сам по себе и занимая три пятых очень маленького стула сидел единственный штатный негроид^[3]. В оживленном кафетерии все это было наполнено неким странным, хаотическим, вихрящимся смыслом — такую гармонию обнаруживаешь в пуантилистской карте выборов, если рассматривать ее издали. Однако несмотря на хаос, во всей этой сцене чувствовалось нечто успокоительное, покуда в пульсирующей толпе я не заметил примечательного отсутствия. Не хватало чего-то важного. Чего-то насущного и сущностного. Упущенье неисчислимых пропорций: где же преподаватели математики?

— А, да, наша прилежная кафедра математики, — вздохнула Бесси, когда я отметил вычитаемое. — Что-то мне подсказывает, они до сих пор в Северной Каролине...

— Почему в Северной Каролине? Это *что* значит?

— Дайте срок. Немного погодя сами увидите...

Наконец в зале почти не осталось места. В одном углу маленькая толпа женщин окружила нечто, вызывавшее особый интерес; оттуда то и дело неслись взвизги женского восторга.

— Что там происходит? — спросил я.

— Это наш новый аналитик данных, — пояснила Бесси. — Наш *ведомственный научный сотрудник*, по-моему, это сейчас называется. Он только что переехал в Коровий Мык на должность Мерны Ли. И он, очевидно, *роскошен*.

Наконец, когда все преподаватели и сотрудники колледжа расселись по местам, к трибуне в передней части зала пробрался доктор Фелч. Встав за микрофон, он вскинул ладонь, словно присягал на верность, и несколько мгновений так ее подержал. Медленно, очень медленно глухой рокот начал стихать. Доктор Фелч несколько раз стукнул по

микрофону, и звук эхом раскатился по кафетерию.

— Эта штука работает? — произнес он. — Вы меня слышите?

— Мы вас слышим! — крикнул кто-то из задних рядов. И несколько человек рассмеялись.

Доктор Фелч поправил очки для чтения.

— Тогда ладно, — сказал он. — Давайте приступим...

* * *

— Перво-наперво, — сказал доктор Фелч, — позвольте начать с того, что я вновь приветствую вас в Коровьем Мыке. Те из вас, кто уезжал на лето, — надеюсь, вы здорово отдохнули и готовы теперь засучить рукава и вернуться к работе. Те из вас, кто оставался здесь, — надеюсь, публика, вы за лето не слишком задохнулись всей этой пылью.

По залу пробежал легкий смешок.

— Но прежде чем двинуться дальше, меня попросили сделать одно важное объявление...

Доктор Фелч сунул руку в карман и вынул клочок бумаги. Держа его на вытянутой руке, он дал очкам съехать себе на кончик носа и прочел:

— Владелец лаймово-зеленого гибридно-электрического транспортного средства с высокоиндивидуализированными номерными знаками — просьба передвинуть его с инвалидной стоянки, где оно запарковано в данный момент...

По залу пробежал ропот; где-то впереди поднялась смущенная лекторша с кафедры экономики и быстро выбралась наружу.

— Благодарю вас, — сказал доктор Фелч. После чего: — И вот еще одна победа лучших ангелов природы нашей, верно, а?

По всей публике рассыпался смех, а также позакатывались некоторые глаза — в адрес кафедры экономики в частности и изучения экономики вообще.

— Ладно, — продолжал доктор Фелч. — Теперь, коли с *этим* разобрались, мне бы хотелось начать сегодня это приветственное обращение с темы единства. Мои дорогие друзья и сограждане, наш новый учебный год я хочу открыть, подчеркнув важность того, что все мы делаем — что делает *каждый* из вас — в этом колледже. Все до единого в Коровьем Мыке жизненно важны для нашей организации, а также для обучения и успеха наших студентов. Не имеет значения, скромный ли вы президент заведения, кем выпало быть мне. Или штатный преподаватель кафедры, обучающий наших студентов, как им логичнее вести себя, чем занимается на своих лекциях Гуэн Дюпюи. Или же вы вносите свой вклад в мироздание, осеменяя коров извлеченной бычьей спермой, — большое спасибо, Расти Стоукс! Какова бы ни была ваша роль — от декана по обслуживанию студентов до нашего фантастического персонала в отделе финансового содействия... до тех трудолюбивых людей, что стригут нам газоны, чтобы все до единой травинки были ровно той же длины, что и их соседки, — *каждый* из вас важен для нашей миссии, и вам следует гордиться вкладом, какой вы вносите здесь в общинный колледж Коровий Мык. Знайте, пожалуйста, что ваша работа ценится, и она невероятно влияет на обучение и успеваемость наших студентов. — Здесь доктор Фелч пошелестел страницами своего конспекта. — И как теперь должно быть известно каждому из вас, работу нашего учебного заведения направляет наша миссия. Поднимите-ка руки...

сколько из вас выучили наизусть декларацию миссии нашего колледжа?

Доктор Фелч подождал, когда поднимутся руки, но их оказалось немного. Среди поднятых рук не только самой высокой, но и самой *крупной* вообще была рука Расти Стоукса; он гордо подтверждал свое абсолютное знание и владение декларацией ведомственной миссии Коровьего Мыка.

— Ну что, молодцы! — сказал доктор Фелч. — А теперь *остальным* нам я хочу предложить упражнение, чтобы напомнить, зачем все мы здесь. Я зачту вам декларацию миссии и хочу, чтобы вы повторяли ее вслед за мной. Встаньте, пожалуйста...

По полу кафетерия заскрежетали стулья — все поднялись из-за своих столиков. В возникшей суматохе раздавались иронические реплики в сторону, мягкие смешки и треск суставов, а когда все это в достаточной мере улеглось, чтобы можно было расслышать доктора Фелча, тот принялся зачитывать декларацию миссии колледжа. Торжественным голосом он размеренно и веско произносил каждое слово. И когда заканчивал, толпа за ним послушно повторяла:

— Миссия общинного колледжа Коровий Мык такова...

(Миссия общинного колледжа Коровий Мык такова!)

— ...предоставлять воспитание и проверенное временем образование...

(Предоставлять воспитание и проверенное временем образование!)

— ...основанное на американских ценностях и процветании...

(Основанное на американских ценностях и процветании!)

— ...американского образа жизни...

(Американского образа жизни!)

— ...чтобы наши студенты могли стать...

(Чтобы наши студенты могли стать!)

— ...сознательными, богобоязненными, платящими налоги гражданами...

(Сознательными, богобоязненными, платящими налоги гражданами!)

— ...Соединенных Штатов Америки.

(Соединенных Штатов Америки!)

— Спасибо. Можете садиться.

Все снова уселись за свои столики, стулья заскрежетали и заскользили обратно.

— Теперь как преподаватели и сотрудники задумайтесь, пожалуйста, над этой декларацией миссии в свете всего, что вы делаете. Это не абстрактное заявление о намерениях без всякого практического значения — это живой, дышащий, потеющий документ. Да, временами у него может быть халитоз. Но это потому, что он *жив*. Поэтому в своей работе спросите себя: как миссия общинного колледжа Коровий Мык применима к тому, что я делаю? У себя на занятиях по ботанике — все ли я делаю для того, чтобы студенты мои платили налоги? Обучая своих студентов-кулинаров печь французские круассаны, как добиваюсь я, чтобы они пекли французские круассаны *по-американски*? Математики — здесь есть математики? Пока нет? — математики... натаскивая своих отстающих студентов по преобразованию простой дроби в десятичную, всегда задавайтесь вопросом: как это поспособствует тому, чтобы они стали богобоязненными гражданами Соединенных Штатов Америки?

В зале раздался плеск аплодисментов; за их исключением мало какой отзыв нарушил уважительную тишину. Бесси ткнула меня в руку:

— Он теряет управление судном, — прошептала она. — Человек он великий, и я очень

его люблю. Но судно он потерял...

Не смущаясь, доктор Фелч продолжал:

— Как вам известно, мы уже некоторое время ступаем по очень тонкому льду в том, что касается наших аккредиторов. А поэтому в наступающем году в процессе аккредитации мы станем удваивать наши усилия, чтобы продемонстрировать, насколько мы поистине преданы успеваемости наших студентов. Для этого потребуется пересмотреть декларацию нашей миссии и при необходимости отредактировать ее — и каждый из вас будет в этом участвовать. Поэтому я прошу вас серьезно подумать о том, что вам нравится в нашей нынешней декларации миссии, а что вам не близко и вы бы хотели это изменить. Как нам ее улучшить? Сделать эффективней? Сделать *эффектней*? Что позволит нашей декларации больше отражать то, что мы есть как преподавательский состав и персонал общинного колледжа Коровий Мык, и образование, какое мы хотим дать нашим студентам...

Доктор Фелч оторвался от своих заметок.

— Есть вопросы по этому поводу?

Со стула поднялся Расти Стоукс и встал, засунув мясистые большие пальцы под свои подтяжки. Доктор Фелч посмотрел на него.

— Да, Расти?

— У меня вопрос есть.

— Да, Расти?

— Зачем?

— *Что* зачем, Расти?

— Зачем нам менять декларацию миссии? Мы много времени потратили на текущую, и мне кажется, она и так совершенна.

— Это очень ценное замечание, Расти. И я рад, что ты с ним выступил. Никто не утверждает, что мы должны менять нашу декларацию миссии. Однако нам нужно пересмотреть ее и модернизировать, чтобы она отражала нынешние реалии. Сделать ее *еще более совершенной*, если угодно. В последний раз мы пересматривали декларацию миссии одиннадцать долгих лет назад. И ты знаешь, сколько с тех пор изменилось? Сравнительно с тем, каким был наш колледж одиннадцать лет назад?

— Конечно, знаю. Я тут дольше работаю.

— Верно. А потому ты помнишь, что одиннадцать лет назад у нас было всего шесть штатных преподавателей, и все они — из Разъезда Коровий Мык. У нас не было ни концертного зала, ни обсерватории, ни природного терренкура. Не было пеликанов. Среди всех наших преподавателей мы в кампусе не могли выделить ни единого негроида — и это казалось нам совершенно естественным. Не существовало такой должности, как аналитик данных, — а уж ведомственного научного сотрудника не было и в помине, потому что Мерна по-прежнему учила первокурсников математике. (Да, в те поры мы их звали *первокурсниками!*) Зачисление студентов составляло четверть того, что у нас сейчас, и — поверите ли? — они были преимущественно *мужского пола!* За воротами колледжа процветало ранчо, а железная дорога по-прежнему действовала, и сила пара еще казалась волною будущего. Но теперь мы живем в другом мире, Расти, и Коровьему Мыку нужно меняться с ним вместе. Нам необходимо в этих переменах участвовать. Включая лично *тебя*...

— Так ты, значит, ратуешь за перемены лишь ради перемен? В смысле — ты сам-то в это веришь, Билл? Сам веришь в то, что нам сейчас говоришь?

— Это к делу не относится. Как президент я выступаю от лица всего заведения. И я не ратую за перемены только ради перемен... Я ратую за перемены, чтобы мы не потеряли своей аккредитации, и нас, в жопу, не закрыли.

— Понятно. Так ты, стало быть, утверждаешь...

Но тут доктор Фелч подался ближе к микрофону:

— Давайте дальше, пожалуйста...

Наблюдая, как седой бывший ветеринар неуклюже пытается сомкнуть свои войска и двинуть их на аккредитацию, — наблюдая, как возится он с написанным от руки конспектом, разыскивая следующий пункт в повестке дня, — я еще глубже ощутил, насколько серьезна для него будет моя роль координатора особых проектов. За его двадцать лет у кормила Коровий Мык, очевидно, изменился до неузнаваемости, и в том была его заслуга. Но также становилось ясно — прискорбно ясно, — что мир вокруг менялся еще быстрее и написанным от руки оставаться ему уже недолго.

Когда Расти неохотно уселся обратно, доктор Фелч поблагодарил его за это замечание, после чего продолжил:

— А теперь нам бы хотелось представить вам наших новых преподавателей и сотрудников, которые к этому семестру съехались к нам со всех концов света. Когда я вызову вас по имени, встаньте, пожалуйста, чтобы вас могли поприветствовать...

Доктор Фелч перевернул страницу заметок и принялся зачитывать.

— Наш первый сотрудник — Нэн Столлингз. Нэн, встаньте, будьте добры?..

На другом краю зала поднялась женщина.

— Нэн приехала к нам из чудесного штата Род-Айленд, где была частным адвокатом, юридическим исследователем, лауреатом премий и советником таких известных юридических команд, как у истца в деле «Уэст против Барнса»^[4], а в последнее время — у адвокатов в деле «Браун против Совета по вопросам образования»^[5]. Кроме того, у нее обширный опыт по представлению в суде жертв этнического геноцида, а также она успешно урегулировала выплаты фармацевтических компаний, безнравственно выбрасывавших на рынок недоброкачественную продукцию. Она поступает к нам с восторженными характеристиками младшего сенатора, представителя федеральных ведомств и верховного судьи в отставке. Она будет преподавать политологию, и мы очень рады, что она с нами. Добро пожаловать, Нэн.

Последовали аплодисменты, а Нэн улыбнулась и опять села на свое место.

— Наш следующий сотрудник — Льюк Куиттлз, Льюк, где вы?..

Тот встал и помахал.

— Льюк будет работать у нас на кафедре кулинарии. Он к нам приехал из Парижа, Франция, где был шеф-поваром в своеобразном трехзвездочном ресторане на рю де Пасси. Льюк — кулинар — лауреат премий, он специализируется по техасско-мексиканской кухне и подавал свои уникальные кушанья нескольким бывшим и нынешним главам государств, включая султана Брунея и герцогиню Йоркскую. Жить он будет в корпусе для преподавателей, пока не подберет себе собственное жилье, поэтому если кто-то из вас случайно знает квартиру недалеко от кампуса по разумной цене, пожалуйста, дайте ему знать. Спасибо, Льюк!

И вновь все зааплодировали, а Льюк уселся.

— Дальше у нас Рауль Торрес. Рауль?

Рауль встал и элегантно помахал среди женских взвизгов из публики.

— Рауль будет нашим новым аналитиком данных. Или, следует говорить, — *ведомственным научным работником*. Конечно, ему предстоит носить обувь не по ноге, поскольку наша любимая Мерна занимала эту должность больше десяти лет, прежде чем внезапно оставила нас в прошлом семестре, и нам будет ее недоставать. Но прошу вас — давайте же поприветствуем его на этой новой должности с распростертыми объятиями. Рауль к нам приехал из... *Калифорнии!* — На этом месте доктор Фелч сделал шаг назад от кафедры, чтобы лично поаплодировать такому радостному факту; затем снова подошел. — Немного о Рауле... Магистерскую степень свою он защитил по статистическим методам, а докторскую — по межкультурной статистике. Он статистик — лауреат премий и был выдвинут на несколько гуманитарных наград за вклад в мир во всем мире и культурную гармонию через распространение рекурсивных алгоритмов. Рауль также хотел бы сообщить вам, дамы, что играет на гитаре фламенко, поет баллады с гортанными модуляциями и любит долгие романтические прогулки вдоль вневременных каналов Венеции, пляжей Рио-де-Жанейро и пышных берегов нашей реки Коровий Мык. Родом он из Барселоны, но уверяет, что разъезд Коровий Мык столь же прекрасен — если не прекраснее, — как и его родной город, а потому он очень счастлив быть здесь. Давайте все поприветствуем Рауля у нас в колледже!..

Последовали громкие аплодисменты, а несколько женщин даже поднялись со стульев, устроив стоячую овацию.

Тут доктор Фелч посерьезнел.

— Знаете — и этого нет у меня в конспекте, публика, но я чувствую, что должен это затронуть. Мы часто говорим о Мерне. Я говорю о Мерне. Вы говорите о Мерне. Все говорят о Мерне. Мы все говорим о Мерне, потому что, ну, она здесь проработала тридцать пять лет и мы все ее любили. И вы, конечно, помните, вероятно, что с нею произошло в прошлом году. Или если вдруг вы в колледже новичок, быть может, вы *слыхали* о том, что с нею произошло. О ней говорилось многое, и кое-что из всего этого, конечно, правда. Но кое-что другое — неправда совсем. Вот это я и хочу сказать. А именно, видите ли, вот что: что бы вы о ней ни помнили или слыхали — забудьте все это. Пусть его. Она была поразительной дамой и невероятным человеком, внесшим в свое время громадный вклад в Коровий Мык. Поэтому когда бы мы о ней ни думали, давайте, пожалуйста, думать о ней из-за тех замечательных лет, что она здесь провела, а не из-за того, что вы могли слыхать или помнить, не из-за того, что могло или не могло говориться или происходить. Договорились?

Доктор Фелч умолк, собираясь с мыслями.

Видя это, я наклонился к Бесси.

— В чем тут все дело? — прошептал я. — Что произошло с Мерной?

Но Бесси лишь отмахнулась от моего вопроса.

— Потом расскажу... — ответила она.

Взяв себя в руки, доктор Фелч продолжал:

— На чем я остановился? Ах да, Стэн и Этел Ньютауны. Стэн и Этел здесь?

Встали муж с женой. Они очаровательно держались за руки и махали своим новым коллегам.

— Как вы, вероятно, догадались, Стэн и Этел женаты и могут, следовательно, по праву считаться *второй* формально признанной парой нашего колледжа. Этел преподает журналистику и приехала к нам со Среднего Запада, где была репортером-расследователем и лауреатом премий. Ее очерки выдвигались на множество наград, а ее недавняя серия

материалов, разоблачающая американскую экономическую систему как самую потрясающую пирамиду в мировой истории — и дискуссионно предсказывающая неизбежный крах (*системы*, разумеется, не мира) — завоевала ей множество призов... как и множество врагов. Нам очень хотелось привезти ее в Коровий Мык, и мы счастливы, что она влилась в наши ряды. Рядом с нею меж тем стоит ее супруг Стэн, который столь же внушителен, хоть и несколько ниже ростом. Он археолог — лауреат премий, открывший останки нескольких погибших цивилизаций, а его работа в Восточной Африке привела к радикальному пересмотру прежде существовавших представлений об эволюции. Стэн пылкий игрок в теннис и теоретик-конспиролог, а также полагает, будто под городком Разъезд Коровий Мык ждет своего открытия затерянный мир очень маленьких людей. Нужно ли говорить, что Стэн у нас будет преподавать *археологию*...

Доктор Фелч подождал, когда Ньютауны усядутся — под гром аплодисментов всего зала. Затем сказал:

— ...Ладно, кто у нас дальше? Ах *да*, и вот наконец наш последний сотрудник на этот учебный год. Он к нам прибыл из не разглашаемой местности за полстраны отсюда. Всего два дня назад сошел с автобуса. Чарли? Чарли, мальчик мой, где вы?

Услышав свое имя, я встал.

Доктор Фелч посмотрел на меня и улыбнулся:

— Чарли у нас будет новым координатором особых проектов. Он поведет невероятно важный процесс аккредитации в подготовке к визиту комиссии следующей весной — нынче, я уверен, кажется, будто до него много световых лет, но он состоится, не успеете и глазом моргнуть. Чарли прибыл без успешной истории наймов. Он не добился ни наград, ни титулов, а личная жизнь у него тоже несколько не организована, поскольку он в свои сравнительно юные лета уже *дважды* разведен...

По залу пронесся озабоченный ропот.

— ...Эй, Чарли, как вам холостяцкая жизнь?..

Я без энтузиазма показал два больших пальца.

— ...Наслаждайтесь ею, покуда можете, друг мой! В общем, у Чарли две бывших жены и хвост несложившихся работ и прочих полуначал и почти-промахов по всей стране. Видите ли, Чарли всегда был много чем разным, однако ничем *целиком*...

Тут я почувствовал, что озабоченный ропот вокруг меня становится громче.

— ...Однако мы здесь возлагаем на него большие надежды. Вообще-то некоторые из вас могут припомнить по собеседованию с Чарли, что его семья раньше проживала в Разъезде Коровий Мык. Его дед спас от неминуемой смерти суфражистку, выхватив ее из реки Коровий Мык. И ему нравится говяжье рагу, в котором очень много *овощей!* Чарли станет третьим человеком, занимающим эту должность менее чем за два последних года, но мы твердо верим, что он справится с брошенной ему серьезной перчаткой и превратится в ценного долгосрочного сотрудника нашего колледжа. Добро пожаловать в Коровий Мык, Чарли. А самое главное — *с возвращением!*..

Я снова помахал и сел. Вместо аплодисментов раздавался лишь смятенный рокот полуголосов, шепотков и пальцев, направленных в общем направлении меня.

— Значит... — прошептала мне во всем этом ропоте Бесси, — ...похоже, вы почти так же разведены, как и я... — И в ее голосе мне почудились легчайшие начала таянья айсберга.

Доктор Фелч снова сверился с конспектом, после чего продолжал:

— Ладно, короче, таковы наши новые преподаватели и сотрудники в новом учебном

году. Давайте еще раз поаплодируем им всем!..

Все прилежно захопала, и я был признателен, что мое представление преподавателям и сотрудникам общинного колледжа Коровий Мык осталось позади.

* * *

После представления доктор Фелч перешел к следующему вопросу своей повестки, который оказался поправками и напоминаниями на грядущий семестр.

— Но прежде, чем мы перейдем к новым инициативам в кампусе, мне хотелось бы напомнить всем о некоторых долгосрочных политиках и процедурах, которые должны быть уже *знакомой* вам информацией... — Доктор Фелч умолк, чтобы вдохнуть побольше воздуха, после чего сказал: — ...Не забывайте, пожалуйста, выключать свет, когда выходите из комнаты на любой период времени, и смывать за собой после пользования туалетом. Не паркуйтесь на местах для инвалидов, если вы в действительности не инвалид. Для важных документов пользуйтесь черными чернилами. Не бросайте монеты в фонтаны. Не катайтесь на роликовых коньках по тротуарам. Старайтесь не ходить по траве — от этого отдельные травинки выглядят неровными. Не кормите пеликанов. Если вам хочется сорвать какой-либо колоритный цветок в кампусе, подавайте, пожалуйста, заверенное нотариусом заявление заведующему вашей кафедрой не позднее первого числа месяца. Не забывайте, что в любой устной и письменной коммуникации от вас теперь требуется употреблять выражения в нейтральном роде, а не те, что достались вам от наших предков. Точки с запятой должны применяться благоразумно; страдательного залога следует избегать по возможности вовсе. Никогда не назначайте студенту встречу у себя в кабинете при закрытых дверях, особенно если она склонна к сутяжничеству. Никогда не прикасайтесь к сослуживцу так, что она заерзает от неудобства, — но, если это совершенно *необходимо*, просьба сперва убедиться, что у вас на руках имеется ее подписанное согласие. Предоставляя студенту свой отклик на что-либо, будьте конструктивны, позитивны и пишите аккуратно. Всегда будьте вежливы с Тимми, который работает в будке охраны, — в конце концов, *он* не виноват, что вы вышли из дому позже, хотя у вас ровно через три минуты важный экзамен. Поддерживайте коллег. Уважайте свою ровню. Всегда чтите многообразие студентов. (Это требование удваивается для тех, кому выпало родиться негроидами.) Старайтесь выказывать сопереживание к людям, которые, быть может, водят марку машины или грузовика, отличную от вашей. По воскресеньям ходите в церковь. Давайте на чай официантке. Верьте в Америку и святость ее институтов — брака в особенности. Истово платите налоги. Любите жену свою — что достаточно трудно, — однако также, и это главное, публика: любите своих *бывших* жен. Заполняя опросники о мероприятиях в кампусе, не забывайте заполнять бланк с обеих сторон. И самое важное... что бы вы ни делали здесь в колледже, всегда стройте свои решения на жестких, холодных, объективных *данных* и не пренебрегайте документировать все свои действия, применяя статистику или другие поддающиеся проверке свидетельства. Помните: когда дело дойдет до наших аккредиторов, любое решение, принятое без учета численного обоснования, будет считаться *скверным* решением... а то, что не располагает правомерным и измеряемым подтверждением своего существования, каким бы прекрасным при наблюдении или тяжелым при поднятии ни было оно, — на самом деле вообще не есть что-то...

Доктор Фелч умолк и потряс головой.

— А, и вот еще что... удивительно, что я по-прежнему вынужден вам об этом напоминать... Из уважения и любезности к своим сослуживцам по общинному колледжу Коровий Мык, пожалуйста, *не* оставляйте никаких вздутых мошонок в почтовых ящиках преподавателей, чтобы за выходные они превратились в жуткую пакость...

Тут я воззрился в воцарившуюся тишину. Доктор Фелч листал свои записи, и это дало мне время поразмыслить над моими собственными личными целями, мерилами и стремленьями, что поведут меня в грядущий семестр и будут направлять меня весь первый год в колледже: *Отыскивать влагу во всем. Любить нелюбимое. Переживать как день, так и ночь*. И, разумеется: *Стать чем-то целиком*.

— Вопросы по вышесказанному есть? — спросил доктор Фелч.

— У меня один... — Женский голос донесся с одной стороны зала. Гуэндолин Дюпои встала и простерла длинный палец в сторону доктора Фелча. Вид у нее был недовольный. — Вы упомянули две вещи, которые мне видятся вполне лишены смысла...

— Так, Гуэн? И что же это может быть?

— Конечно, я согласна со вздутыми мошонками — это попросту должно прекратиться. Но где-то по ходу вы утверждали, что если нам захочется рвать цветы, то нам потребуется нотариально заверенное прошение, подаваемое в начале месяца. Затем позднее вы обмолвились, что если преподаватель пожелает, чтобы его сотрудница ерзала, он предварительно должен обзавестись ее письменным разрешением...

— Он или *она*...

— Точно. Он или она должны получить разрешение на то, чтобы сослуживец ерзал. Так вам не кажется, что запрос на такое требование также должен быть нотариально заверен? Я имею в виду — где же тут логика? Или вы имеете в виду, что сбор цветов достоин высшего стандарта согласия, нежели непрошеное трогание наших сотрудниц?

— Нет, я пытался сказать вовсе не это, Гуэн. Это вовсе не то, что я говорил. Но чем вдаваться сейчас в эти подробности, давайте просто скажем, что на заседании Совета колледжа мы это подробно обсуждали. А также в новом учебном году мы вскоре организуем серию семинаров повышения квалификации, в которую будет включена по крайней мере одна, посвященная исключительно должному и этичному тисканью сослуживцев. Я призываю всех вас ее посетить...

Гуэн села.

— Переходим к следующему пункту повестки дня... Некоторые новые инициативы в кампусе...

Пока доктор Фелч перечислял множество перемен в кампусе, я оглядывал кафетерий и убеждался, что большинство преподавателей и сотрудников прилежно и исправно слушают его. Как учащиеся на первом занятии по развивающей математике. Или стадо безучастного скота, ожидающее, чтобы с грузовика им сбросили утреннее сено.

— Как вам известно, — говорил теперь доктор Фелч, — начиная с этого семестра общинный колледж Коровий Мык становится *некурящим* кампусом. Мы решили пуститься с этим во все тяжкие, а это означает, что абсолютно нигде на территории кампуса общинного колледжа Коровий Мык не будет *никакого* курения...

При этом половина зала разразилась дикими криками восторга и аплодисментами, а другая громко зашикала и засвистела. Доктор Фелч дождался, когда стихнет гвалт, затем продолжил:

— ...Как я упомянул несколько минут назад, мы с удовольствием представляем вам нашу серию семинаров повышения квалификации на этот учебный год. Первая еженедельная сессия будет посвящена измерению непосредственных результатов непрерывного обучения, происходящего у нас в классе. Следующая станет введением для начинающих в разработку вдохновляющих и побуждающих акронимов для обозначения различных академических явлений вокруг. Прочие возможности профессионального развития будут включать в себя: «Контент и контекст: применение разговорного языка для эффективной коммуникации в классе»; и «Любит — не любит: как уместно и как не уместно взаимодействовать на рабочем месте»; а затем: «Твердо наложим руку на двоечье: разработка выразительных заголовков и подзаголовков к семинарам повышения квалификации»... Наконец, я хочу напомнить всем нашим *новым* преподавателям, что на завтра для вас запланирован особый день приветственных мероприятий. Мы будем проводить сплочение коллектива вместе с некоторыми обязательными упражнениями по сплочению. И у нас фантастическая повестка этого дня, в которую включена долгая автобусная поездка и очень особый сюрприз, с любовью подготовленный нашей трудолюбивой комиссией по ориентации нового преподавательского состава, возглавляемой профессором Смиткоутом. Направляющая тема в этом году — «Любить культуру Коровьего Мыка». Поэтому на завтра приготовьте закрытую обувь...

— Закрытую обувь? — повернулся к Бесси я.

— Да, — ответила она. — И открытый ум.

— Но зачем автобус? Мы куда-то поедем?

— Можно и так выразиться...

После приветственного обращения доктора Фелча к трибуне выходило еще несколько представителей кампуса и давали собственные поправки к тому, что будет в нем происходить. Завкафедрой сельского хозяйства поставил кампус в известность о своей инициативе разводить карпов во всех трех фонтанах колледжа; заведующая бухгалтерией — бывшая жена доктора Фелча — сообщила новости о пожертвованиях Димуиддлов в связи с удачной эскалацией нескольких этнических конфликтов в разных точках планеты; руководитель отдела информационных технологий выступил касаясь попыток осуществить неоднозначный технический план по введению в рабочие процессы общинного колледжа Коровий Мык электрических пишущих машинок и калькуляторов; и наконец, Кармелита, сотрудник по мультикультурализму, отчиталась о текущих успехах кампуса в обеспечении равенства в кампусе, о чем свидетельствуют наличие в Коровьем Мыке шести преподавателей монголоидных убеждений, профессора астрономии из Бангладеш и недавний наем негроида.

Примерно в половине двенадцатого к трибуне снова вышел доктор Фелч, чтобы произнести заключительное слово и закрыть на этом общее собрание.

— Прежде чем все вы разойдетесь и начнете свои семестры, — сказал он, — хочу вам напомнить об одном очень важном событии. Возьмите, пожалуйста, блокноты и отметьте у себя в календарях одиннадцатое декабря...

Все вопросительно переглянулись.

— Как вам известно, — сказал он, — это последний день семестра. Выпадает на пятницу. А важным событием в вашей жизни этот день станет потому, что мы проведем тогда нашу ежегодную *рождественскую вечеринку*.

По залу пронеслись шепотки.

— Все правильно, публика, Рождество случается *ежегодно*. И поэтому одиннадцатого декабря этого достославного года Господа нашего — *anno domini*, как выражаются историки, — мы определенно будем проводить рождественскую вечеринку. Просьба отметить, что дата эта попадает в ваше соответственное рабочее время, поэтому все вы настоятельно приглашаетесь. Вернее сказать, приглашаетесь *неистово*.

Гомон стал еще громче.

Доктор Фелч окинул взором зал, не спеша глядя в глаза всем в толпе.

— Кроме того, объявляю, что начиная с сегодняшнего дня рождественская комиссия официально распускается. Я принял это исполнительное решение на основании того, что представительская демократия в данном случае нам явно не на пользу. С данного момента и далее весь процесс планирования будет осуществляться небольшой группой доверенных лиц, включая меня и нашего нового координатора особых проектов, имеющих в виду долгосрочные интересы колледжа... — Доктор Фелч опять оглядел толпу, нахмурившись едва ли не угрожающе, и, выталкивая слова сквозь стиснутые зубы, сказал просто: — *Вопросы есть?*

Гуэн Дюпюи, казалось, хотела поднять руку, но, ощутив решимость в голосе доктора Фелча, передумала.

— Нет вопросов? — объявил доктор Фелч после напряженной паузы, предоставлявшей все возможности выступить. — Вероятно, это и к лучшему. Но если какой и возникнет, адресуйте его, пожалуйста, лично мне. Или Чарли как координатору особых проектов. В остальном я рассчитываю видеть вас всех одиннадцатого декабря на нашей ежегодной рождественской вечеринке. Отличного вам всем семестра и, пожалуйста, не забудьте сдать свои оценочные опросники сегодняшнего мероприятия секретаршам на выходе...

На том общее собрание и завершилось.

* * *

Вот только не совсем. Едва доктор Фелч произнес последние слова и выключил на сегодняшний день микрофон, двери кафетерия распахнулись и в зал ввалилась улюлюкающая масса дико разодетых клоунов, русалок и зомби в цепях и оковах. Всего их было шестеро, и они все вопили, орали и буйно хохотали.

— Мы опоздали?! — завизжал один и яростно завертел педали детского трехколесного велосипеда по всему кафетериию.

Другая запрыгнула на длинный стол и пошла по нему колесом от одного конца, за которым сидели специалисты по маркетингу и работе с клиентами, до другого, где ее ждал советник по студенческим задолженностям; преподаватели и сотрудники по обе стороны отскочили от стола, чтобы их не задело ее размахивающими ногами. Меж тем мужчина в костюме русалки и женщина, наряженная в зомби, соответственно шлепали и ползали по всему залу. Еще двое — молодая пара без рубашек, мужчина с голой грудью, женщина в шелковом бюстгальтере — стояли, засунув руки друг другу в задние карманы и сомкнувшись в страстном поцелуе, столь всеобъемлющем — столь статистически невероятном, — что, казалось, он бросает перчатку самой вероятности.

На это Бесси, обычно быстро объяснявшая мне причуды колледжа, просто закатила глаза и предоставила кратчайшее из объяснений:

— Наша кафедра математики, — сказала она. — Только что вернулась со своей конференции в Северной Каролине.

Доктор Фелч, понаблюдав за развитием этой сцены несколько минут, пожал плечами и снова включил микрофон. По залу разнесся громкий «бум».

— И сердечное добро пожаловать от Коровьего Мыка и *вам*, кафедра математики! — сказал он, после чего: — Я рад, что вам так нравится ваша работа у нас в штате!..

На это публика засмеялась, и доктор Фелч выключил микрофон окончательно. Толпа теперь поняла, что общее собрание полностью завершилось. Они с благодарностью оторвались от стульев и стали расходиться по своим кабинетам готовиться к грядущему семестру — и каждый на выходе оставлял секретаршам свой прочувствованный оценочный опросник мероприятия.

— За мной, — произнесла Бесси, когда толпа вывалила из кафетерия и мы сдали свои опросники. — Нам нужно вернуться в административный корпус, чтобы я показала вам, где ваш кабинет. Он как раз напротив ведомственного научного работника. Что здорово, поскольку вам предстоит серьезное планирование.

Я посмотрел на Бесси и улыбнулся. Отчего-то после всего услышанного и увиденного она, показалось, яснее всего придает мне уверенности, что я принял верное решение, проехав через полстраны и заняв должность координатора особых проектов в общинном колледже Коровий Мык. А пока она говорила, я не мог не обратить внимание на то, как она подводит себе глаза, чтобы разгладить морщинки времени и неудавшейся семейной жизни. Во флуоресцентном свете кафетерия трудно было вообразить, что кто-нибудь, подобный ей, вообще может остаться нелюбимым.

— Пойдемте, Бесси, — сказал я и открыл перед нею дверь. — После вас!..

*Если противоположность учению — знание,
А противоположность любви — действительность,
Что есть тогда противоположность общинному колледжу?*

Уилл Смиткоут

— И вот он, — сказала Бесси, когда мы дошли до административного корпуса и она вручила мне ключ от моего кабинета. — Пользуйтесь на здоровье. — Я повернул ключ и открыл дверь, рассчитывая увидеть опрятное уютное рабочее пространство, но ввалился вместо этого в катакомбы загроможденной внутренней святой святых моей предшественницы. Перед отбытием эта женщина не навела порядок в кабинете, и пожитки ее, все скопом, по-прежнему оставались здесь ровно в том же состоянии, в каком она их побросала, словно ее вынудило отсюда бежать неотвратимое стихийное бедствие — быть может, эпический потоп или тайфун встречных обвинений. По комнате были раскиданы старые туфли. Под ногами у меня хрустели бумаги. На шурупе, вбитом в гипсокартонную стену, висели очки для плавания. На столе, на картонной тарелке покоились два ломтика окаменевшего цуккини. К стенам липкой лентой крепились личные фотографии — наконец-то я сумел сопоставить черно-белое лицо на них с красочными историями, что я уже слышал, — а с потолка зловеще свисал огромный, написанный от руки плакат со словами, очевидно вдохновлявшими мою предшественницу на выполнение служебных обязанностей:

ЛЮБОВЬ — ЧТО РЕКА
НИКОГДА НЕ РАВНА
В ДВУХ МЕСТАХ

— Похоже, она решила вам оставить небольшое наследие, — сказала Бесси.

— *Наследие* — хорошее слово тут! — рассмеялся я. — Можно мне раздобыть совок и мешки для мусора?

— Мы вызовем уборщиков, они и приведут все в порядок.

— Не надо, все нормально. Много времени это не займет...

В комнате было полно безделушек и сувениров, оставшихся от пребывания этой женщины в колледже, и я, рассматривая такую мешанину, удивлялся, сколько бумаги и пыли, сколько личных памяток можно накопить меньше чем за год. Значки и булавки для волос. Пузырек антиблошиного средства. Визитные карточки торговцев недвижимостью. Никель с бизоном^[6]. Полупустой коробок противозачаточных пилюль, которому также случилось быть полуполным. Солонка неосуществленной соли. Магниты на холодильник от далекого торговца «фольксвагенами». Статуэтка коровы и ламинированная книжная закладка с отпечатанной на ней декларацией миссии Коровьего Мыка — той же клятвой, что мы скандировали на общем собрании нынче утром.

— Мне кажется, надо позвать этого археолога. Как его... Ньютона?

— Ньютауна, — поправила меня Бесси.

— Точно. Может, если Стэн Ньютаун проведет раскопки, здесь и отыщется тот мифический маленький народец, в который он верит.

Бесси принесла мне кое-что для уборки и мусорные мешки, после чего вернулась к собственной работе, а я остался барахтаться в беспорядке кабинета. Среди оставленных здесь личных предметов у многих имелась явная причина для существования в этом мире, а следовательно, их можно было выбрасывать без зазрения совести: грязный коврик для йоги и набор гантелей, зодиакальная схема, полноцветный календарь с собачками на прошедший год. Но были и такие, что не обладали никакой собственной личностью: ожерелье с маленьким энергокристаллом, три карты таро, сколотые друг с другом так, чтобы образовался равнобедренный треугольник, «пацифик» из нержавеющей стали и приблизительной окружностью очень крупной пули. На столе располагался комплект маятников — пять шаров из нержавеющей стали в совершеннейшем покое, и я не удержался и привел их в действие; приподняв в сторону один на дальнем конце комплекта, я отпустил его: четыре шара столкнулись, громко клацнув, и тот, что был на ближнем конце, качнулся в воздух. Теперь все повторилось в обратном порядке: туда и сюда, вверх и вниз, один шар поднимался и опускался, а прочие сбивались вместе, ожидая следующего толчка. Со временем именно этот ритмичный звук — клацанье нержавеющей стали по нержавеющей стали — и станет закадровой музыкой всей моей жизни здесь, в Коровьем Мыке. К черту трение — звук этот, казалось, желал длиться столько, сколько будет существовать сама история.

Когда стол наконец очистился, я перешел к книжным полкам, по-прежнему набитым литературой, — их следовало оголить. Среди этих отбросов нашелся старый атлас с позолоченной крышкой переплета; фотоальбом, озаглавленный «Прелестные котики мира»; экземпляр Бхагават-гиты в мягкой обложке, в переводе на эсперанто; календарь «Цитата дня», до сих пор застрявший на 21 июня («Любовь — странствие, а не пункт назначения»); и серия книжек по самопомощи с названиями вроде «Как написать неотразимое резюме», «Сила тантрического ума» и «Справочник для кого угодно: как плавать и не тонуть». Полки заполняли тома вдохновляющей литературы и духовных сборников. Повсюду — женские любовные романы. На средней полке имелся ряд справочных трудов, включая рифмовник, двадцатитомную энциклопедию без тома на букву «К» и словарь католических святых. На самой нижней полке — с еще ясно просматриваемым ценником — стояла единственная книга литературно-художественного вымысла: лоснящиеся двести страниц современных озарений, изложенных действенной прозой, — а рядом покоился шестисотстраничный том в твердом переплете, озаглавленный «Справочник для кого угодно: как написать совершенный роман». Учебник письма был весь затаскан от обширных маргиналий и подчеркнутых пассажей. (На странице 61 моя предшественница нарисовала три восклицательных знака напротив подчеркнутой апофегмы, гласившей: «Письмо есть стремление к личному освобождению — предельному акту безответной любви».)

Судя по литературным вкусам моей предшественницы — или, по крайней мере, по тем книгам, что после нее *остались*, — ясно было, насколько мало, помимо самого этого кабинета, у нас с нею могло бы случайно оказаться общего. Вообще-то из сотен книг, засорявших кабинет, только одна глубоко меня поразила; заинтригованный заголовком, я отложил в сторону «Справочник для кого угодно: любовь и общинный колледж». Книга была глянцевой и привлекательно переплетенной, а на передней стороне обложки изображались два приглашенных профессора при всех регалиях, сомкнувшиеся в романтических объятьях: «Обязательное чтение, — изливался один рекламный текст, — для всех, кто пытается отыскать подлинную любовь в регионально аккредитованном общинном колледже!» После

двух разводов беспокойной чередой — первый целиком моя вина, второй лишь *в первую очередь* моя — и с новой должностью в Коровьем Мыке теперь, можно сказать, железно моей этот справочник предлагал мне какой-то проблеск надежды. Я проглочу его прежде всех остальных. И научусь у него. И выпитаю его. И когда отыщу обещанную им любовь, я положу его в картонную коробку и подарю библиотеке, чтобы мои собратья, мои недолюбленные коллеги могли сделать то же самое. Я нежно отложил книгу в сторону.

Уборка мне удавалась, и уже совсем скоро три мусорных мешка наполнились выброшенными предметами. Дверь кабинета я оставил открытой для вентиляции и так увлекся протиркой пыльного стола, что не заметил, как в проеме остановилась непримечательная фигура. Легкий стук в дверь вынудил меня оторваться от беспорядка, и я, подняв голову, увидел, что в дверях стоит Гуэн Дююи.

— Здравсьте, — сказала она. — Вы же Чарли, так?

— Верно.

— Я Гуэн. Преподаю логику. И ни за что б не променяла свою жизнь ни на сколько романтики или приключений.

Гуэн протянула мне руку, и я крепко ее пожал, нечаянно сильно притиснув ее пальцы друг к другу. Она поморщилась от боли и отдернула руку.

— Это было больно, — сказала она.

— Простите.

— Слушайте, я знаю, что в личной жизни у вас были какие-то трудности. И мне жаль слышать о ваших неудавшихся браках. Такое случается, я уверена. Но это не повод отыгрываться на мне.

Гуэн стояла и вытряхивала боль из руки. И я снова извинился. Но она лишь покачала головой.

— Чарли, — пояснила она, — я женщина, а не молодой вол. У меня настоящее сердце. У меня вечная душа. Тело у меня — плоть, а не бронза.

— В этом я уверен. Слушайте, я же *попросил* прощения!

— Ну, вы хотя бы овощи в говяжье рагу кладете. — Тут Гуэн едва заметно улыбнулась. Потом сказала: — Ого, Чарли, у вас в кабинете воистину постдилювиально!

— Это все не мое. — Обведя беспорядок в комнате широким жестом, я объяснил, что убираюсь тут после моей предшественницы, а мусорные мешки и коробки вообще-то содержат остатки *ее* наследия колледжу.

— Н-да, бедняжка, — сказала Гуэн. — У нее не очень много времени было убраться отсюда после суда. — И тут Гуэндолин Дююи проинформировала меня, что бывший координатор особых проектов была на самом деле очень милым человеком и отлично трудилась на благо колледжа, пока работала тут, да и для всего мира была ценным приобретением, а в особенности для общинного колледжа Коровий Мык, и ее будет здесь очень не хватать. — Стыд и позор, что наш колледж не в состоянии удержать таких хороших людей, как она, — завершила Гуэн.

Я кивнул.

— Чарли, если вы даже на одну десятую будете таким же координатором особых проектов, какой была она, — окажетесь достойны занимать этот кабинет!

Гуэн по-прежнему стояла у меня в дверях.

— Садитесь, пожалуйста, Гуэн. Можете вот сюда. Я этот стул только что протер...

— Я постою, спасибо. Мир изменяется, видите ли. И мы устали сидеть.

— Мы?

— Да, *мы*. Я не сидеть в Коровий Мык приехала, Чарли. Вообще-то я к вам заглянула пригласить вас на нашу предсеместровую встречу в среду. Будут легкие закуски и водяная музыка, и мы станем говорить об альтернативных путях к духовности и просветлению. Рукколу можете принести с собой, если хотите.

— Рукколу?

— Да, не стесняйтесь, приносите любую рукколу, какая вам нравится.

Я поблагодарил ее за приглашение, но уважительно отклонил его:

— Очень приятно, что вы обо мне подумали. Но я не очень общителен. Вообще-то я предпочитаю быть сам по себе. И я, честное слово, понятия не имею, что такое руккола и даже где мне ее искать.

— Может, оно и так. Но эти ценные уроки следует выучить. А кроме того, там будут кое-какие очень хорошие люди. Поэтому считайте это возможностью познакомиться со своими коллегами и сотрудниками — знаете, с теми личностями, среди которых вам придется в этом году лавировать.

И она была права. Я так быстро любезно отклонил ее предложение, что совсем забыл о наказе доктора Фелча изучать различные личности в кампусе.

— Ну, если вы так вопрос ставите...

— Здорово. Значит, в эту среду в половине шестого. В студии у Марши, в Предместье. Знаете, где это?

— Не очень. Я лишь два дня назад приехал с временной автобусной остановки. У меня даже машины пока нет...

— Тогда я за вами заеду. Я слышала, вы поселились в преподавательском корпусе рядом с математиками?..

Мы с Гуэн условились обо всем необходимым на вечер среды, она повернулась и ушла, а я вновь занялся уборкой в выдвижных ящиках стола. Через несколько минут я взялся за четвертый мешок для мусора и, запихивая в него крупную кипу газет, заметил в дверях другую фигуру. На сей раз на том же месте, где до нее отстаивала свое Гуэн Дююи, высился внушительный силуэт Расти Стоукса.

— Чарли! — сказал он и протянул руку. — Приятно с вами наконец познакомиться, Чарли! Я Расти Стоукс! — Осторожно я потряс Расти за руку, а он в ответ так энергично встряхнул мою, что снова сокрушил мне кости руки. Не дожидаясь приглашения, Расти вошел в комнату и решительно огляделся, сперва мазнув пальцем по слою пыли на конторском шкафчике, а затем принявшись так, словно ощущал в воздухе запах неприятного воспоминания. — Тут пахнет *шитцу!* — Лицо Расти исказила болезненная гримаса, как будто он вспоминал некую допотопную цивилизацию — либо унюхал разлагающийся труп странствующего голубя. — Можно попробовать какой-нибудь освежитель воздуха, мальчик мой... он творит чудеса.

— Спасибо за совет, мистер Стоукс. Тут в зачет идет что угодно.

— Вообще-то — *доктор* Стоукс. Но вы мне нравитесь, Чарли. Поэтому зовите меня, пожалуйста, *мистер* Стоукс.

Расти сдвинул со стула какие-то бумаги и тяжело уселся.

— Интересное у вас тут приспособление, — сказал он, — эта штука с маятником...

— Интересное, — подтвердил я. — Называется «колыбель Ньютона», и я привел ее в действие минут десять назад. А она по-прежнему щелкает. Вероятно, призвана

демонстрировать, насколько сила кинетической энергии превосходит инерцию...

Расти скривился.

— Ага, ну это мы еще посмотрим. Как бы то ни было, не хочу отрывать вас от уборки, Чарли. Просто решил зайти сказать вам, как мы рады, что вы с нами. Все мы в Коровьем Мыке возлагаем на вас большие надежды. То есть я уверен, что вы не окажетесь хуже той последней, что мы нанимали!

Расти неодобрительно покачал головой.

— ...То есть *это* же была пустая трата времени!

— Вам не нравилась моя предшественница?

— Не нравилась? Да только из-за нее аккредитаторы выписали нам предупреждение. И из-за нее у нас в прошлом году не было рождественской вечеринки. Какая жалость, что мы вынуждены нанимать таких людей по телефону — знаете, профессионалов-лауреатов премий с блистательными резюме и рекомендациями ключевых советников Оттоманской империи...

И Расти снова покачал головой.

— Так или иначе, мы рады, что вы приехали с нами работать, Чарли. Билл мне о вас много рассказывал. Что ваша семья тут в округе раньше жила. И что вы первостепенным ингредиентом рагу считаете говядину. А также он пересказал мне ваш отклик на вопрос о вздутой мошонке, и я должен сказать, ответ вы дали совершенно гениальный...

Я поблагодарил его.

Расти игриво мне подмигнул. Затем — смиренно — рассказал о множестве своих жизненных достижений. Разумеется, ему претит хвастаться, добавил он, но, помимо всего прочего, он — ведущий авторитет в истории здешних мест, и я могу считать себя приглашенным навестить его в музей Коровьего Мыка, чьим куратором он является. Мне выпадет хорошая возможность изучить корни моей семьи, и он, возможно, даже сумеет отыскать статью в газете о знаменитом вкладе моего дела в мировое избирательное право. Я еще раз его поблагодарил и дал слово, что как-нибудь зайду навестить его.

— А меж тем, Чарли, что вы делаете в эту среду? У нас барбекю на реке, и мы надеялись, что вы тоже придете.

— Мы?

— Ага, *мы*. Я и остальные. Вам приятно будет со всеми познакомиться до начала семестра, неформально. Знаете, поскольку вам уже совсем скоро придется между всеми нами лавировать. — (И вновь я вспомнил просьбу доктора Фелча. Быть может, встреча с *обеими* группами — Гуэн и Расти — даст мне лучшее представление о природе их разногласия, подскажет, как их можно свести воедино?) — Кроме того, мы устроим небольшие поминки по Мерне, — продолжал Расти. — Вероятно, вы слышали, что с нею произошло в прошлом году. Вот мы и сделаем что-нибудь в память о ней. Состоится в среду в половине шестого.

— Половине... *шестого*?

— Ну или где-то рядом. И не беспокойтесь насчет еды с собой. Убоины вокруг на всех хватит.

Расти ушел, и я возобновил уборку. Через несколько минут заглянула Бесси — спросить, не нужны ли мне еще мусорные мешки.

— Кабинет словно бы преобразился, — заметила она. — Мне нравится внезапное возвращение первоначального намеренья. И эта штука с маятником такая стильная.

— Это уж точно. Я, наверное, так и оставлю ее тут, не буду останавливать — посмотрим, сколько еще она прощелкает!

Бесси кивнула. Потом сказала:

— А я видела, как вы с Гуэн и Расти беседовали. Порознь, само собой. И *как* вам оно?

— Меня пригласили на две вечеринки в среду после работы. И я пообещал на обеих быть. Но меня терзает некоторое противоречие, потому что они в одно и то же время.

Бесси рассмеялась:

— Само собой!

— Так что же мне делать?

— Выбрать одну и идти на нее целиком.

— Но это же будет значить, что я не пойду на *другую*...

— Очевидно.

— А это будет подразумевать явно выраженное предпочтение или даже, осмелюсь сказать, *приверженность* с моей стороны. Нет, так не получится — пока что, во всяком случае. Думаю, я пойду на обе. Мне следует появиться на барбекю у Расти *и* на водяном сборище Гуэн. Но вот как?

Бесси на несколько мгновений задумалась. Потом сказала:

— Ну, сама я собираюсь на барбекю — при условии, что найду няньку на вечер. Так что, если вы действительно хотите попасть и туда, и туда, я б могла забрать вас со сборища Гуэн по пути к Расти. Только встретьте меня на обочине ровно в половине восьмого. Так у вас будет достаточно времени насладиться рукколой.

Уладив таким образом со средой, я сказал ей спасибо, и она собралась уйти.

— А, и вот еще что, — сказала Бесси, вновь повернувшись ко мне лицом. Поверх тишины в комнате слышалось лишь клацанье маятника; шарики непреклонно щелкали друг по другу в идеальном ритме. — Не забудьте о закрытой обуви к завтрашнему утру. Наш консультант по ответственности очень на ней настаивает...

* * *

Дома после первого рабочего дня я взялся размышлять о своих достижениях: я успешно прибрался в кабинете и запустил инертный маятник, сообщив ему непреклонное движение; начал знакомиться со школьными процедурами; пережил свое первое общее собрание. И хотя еще оставалось множество нерешенных вопросов — *Корни разобщенности между Расти и Гуэн? Относительные достоинства расширительного толкования?*^[7] *Неясное семейное положение Бесси?* — такое начало несомненно ободряло.

Прежде чем улечься в постель, я вынул бритвенные принадлежности и впервые с тех пор, как перевалил через финишную черту старших классов, целиком сбрил усы. Освободившись от них, я выбросил сбритое в мусорку и взял недочитанный исторический роман, который мусолил с автобусной поездки в Коровий Мык. Затем передумал и отложил его в пользу нехудожественного произведения, которое только что принес из кабинета предшественницы. «Справочник для кого угодно: любовь и общинный колледж» был весь в пыли после своей летней спячки, и когда я открыл книгу, из нее выползла чешуйница и опрометью кинулась прочь по моей подушке. Через несколько минут я усну с книгой на груди. Но пока я раскрыл ее и прилежно прочел первую страницу этого полезного

справочника по любви столь истинной и простой, что ее способен обрести кто угодно. «Человеческое желание любви, — объяснялось там, — столь же старо, как и сам общинный колледж...»

* * *

{...}

Вообще-то любовь даже старше — корнями она уходит к тем дням, что были еще задолго до появления общинного колледжа, когда сердце по-прежнему оставалось необузданным зверем, как и множество неодомашенных коров, что некогда бродили по всему свету. То были дни скитаний и чудес, обширных непокоренных земель, что поощряли диаспору и достигательство. Ибо история человечества есть история того, как человек утоляет свои желанья. Вернее — его стремления к ним. Через континенты и сквозь время. С прилежаньем, что не знает себе равных среди прочих выючных животных. Более любой силы природы такова любовь — к себе, к семье, к богу и стране, к великим идеям: это она служила постоянным катализатором создания мира в известном нам виде. Без любви бы не было религии. Искусства. Философии. Без любви у нас бы не появились святые, мученики или пророки. И, разумеется, без любви у нас бы не было общинных колледжей.

Говорят, для того, чтобы нечто существовало, оно должно жить бок о бок со своей противоположностью. День не может быть днем без ночи. Да и прилив не может существовать без отлива. Так же не может быть радости без отчаяния. Никакого просвещения без невежества. И никакого течения времени без окончательной развязки смерти. Но до появления общинного колледжа всего этого быть не могло — вообще ничего, лишь очень темная пустота. И затем явился Бог, и вселенная, кою Он сотворил, коя, в свою очередь, породила время и пространство, да так, что за многие миллиарды лет и многие миллиарды миль от вневременных ее предков произошла вся родословная обучения:

От Бога произошла вселенная, а от вселенной — время и пространство. А из всего этого произошел общинный колледж, где взлелеяна сама любовь — так же, как небо лелеет в своем объятье звезды. Ибо ведь не может быть любви истинней, чем любовь к обучению. Преподавание идеи требует передачи знания от одного ума к другому, как рождение ребенка требует передачи семени от одного млекопитающего к другому. Вот именно поэтому среди всех мировых институтов общинный колледж есть колыбель всего, чем стремится быть любовь, и поэтому среди всех возлюбленных на свете его преподаватели — народ избранный. По этой причине общинный колледж всегда был, навсегда остается и всегда будет питомником любви. Ее вечным источником. Местом, куда она всегда возвращается и откуда всегда происходит. Ибо познать мир во всей его целостности есть познать — по-своему, скромно — ваш местный общинный колледж. И наоборот.

{...}

* * *

На следующее утро я стоял у будки охраны со своими вновь нанятыми коллегами, дожидаясь автобуса, который доставит нас к занятиям по сплочению коллектива.

— Как у вас оно, мистер Чарли? — спросил Тимми, завидев меня, и я ответил:

— Отлично, спасибо, а у вас? — Под ныне высоким небом утренний воздух был еще холоден, и мы вшестером стояли, засунув руки прямиком в карманы и сбившись в рыхлую стайку, переминаясь с одной ноги на другую, чтобы согреться. Учитель кулинарии Льюк Куиттлз во всей нашей кучке был самым общительным, и, казалось, он лучше всего подготовлен вести за собой общую беседу о пустяках. Ньютауны, Этел и Стэн, тоже смеялись и шутили с остальными. Нэн Столлингз и Рауль Торрес стояли немного порознь — они меньше участвовали в необременительной беседе, но были не менее ею увлечены. Когда мы открывали рты, за нашими словами из них тянулись хвосты холода.

— Так что вы, ребята, пока думаете о Коровьем Мыке? — спросил Льюк.

— Потрясающий кампус, — ответила Нэн. — Великолепные фонтаны.

— Они и впрямь поразительны, — согласилась Этел. — А вы заметили, как они радуги пускают против света?

— Похоже на волшебный фонтан Монжуика^[8], — сказал Рауль.

— Возможно, — добавил Льюк. — Но животноводческая скульптура *здесь* гораздо лучше!

Все согласно кивнули.

— Только с этими чертовыми пеликанами осторожней, — пробормотал Стэн Ньютаун. — Злые могут быть!

Беседа сколько-то текла по этим руслам, Нэн рассказывала группе о бригаде литейщиков, которой некогда помогала организовать профсоюзную ячейку, Стэн и Этел подробно излагали, как ищут себе жилье настолько близко от кампуса, чтобы из окна спальни хорошо просматривался фонтан с быком и телкой. Льюк поделился старым семейным рецептом приготовления пеликана. Рауль быстро вычислил количество калорий в

романтической трапезе на двоих, на что Нэн заявила, что никогда раньше не слышала такого чарующего акцента и ей всегда хотелось съездить в Барселону. В легком отдалении от всего этого я следил за разговором по большей части в молчании, хотя время от времени кто-нибудь втягивал меня в общение, и я отвечал исправно, а беседа после этого текла дальше так же исправно мимо меня и к каким-нибудь другим вещам, поинтереснее.

Наконец подъехал желтый школьный автобус и двери его открылись. Из него вышел доктор Фелч в синих джинсах, поношенной кожаной ковбойской шляпе и рабочих сапогах.

— Всем доброе утро! — сказал он. — Рад видеть, что все вы в закрытой обуви!

Пока автобус урчал вхолостую на заднем плане, группа дружески трепалась о холоде и перешучивалась насчет автобуса, а затем, собрав с нас всех отказы от претензий, доктор Фелч оглядел нашу группу и сказал:

— Коллеги. Сегодня вам предстоит научиться кое-чему крайне важному. Это называется совместной работой в команде. Кое-кто еще называет ее *командной работой*, и она существенна для любой институции — будь то спортивная команда, высшее учебное заведение или бригада на животноводческой ферме. Сегодня вы увидите командную работу в действии. Сегодня вы *сами* станете командной работой в действии. Потому что сегодня вы будете учиться работать все вместе... Поехали!

Мы вшестером забрались вслед за доктором Фелчем в большой автобус и направились к сиденьям. То был рабочий школьный автобус — с красными мигалками и восьмиугольным знаком «Стоп», который выскакивал перед встречным транспортом, когда открывались двери. В автобусе могло с удобством разместиться шестьдесят младшеклассников, поэтому каждому из нас вдоволь хватало места выбрать себе ряд и удобно развалиться на нем — что мы и сделали. Ньютауны устроились в середине автобуса по обе стороны от прохода; Рауль сел на полпути между их рядом и передом автобуса; Льюк ушел в самый конец, а Нэн расположилась на полпути между ними. Я тоже сел сам по себе.

Скрестив руки на груди, доктор Фелч стоял в голове прохода рядом с водителем и наблюдал за всем этим с некоторым изумленьем. Когда все расселись по местам, распределившись по всему автобусу, и устроились там поудобнее перед поездкой, он расплел руки и сделал шаг вперед.

— Так! — объявил он. — Все вы только что *не справились* с первым заданием! Первый и самый важный шаг в сплочении коллектива — узнать членов вашей команды. Поэтому вставайте со своих мест и садитесь рядом с теми, кого не знаете. Ну, давайте!..

Удивившись, мы переглянулись. Льюк Куиттлз отреагировал первым — поднялся с места, перешел и подсел к миссис Ньютаун. Ее муж последовал его примеру и ушел в конец автобуса, где занял место рядом с Нэн Столлингз. Остались Рауль и я, поэтому я взял на себя инициативу подойти к его сиденью и представиться.

— Что ж, Рауль, — сказал я. — Похоже, нам с вами предстоит сидеть довольно тесно друг с другом...

Рауль учтивым жестом пригласил меня к нему подсесть, как можно дальше отодвинувшись к окну. Теперь мы с ним сидели плечом к плечу на узких сиденьях, идеально подошедших бы паре третьеклассников, только сейчас, с двумя взрослыми мужчинами на них, они ощущались какими-то недомерками. Пока доктор Фелч смотрел, как мы опять занимаем места, мы с Раулем взирали на него поверх зеленой виниловой обшивки сидений перед нами.

Доктор Фелч продолжал:

— Ладно. Теперь, раз вы расселись, мне бы хотелось попросить каждого из вас лучше узнать своего соседа по сиденью. Вчера на общем собрании вы уже узнали кое-что друг о друге. А теперь давайте познакомимся на *самом* деле. Чтобы хорошенько взломать лед, я бы хотел попросить вас поделиться несколькими важными вещами о себе. В ответах своих будьте подробны, поскольку немного погодя мы вновь соберемся под чахлым деревом и поделимся ими с группой в целом. Поэтому — вот вам задание...

Доктор Фелч воздел кулак и отогнул большой палец, показывая, что считает и намерен начать с номера *один*.

— ...Первое, — сказал он, — сообщите, пожалуйста, своему партнеру, как вас зовут. И под этим я подразумеваю не одно только ваше имя. Сообщите его полностью. Расскажите его историю. Как вам дали это конкретное имя? Придумала ли его ваша мать? Или отец? Как они его выбрали? Обладает ли оно каким-либо культурным или историческим значением? Какой-то символикой или тайным смыслом? В этом отношении будьте конкретнее, потому что вообще-то не существует лучшего ключа ко внутреннему существу личности — к ее глубочайшим страхам и надеждам; к предполагаемой роли в мире, не говоря уже о тех ожиданиях, какие на них возлагают другие, — нежели то имя, какое вам дали и используют во взаимоотношениях с окружающим миром...

Доктор Фелч подождал, пока мы запишем его слова. Когда все оторвались от заметок, он вдобавок к уже отогнутому большому пальцу отогнул и указательный, чтобы отметить номер *два*:

— ...Второе... сообщив свое имя, расскажите нам следующее: если б вы не оказались в Коровьем Мыке, где бы вы *были* и что бы делали? Стали бы каскадером? Царем-пророком? Диск-жокеем? Отправились бы в Парфенон? Бегали с быками в Памплоне? Навестили Тадж-Махал в рабочий день? Отнесите к этому творчески — в конце концов, ваши личные таланты так же разнообразны, как и ваши внутренние устремления. А сам мир очень велик...

Некоторые преподаватели в автобусе уже повернулись друг к другу и начали отвечать на вопросы, но доктор Фелч их прервал:

— ...Постойте! Это еще не все! Автобусная поездка нам предстоит долгая... — И тут он отогнул третий палец, средний: — Далее — давайте продолжим дискуссию, которую начали вчера, рассказом всему миру, что привело вас в общинный колледж Коровий Мык: как вы оказались на сиденьях этого желтого школьного автобуса, направляясь в самое сердце засухи веков, — и как вы видите собственный вклад в миссию нашего колледжа, когда вернемся оттуда. Декларацию нашей миссии вы услышали из первых уст. Не сомневаюсь, вы заучили ее на зубок и соответственно подстроили под нее собственные личные ценности. И вот теперь, отплывая здесь, в колледже, к своей новой жизни, расскажите нам, какую лепту вы намерены внести в нашу ведомственную миссию?..

Пока доктор Фелч отгибал четвертый палец, безымянный, я впервые заметил, что на нем у него толстое обручальное кольцо. Оно было изящно и одновременно туго — казалось, кольцо это намекает, что никогда не покинет пальца, что, вероятно, ни по какой иной причине действительно может быть его последним обручальным кольцом:

— ...*Четвертое*, поделитесь, пожалуйста, хотя бы одной постыдной личной тайной, какую вы бы предпочли держать в тайне от всех...

— Постыдная тайна?! — возразили мы.

— Да. Нечто настолько личное и унижительное, чего вам бы ни за что не хотелось, чтоб о вас знали — в особенности ваши новые коллеги, с кем вы только знакомитесь.

Доктор Фелч улыбнулся и быстро отогнул последний палец, мизинец, обозначая номер *пять*:

— ...И пятое — а вот с этим, публика, спешить не советую — поделитесь, пожалуйста, своей догадкой о том, что вы узнали из личного опыта и что поможет вашим сотрудникам лучше понять многие входы-выходы...

В этот самый миг, словно бы мешая его высказыванию, взревел мотор; шофер включил передачу, и автобус с громким стоном покатился вперед. Доктор Фелч попытался перекричать внезапный шум, но тщетно, и так вот автобус выехал из колледжа на пыльную дорогу, а доктор Фелч схватился за микрофон рядом с водителем и включил его.

— Вы меня слышите? Эта штука работает?..

— Мы слышим вас! — заорал Льюк. — Работает!

— ...Ну, похоже, мы тронулись в путь. Итак, *наконец*... поделитесь, пожалуйста, своей догадкой, которая поможет вашему соседу по сиденью понять входы-выходы, взлеты-падения, уникальные особенности и идиосинкразии... *любви*.

Теперь автобус громыхал через железнодорожные пути, и доктор Фелч, по-прежнему стоявший в проходе, вынужден был дотянуться до сиденья перед собой, чтобы не упасть.

— Всё записали? — спросил он. — Надеюсь, вы хорошо законспектировали, поскольку предполагается, что вы поделитесь этим со всей группой. Так к тому времени, когда мы достигнем нашего пункта назначения, каждый из вас узнает о своем партнере все, что можно, и он... прошу прощения, он или *она* — будет знать все, что только можно знать о вас. Поездка займет тридцать пять минут, поэтому вам должно хватить времени, чтобы всем поделиться. На старт? Внимание. МАРШ!..

Доктор Фелч сел.

За окном пейзаж опять сменился. Жара вернулась, и мы теперь ехали по пустынной местности с мертвой травой и белыми скелетами скота, над которыми кружили стервятники. В суши неукротимого солнца воздух снова был бесплоден, словно воды, столь обильные в кампусе, вдруг испарились, а пересаженная зелень рассыпалась в прах, как только мы выехали за деревянный шлагбаум, отделявший колледж от мира снаружи. Рауль сидел у самого окна, наблюдая, как все это медленно и вяло проплывает мимо, безжизненным континуумом, словно цепочка цифр, убегающая в бесконечность.

— Довольно красиво, а? — сказал он.

— Я не подумал заметить, — ответил я. — Но да.

— Нет ничего обнаженнее засухи. Или невременной солнца.

— Очень изящно сказано, Рауль.

— Это мне напоминает детство, когда я часами играл на улице и ни мгновенья не беспокоился из-за мелодрам или меланом этого мира. Жизнь тогда была настолько проще...

И тут Рауль пустился томительно пересказывать историю своей жизни — о том, как оказался он в общинном колледже Коровий Мык, — а я меж тем прислушивался к ответам на вопросы, заданные нам доктором Фелчем.

— Когда я родился, — говорил он, — мать назвала меня Раулем...

* * *

Когда он родился, излагал Рауль, родители назвали его Раулем. Мать не стала бы так

называть его в первую очередь, но настоял отец — так именовался его любимый дядюшка. Говоря правду, признался Рауль, родился он не в самом городе Барселоне, а в сонной рыбацкой деревушке в нескольких милях вверх по побережью. Отец его был рыбаком, но однажды зимой его унесло в море, не успел Рауль его как следует узнать. Мать взялась растить своего юного сына, зарабатывая швейным ремеслом, и в самых ранних воспоминаниях Рауля фигурировали деревенские мужчины, заходившие к ним в дом, чтобы оставить его матери свои штаны. Она была молода и красива, и мужчины поэтому заходили в дом просить ее об услугах, держа шляпы в руках. Раулю тогда было всего три или четыре года, но он по-прежнему помнил запах оляды, разносившийся по дому: картошка, бобы и солонина варились в тяжелой кастрюле на кухне. Однажды он вернулся домой после игр со своими двоюродными и обнаружил, что над его матерью на кухне стоит мужчина, которого он раньше никогда не видел. Мужчина утверждал, что его отец много задолжал ему, долг до сих пор не погашен, и он пришел его взыскать. Мать Рауля рыдала на полу и умоляла незнакомца о прощении, в котором он ей отказывал. Месяц спустя Рауль с матерью уже были на судне, шедшем через Атлантику в Южную Америку, где они сошли на берег и автобусом, пешком и на муле двинулись на север, через Центральную Америку, Мексику и в Калифорнию с заездами в Теночтитлан, Тайясаль и Чолюлю — но еще и через Веракрус, Чапультепек и Буэна-Висту. Несколько лет назад двоюродная сестра матери переехала с мужем в Сонору, и мать в отчаянии теперь попросила ее помочь с бумагами для этого путешествия. Дорога была опасна, и по пути они сталкивались с вооруженными пиратами и неутомимыми миссионерами, с участками джунглей, где по-прежнему свирепствовала малярия, поэтому, когда наконец прибыли к пограничному посту в Тихуане и таможенник махнул, пропуская их через границу в США, ей уже казалось, что в жизни у нее никаких больше пунктов назначения не будет. Мать нашла себе работу уборщицы в домах Сан-Диего, а еще она чинила одежду, Рауля же сдали в местную школьную систему. Отбившись от родного своего языка, Рауль поначалу страдал от того, что его английский расцветает медленнее, чем того желали его учителя. А вот математика оказалась совсем другим делом: она ему давалась легко и бегло — и стала подлинной его страстью. С цифрами находил он себе единственную отраду в верном решении уравнения, радость недвусмысленных истин в их чернейших и белейших обличьях. Вскоре Рауль стал лучшим учеником в классе. Постепенно и английский нагнал у него математику — слова его даже превосходили его числа, — и его перевели в особую специализированную школу в другом районе города, где он учился рьяно, всю школьную неделю жил у двоюродной родни, а домой возвращался только на выходные. Мать его к этому времени уже работала на трех работах и, хоть с каждым учебным годом становилась все старше и хрупче, продолжала жертвовать собою ради него. Вообще-то мечтала она попасть отнюдь не в Калифорнию, а в Техас, который видела в кино, — с его распахнутыми небесами и просторами земель. Она любила этот романтический идеал — ковбоев на лошадях, родео и ширь слова, произносимого громко и крепко. Когда за год до его выпуска она умерла, Рауль поклялся когда-нибудь съездить в Техас и осуществить ее неосуществленную мечту, тем упокоив наконец и память о матери.

Здесь Рауль прервал свой рассказ.

Снаружи мимо автобуса проплывал длинный забор ранчо «Коровий Мык», и каждые несколько сот ярдов возобновлялась его мясолобивая пропаганда. «ЖИВИ ПЛОТОЯДНО», гласила одна надпись, а затем, чуть дальше по дороге — «БЫКУЙ!».

— Так вы там побывали? — спросил я. — Удалось вам съездить в Техас?

Рауль посмотрел в окно на длинный забор с его выцветшими лозунгами.

— Пока нет, — ответил он. — Как-то пока не сложилось. Хотя один раз чуть было не...

— Всего лишь раз?

— Да, когда я был моложе.

И тут Рауль начал историю о периоде в своей жизни, когда он совсем чуть было не доехал до Техаса и не осуществил посмертно мечту своей матери.

— У меня даже билет был... — сказал он.

Случилось это, когда он писал магистерскую, а его заманивал к себе маленький частный колледж где-то под Далласом. Колледж нанимал перспективных статистиков к себе в новую докторантуру по межкультурной статистике, а академический и культурный багаж Рауля были убедительны. Они даже собирались оплатить ему визит в кампус. То был последний год его магистерской программы, и несмотря на удачу с привлекательной внешностью, ему еще только предстояло влюбиться во что-либо другое, помимо цифр. Вообще-то он так сосредоточился на своих занятиях, что все прочее в жизни — все, от любви до гигиены и нежности, какую мог бы питать к молодым женщинам вокруг, оказывающим ему знаки внимания, — все это вечно откладывалось на потом, словно иррациональное число, помноженное само на себя. Такое могло бы длиться вечно, если б не случайный поворот судьбы, вынудивший его готовить к экзаменам студентку, которой оказалось на роду написано, какой может быть любовь. Выяснилось, что девушка далеко не блистательна, но мерцала она так, что большего ему и не требовалось. «Зачем так далеко уезжать?» — спросила она. И он отменил поездку, забрал заявление и отказался от стипендии, чтобы остаться там же, где и был. С того момента он и начал одеваться с умыслом, научился играть на гитаре, говорить стал со слегка модулированным каталанским акцентом, который вдруг начал привлекать внимание противоположного пола. И хотя это решение изменило всю его жизнь, он так и не оправился ни от своего тогдашнего нравственного выбора, ни от упущенной возможности.

— Странная штука — любовь, — сказал он. — Мать любила меня семнадцать лет. А я отбросил память о ней ради девушки, с которой был знаком всего несколько недель.

— Уверен, мать бы вас поняла...

Рауль покачал головой.

— Может, и поняла бы. Но от этого все только хуже...

— А что стало с девушкой? — спросил я.

— Вскоре после мы с ней расстались. Но она все же успела показать мне, какими бывают последствия любви.

Тут Рауль печально задумался.

— Сегодня нас попросили поделиться нашими понятиями о любви. А я слышал множество разных мнений по этому вопросу. Кто-то говорит, что любовь — это процесс. Другие возражают, что это результат. Но если вы спросите меня, любовь — *ни* то и *ни* другое. Потому что в действительности это вообще не что-то, а лишь его последствия. Без такого последствия никакой любви не бывает. Поэтому, отвечая на ваш вопрос — вернее, вопрос доктора Фелча, — любовь, я бы сказал, есть само следствие себя.

— А как же Техас, Рауль? Вы планируете туда съездить?

— Конечно. Хотя в данный момент ничего конкретного.

— Отчего же? Вы этому, похоже, очень привержены.

— Это же так далеко...

— Отсюда?

— Да. От Разъезда Коровий Мык.

— Но, Рауль, это будет очень легко осуществить. В смысле, если вдуматься, сколько вы проехали, чтобы попасть *сюда*. По сравнению с расстоянием от Барселоны до этого пересохшего пастбища, расстояние от этого пастбища до Техаса — почти совсем ничто.

— Наверное, так и есть, — сказал он. — И я уверен, что когда-нибудь туда доберусь. Пока же буду просто терпеливо ждать. Пока у меня нет другого выбора — лишь терпеливо ждать.

И тут мне в голову пришла мысль. Словно внезапный шквал бури она обрушилась на мой ум, и я, не подумав, выпалил:

— А как насчет будущего лета, Рауль? Могли бы съездить! Мне самому всегда хотелось посмотреть, что это за место — Техас. И у меня кое-какие деньги отложены. Поедем вместе, вы и я!..

Рауль рассмеялся и протянул мне руку. Я пожал.

— Вы очень любезны, друг мой. Я это запомню.

Я вспыхнул от собственной восторженности. Потом сказал:

— А ваша постыдная тайна, Рауль? Вы не против поделиться ею со мной?

— Моя тайна? — переспросил он. — Да, тайна у меня есть. Но я был бы благодарен, если бы всей группе ее не передавали.

— Конечно, — ответил я. — И в чем она?

— На самом деле я не из Барселоны.

— Нет?

— Нет, нет. И никогда не пересекал Атлантику. Говоря честно, я никогда не был ни в Венеции, ни в Рио, хотя весь остальной мой рассказ — правда. Мать моя действительно работала на трех работах, лишь бы я закончил колледж. И мы действительно перешли границу, чтобы сюда попасть. И от своей третьей работы она умерла. И я по-прежнему жалею, что так и не доехал до Техаса.

— Но если вы не из Барселоны, из какой же культуры вы на *самом* деле?

Рауль помолчал, глядя в окно, словно копался в далекой памяти. Затем произнес:

— Нынче я принадлежу культуре подтверждений^[9].

— Но зачем вам эта басня? К чему вам мифология?

— Ну, Чарли, вы же знаете, как говорят: на этом свете есть ложь, наглая ложь и автобиография.

— Не статистика?

— Она, наверно, тоже.

Я рассмеялся.

— Вероятно, вы правы, — сказал я. — Спасибо, что поделились. Да и как бы то ни было, не беспокойтесь — я буду нем как рыба.

Мы проезжали выжженное поле с выдавшей виды сеялкой, валявшейся в отдалении. Небо раскрылось во всю ширь, и жара в автобусе нарастала с каждой милей, оставшейся позади. В нескольких рядах за нами добродушно беседовали Льюк и Этел. А еще дальше за ними, по другую сторону прохода, Стэн Ньютаун и Нэн Столлингз, похоже, обменивались собственными важными прозрениями. Впереди же всех, в самой голове автобуса, сидел доктор Фелч с зажженной сигаретой — его десятой — и о чем-то пересмеивался с шофером, его давнишним приятелем еще по старшим классам; судя по всему, президент колледжа был

удовлетворен тем, как у него за спиной проходят мероприятия по взлому льда.

— А у вас как, Чарли? — спросил Рауль. — Я, похоже, рассказал вам обе истории моей жизни. Что же с вашей? Как вам досталось ваше имя? И какую часть света вы б вероятнее всего посетили? Что б вы делали, не будь вы координатором особых проектов в нашем общинном колледже на грани краха? И как вы вообще тут оказались, в этом жарком школьном автобусе, что едет мимо выцветающих заборов ранчо «Коровий Мык»?

Я прилежно излагал ему историю того, как я до этого дошел и настолько быстро — от отличника в старших классах до невезучего закоренелого разведенца и ничьего отца, — а Рауль внимательно слушал мои слова.

— Знаете, — говорил я, — если б вы мне сказали, когда я был моложе, что я в итоге стану работать в сельском общинном колледже, я бы решил, что вы спятили. Так далеко это от того, что сам я себе воображал. Все равно как если б вы мне сказали, что однажды я стану рыбаком в Барселоне...

— Почему это так удивительно? А чем вы *хотели* быть?

— Ну, в начальной школе я хотел стать мусорщиком. В средней школе — пожарником. К старшим классам цели мои изменились, и я пожелал быть поэтом, хотя в колледже это быстро прошло — когда я понял, что этим попросту не проживешь и лучше бы мне быть философом. К магистратуре я уже склонялся в сторону карьеры в управлении образованием. Забавно, как мы снижаем планку своих ожиданий с получаемыми степенями...

— Так где вы были б, если не *здесь*? И чем бы занимались?

— Даже не знаю. Наверное, где-нибудь там, где мне позволят стоять немного сбоку от большого скопления людей. Ночным уборщиком, быть может. Или капельдинером в театре. Но я не там, а тут. Миновав столько времени и пространства, я сижу вот на этом тесном сиденье с вами, Рауль. Не то чтоб я, конечно, жаловался...

— Конечно...

— ...Вообще-то мне сейчас все представляется ясным, прямым и совершенно разумным. Буквально на днях я вспоминал каких-то людей, кто незначительно и непредсказуемо — и, вероятно, сами того не ведая, — сыграли свою роль в том, чтобы привести меня туда, где я сейчас. Добрая учительница начальных классов. Подруга по колледжу, позволившая проводить себя от невинности к женственности. Три прохожих, поднявших меня с окровавленного асфальта...

— Окровавленного асфальта?

— Да, окровавленного асфальта.

— И это ваша самая постыдная тайна?

— Да нет вообще-то, хотя определенно одна из самых *болезненных*! И оглядываясь на все это, я иногда думаю: ух, как же здорово было б, если б я мог пройти по собственным следам. Вернуться к тому асфальту. И в тот класс. Вновь посетить по дороге всех тех людей. Просто несколько минут побыть с ними, сообщить, как они повлияли на мою жизнь. Пожать им руку и сказать: эй, спасибо, что подняли меня тогда с асфальта. И что подтолкнули меня к управлению образованием. Что позволили мне дрожащими руками ласкать очертанья вашей невинности. Сколь мимолетно бы ни было ваше присутствие в моей жизни — каким банальным бы оно тогда ни казалось, — в итоге оно стало поворотным и неизбывным...

Рауль кивал так, будто понимал. Я продолжал:

— Но я знаю, что это невозможно. Потому что все они идут своими тропами. Как миллион разных стрел, что все выпущены навстречу друг другу...

И вновь Рауль кивнул.

— Пересекая в полете траектории друг друга?

— Именно. И продолжая свой одинокий путь.

— Смелый образ.

— Я одна из тех стрел, Рауль.

— Да и я тоже, — сказал он. После чего отвел назад руку, взводя воображаемый лук и целясь прямо в Техас. — Итак, Чарли, — произнес он, выпустив стрелу, — что еще вы можете рассказать мне о себе?..

Следующие несколько минут Рауль задавал мне назначенные нам вопросы, я отвечал на них один за другим. Когда он спросил меня о причинах приезда в Коровий Мык, я рассказал ему о своей обшарпанной квартирке и стаканчике еле теплой мочи. А когда спросил о моих предполагаемых лептах в колледж, я ответил, что доктор Фелч дал мне ясно понять, каковы будут мои обязанности: что я буду вести процесс аккредитации, помогать в организации рождественской вечеринки и стараться изо всех сил сомкнуть наш расколотый преподавательский состав — и, если мне удастся отыскать способ три эти задачи выполнить, я спасу колледж от падения в пропасть ведомственного краха. Затем я рассказал ему, что, помимо профессиональных заданий, я выработал себе и личные цели, которые станут направлять меня весь год.

При этот Рауль встрепенулся.

— У вас есть *личные* цели? — спросил он. — Это достойно восхищения. Могу я их услышать?

И я рассказал ему, что весь грядущий год буду стремиться отыскивать влагу во всем, любить нелюбимое и переживать как день, так и ночь.

— А как насчет того, чтобы стать чем-то целиком?

— Да, разумеется. И это тоже.

— Цели у вас определенно благородные, — сказал он. — Но достижимы ли они? Вы можете их измерить?

— Измерить?

— В цифрах.

— Не уверен. Никогда этого так не рассматривал.

— Цели-то выглядят высокими. Но каковы их *итоги*? К примеру, вы утверждаете, что хотите «стать чем-то целиком». Но что это в точности означает? Можете привести пример, показавший бы осязаемый итог этой конкретной цели?

Секунду-другую я подумал над вопросом Рауля. Потом сказал:

— Да, могу. Вот только вчера я сбрил усы. Прежде я всегда им давал расти наскаками и урывками, но они никогда не достигали состояния результативных усов. Вчера Бесси перед общим собранием обратила на это мое внимание, и знаете что — она права! Поэтому я совершенно их сбрил. Вчера у меня были усы, а теперь их больше нет. Поэтому итог — стопроцентное сокращение моих усов!

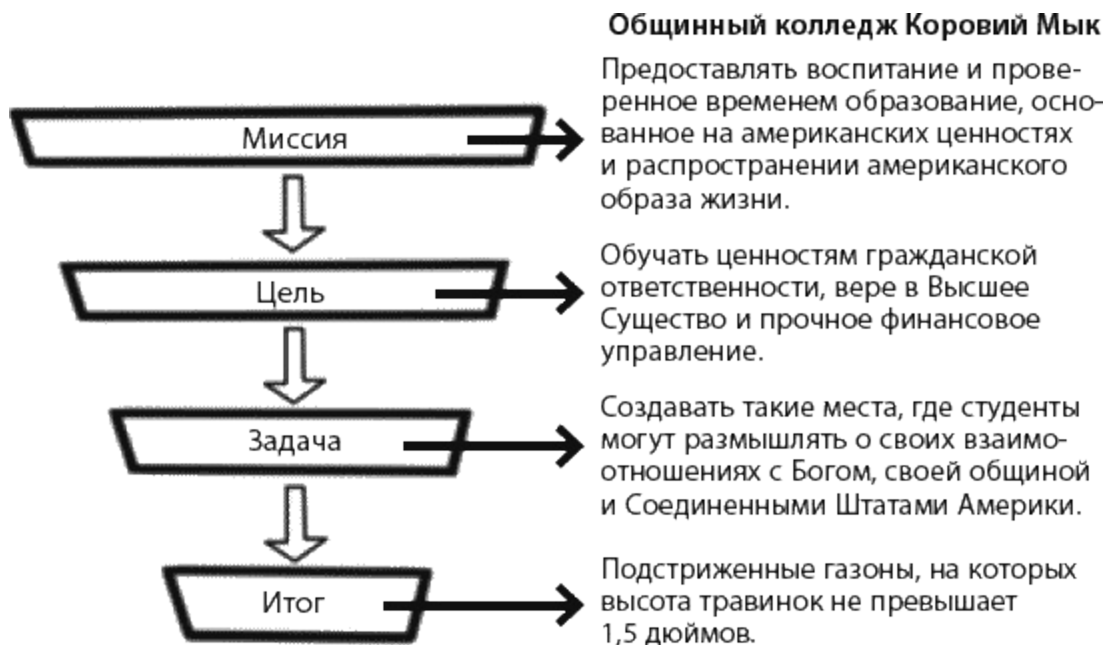
— Наверное, это неплохое начало. Но не забывайте, что у ваших общих целей должны быть подкрепляющие задачи, а у каждой подкрепляющей задачи должны быть осязаемые, измеримые итоги. И все это должно соответствовать вашей общей причине жить, вашему предназначению в этом мире, вашей личной *декларации миссии*, если угодно. По сути, люди ничем не отличаются от институций, поскольку, если присмотреться, Чарли, человек есть не более чем общинный колледж без пеликанов. В случае сельского колледжа вроде нашего

соответствие это выглядит примерно так... — И тут Рауль достал из кармана рубашки ручку и блокнот и нарисовал следующую блок-схему:

— Обратите внимание, что все это происходит из декларации миссии. А значит, всему, что требуется колледжу, необходимо проистекать из этой декларации. И я не шучу — *всему*. Занятию по развивающей математике. Человеку, подстригающему траву. Закрытому тире. Быку, покрывающему телку. Всему!

И тут он опять взял схему и заполнил ее конкретикой нашего колледжа, чтобы показать, как даже простейшие вещи, которые мы видим в кампусе, суть производные этого соответствия:

— Либо, если представить это иначе, она может выглядеть вот так...

— Разумеется, вам лучше меня известно, как это работает, Чарли. В конце концов, это вы поведете нас через процесс аккредитации. Но вы могли не задумываться вот о чем: о ценности этой системы для *индивидов*. У каждого из нас имеется своя декларация миссии, поддерживаемая общими целями, которые, в свою очередь, поддерживаются конкретными задачами и измеримыми итогами. Общинные колледжи, само собой, располагаются на переднем крае этого. Но мы люди, а оттого эти декларации у нас еще и погребены очень глубоко. И мы скорее следуем им интуитивно, хоть и наобум. Однако закавыка тут в том, что мы почти никогда их не проговариваем, а это приводит к путанице и размыванию миссии. Например, в вашем случае это может выглядеть так...

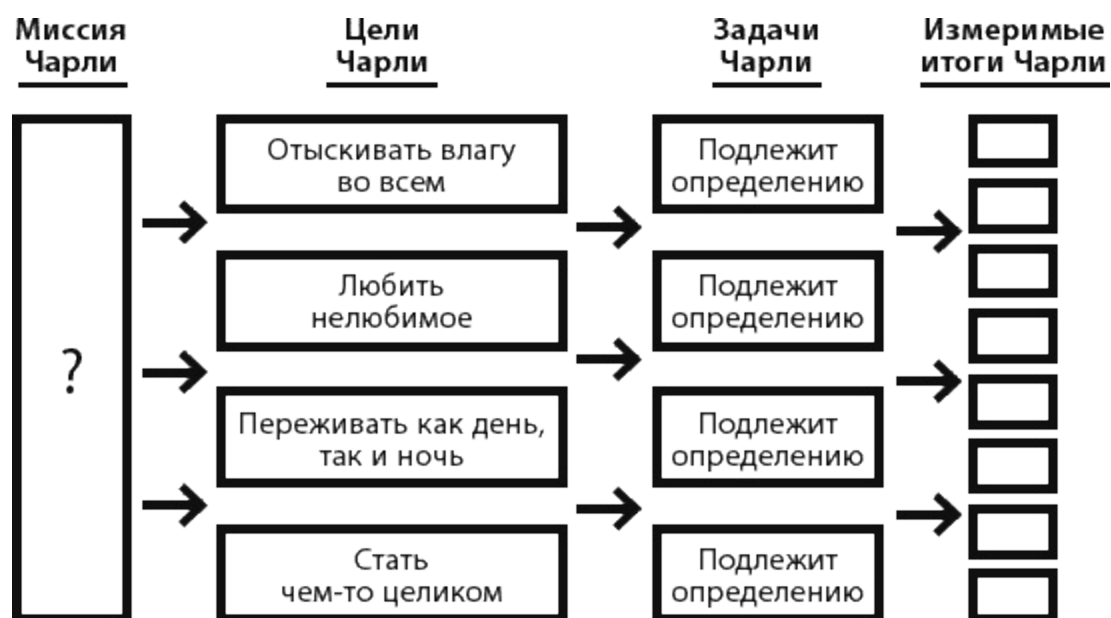
И тут Рауль вытащил красную ручку и принялся писать рядом с первоначальной схемой миссии колледжа, которую уже нарисовал. Заняло это несколько минут, и пока он строчил, я глазел мимо его профиля в окно на проплывающие декорации. За стеклом солнце палило и волнами жара отражалось от черной дороги. У обочины шоссе покоились перекасти-поле, дожидаясь, чтобы порыв ветра — любого ветра — сдул их куда-нибудь дальше. Промелькнула брошенная хижина, за нею — безжизненная мельница; странно, что нам не попадалась ни одна встречная легковушка или грузовик. Наконец Рауль пристукнул ручкой по диаграмме.

— Вот, пожалуйста, Чарли... — сказал он. — Это диаграмма вашего жизненного предназначения, представленная в таком формате, который может помочь вам яснее увидеть,

где здесь место для непрерывного совершенствования...

— Либо, если представить это иначе...

— Глядя теперь на это, можно увидеть, что с Целями у вас все хорошо, а вот в Задачах и Итогах вы слабоваты. Но самое важное — вам очень нужно хорошенько покопаться у себя в душе и спросить себя: какова моя Миссия? Цели у вас, конечно, есть, Чарли. А из них могут родиться задачи. Но где же всеобъемлющая декларация миссии, которая придавала бы всему этому единство и смысл? Какова главнейшая причина, почему вам хочется отыскивать влагу во всем, любить нелюбимое и переживать как день, так и ночь?

— Вы имеете в виду, почему я хочу стать чем-то *целиком*?

— Верно. Кроме того, что все это мило звучит и хорошо выглядит на бумаге. Пока не отыщете эту главнейшую декларацию миссии, вы будете обречены лишь барахтаться на уровнях целей и задач, даже не зная, приближаетесь ли вы к исполнению своей главнейшей миссии в жизни. А это, в свою очередь, не даст вам результативно двигаться к конкретным измеримым итогам.

Рауль вырвал страницу из блокнота.

— Можете оставить себе... — Он вручил мне бумажку, и я ее взял, сложил квадратиками и сунул себе в карман рубашки.

— Спасибо, — сказал я. — Но я правда ничего об этом не знаю, Рауль. В смысле, все это выглядит как-то до ужаса функционально. Вы разве не считаете, что в жизни осталось место интуиции? Разве нам, людям, не следует стремиться к *несовершенству* вместо совершенства? К неумению вместо умения? К корявым резюме, а не к тем, что отполированы до полной неузнаваемости? Я, наверное, вот что пытаюсь сказать, Рауль: все это кажется целенаправленным и верным, да... но также каким-то *липовым*. К примеру, вы утверждаете, что человек есть не более чем общинный колледж без пеликанов. Но разве это не лишает нас ощущения чуда, проистекающего от того, что мы — люди? Разве общинный колледж не есть измышленное место с соответствующей миссией, целями и задачами, куда, согласно плану, поместили пеликанов и разнообразную флору... в то время как человеческая душа есть место, все заросшее сорняками, где зевака по-прежнему воображает даурскую лиственницу и донкихотски грезит о пеликанах?

Рауль задумался на несколько мгновений. Потом сказал:

— Быть может. Но вы же явно чего-то ищете. Позвольте, я спрошу у вас вот что. Вы жаловались, что вы — много чего, но ничего целиком. Так что это в точности означает? К чему вы на самом деле стремитесь?

— Трудно сказать, Рауль. Просто. Ну, возьмите две любые противоположности, и я окажусь чем-то между ними. Я практичен среди идеалистов, но идеалист среди прагматиков. Я мужествен в сравнении с женственными мужчинами, но женствен по сравнению с мускулистыми. Агностикам я кажусь религиозным, а для набожных я всего лишь духовен. В культурном смысле я сижу на двух стульях. В философском — виляю. А профессионально и лично мне недостает приверженности, чтобы не разбрасываться. У меня нет ни тяги, ни решимости, ни смелости. И вот это объясняет, почему я скачу от одного к другому. Как бык-производитель на пастбище, полном телок.

— А это плохо?

— Ну, быку-то, может, и отлично — да и, возможно, телкам. Но это еще и как-то скверно. Наверное — *и так, и эдак*.

— Ну вот, вы опять...

— Именно! Видите, как оно все со мной. Если я дылда среди коротышек и коротышка — среди дылд, то вообще-то я ни то и ни другое. И в этом-то смысле я ни практичен, ни идеалистичен. Ни подлинен, ни фальшив. Ни федералист, ни республиканец. Для Запада я Восток, а вот для Востока я — Запад. И все это означает, что на самом деле я вообще ничто. Я вообще *нигде*. И вот поэтому-то у меня такое томленье стать чем-то во всей полноте. Чего б не отдал я, лишь бы стать или дылдой, или коротышкой! Быть логичным или интуитивным. Быть бесконечно сложным или бесконечно простым. Иметь возможность сказать без малейших колебаний, что я — то или я — сё. И при этом — то или сё *целиком*. Чистота, Рауль, — вот чего я для себя ищу! Чистоты!

Рауль кивнул и собрался было заговорить. Но меня уже захватил поставленный вопрос. И потому я продолжал:

— К примеру, возьмем вас, Рауль. Есть то, что вы просто *есть*, так? То, что вы собой представляете, не слишком об этом задумываясь. Никто не стал бы спорить с тем, что вы высоки, или что вы логичны, или элегантны, или европеоидны, или привлекательны для представителей противоположного пола...

— Я не европеоиден!

— Но вы же привлекательны для представителей противоположного пола?

— Я шикарен, да.

— Ну и вот. И все это хорошо, Рауль. Это позволяет вам целенаправленно двигаться вперед. Ваши жизненные решения зиждутся на данных. Ваши процессы можно воспроизвести заново. Вы сумели соразмерить свои цели, задачи и измеримые итоги так, чтобы они поддерживали вашу миссию пребывания на этой земле. Все у вас действует в безупречной гармонии, как те баллады, что вы поете. Наверное, я вот о чем, Рауль: ваша жизнь обладает предназначением и действенностью. Она сообразна и управляема данными. Если б вы стремились к аккредитации, вы, без сомнения, получили бы от своих аккредиторов блистательные характеристики вместе с полным шестилетним подтверждением. А я... ну... *другой*.

Рауль попытался задать еще один вопрос, но мы уже сворачивали с шоссе на пыльную грунтовку. Автобус остановился перед большой вывеской, приветствовавшей нас на ранчо «Коровий Мык» («Где сходятся мясо и мык», гласил знак), и остановился, урча мотором, а

доктор Фелч встал и схватился за микрофон. Щелкнул выключателем. Динамики запищали от самовозбуждения.

— Эта штука работает? — сказал он. — Вы меня слышите?

— Мы вас слышим! — заорали все мы.

— Хорошо. Если посмотрите в окно — увидите, что мы въезжаем на ранчо «Коровий Мык». Тем из вас, кто не знаком с уникальной историей Разъезда Коровий Мык, интересно будет узнать, что ранчо «Коровий Мык» было первоначальной скотоводческой фермой, вокруг которой и вырос городок Разъезд Коровий Мык. Ранчо основали на заре прошлого века, и в пору своего расцвета оно кормило полстраны. И под этим, разумеется, мы имеем в виду ту половину страны, которая ест мясо...

Автобус уже покатился вперед и проползал через ворота на обширные просторы ранчо. По обе стороны нашего автобуса выростали огромные загоны и ограды, и в некоторых располагались сборища скота, а в каких-то нет. Пока мы медленно ехали мимо оранжевых и черных стад, скот подымал головы, разглядывая нас со смутным говяжьим безразличием, после чего возвращался к более насущным и сиюминутным своим потребностям.

Наконец автобус доехал до места, где причудливым лабиринтом размещались загоны и ограды. То был старый участок ранчо, который по своему прямому назначению больше не применялся — доктор Фелч договорился со своей бывшей женой, что нам сегодня можно будет им воспользоваться, — и в смысле удобств предлагал мало что: один водопроводный кран и обшарпанный стол для пикников под чахлым деревом, не дававшим тени.

— Так, — сказал доктор Фелч. — Приехали. Пожалуйста, осторожно выходите из автобуса. Тут высокогато... — Доктор Фелч поблагодарил шофера, своего школьного друга из старших классов, и условился о времени обеда. Двери автобуса открылись, и мы вышли гуськом.

* * *

После долгой автобусной поездки ноги у нас занемели, и приятно было выйти наружу — хоть небо и было по-прежнему безоблачным, а солнце сияло нам непреклонно. В мертвом воздухе Льюк Куиттлз обильно потел. Этел Ньютаун обмахивалась своим номером «Коровьемького экспресса» — разделом объявлений, — как веером. Даже Рауля, обычно выступавшего монументом физического изящества и элегантности, жара, казалось, немного выводит из себя.

— Давайте присядем вот сюда... — предложил доктор Фелч и подвел нас к столу для пикников под чахлым деревом, чья редкая сень не защищала даже от десятой части солнца. Скамьи по обеим сторонам стола были обшарпаны и щепасты — и они скрипели, пока мы по очереди рассаживались за ним. — Давайте несколько минут подождем, — сказал доктор Фелч. — Профессор Смиткоут должен появиться с минуты на минуту.

Ожидая Уилла Смиткоута, председателя комиссии по ориентации преподавателей, мы всемером обменивались впечатлениями об автобусной поездке и жаре. Нэн сказала, что жарко было так, что, ей казалось, она того и гляди растает. А Льюк пошутил, что сиденья в автобусе не предназначены для двоих взрослых, но они с Этел в данных обстоятельствах старались как могли, и, если при грядущем анализе на отцовство его заподозрят, он вполне готов поступить по совести и оплатить аборт, хотя счет он также направит в колледж как

накладные расходы, подлежащие компенсации. В ответ доктор Фелч рассмеялся и сказал:

— Такова цена сплочения коллектива, друзья мои! — После чего добавил: — Ну, похоже, Уилл запаздывает больше, чем я рассчитывал. Давайте начинать без него.

Сидя на перевернутом ведре во главе стола для пикников, доктор Фелч повторил, что всем нам предстоит поделиться ответами наших партнеров на вопросы, которые он назначил нам в автобусе. Пока он говорил, солнце продолжало палить нам макушки, ветерка отыскать где-либо было невозможно, и мы вшестером ерзали и вертелись на жаре.

— Вспомните же вопросы, на которые вам нужно ответить, — подсказал нам доктор Фелч. — Имена ваших партнеров; как они оказались в Коровьем Мыке; каков будет их вклад в наш колледж; что бы они делали, не окажись они здесь; их любимая унизительная тайна; и, разумеется, что-нибудь пронизательное про любовь. И дабы продемонстрировать вам, как это делается, и подчеркнуть демократический стиль руководства, я сначала предоставлю вам свои ответы на эти вопросы... иными словами, представлю самого *себя*...

Доктор Фелч вынул сигарету — уже одиннадцатую — и прикурил ее.

— ...Итак, меня зовут Уильям Артур Фелч, имя мне выбрали родители за тринадцать лет до моего рождения. Родители никогда не объясняли мне, почему им так захотелось это конкретное имя, но мать однажды сказала, что даже родись я девочкой, меня бы назвали точно так же. Очевидно, что в Коровьем Мыке за прошедшие годы я сыграл важную роль в становлении колледжа, но теперь своей непосредственной целью вижу вернуть колледж в хорошие руки преемника, который придет следом. Надеюсь, это будет кто-то из Коровьего Мыка, хотя понимаю, что, может, и нет. Если б я не был сейчас здесь, я бы навещал своих детей и их семьи по всей стране, там, где они сейчас живут. Моя постыдная личная тайна — в том, что лично на меня несколько раз подавали в суд, хотя, к счастью, всякий раз дело улаживалось во внесудебном порядке. Что же касается любви...

Доктор Фелч продолжительно затянулся сигаретой, затем выдохнул дым.

— ...Что же касается любви, ну, в таком возрасте, мне кажется, я больше подготовлен говорить о том, чем любовь *была*, нежели что она *есть*. Видите ли, я был женат пять раз и каждый раз женился на женщине, которой было тридцать лет. Странное совпадение, я знаю, но оно также служило некоторым контрольным механизмом в туче иначе комплексных переменных. Мой первый брак, когда мне еще было чуть за ревущие двадцать, а ей исполнилось тридцать, был *поразителен!* Сплошь плоть и надежда, и грубые незамутненные нервы; почти все, что я знаю сейчас о жизни, я узнал от той поразительной женщины постарше. Второй брак, когда мне было тридцать и ей тоже тридцать, был равноценен и равноправен — подлинное партнерство ровни. Мой третий брак, когда мне только исполнилось сорок, а ей едва сравнялось тридцать, был органичен, расслаблен и совершенно прагматичен; мы с ней состояли уже во втором и третьем браке соответственно, и нам даже церемония не понадобилась — мы лишь подписали брачные контракты. Четвертый раз, когда мне было пятьдесят, а ей тридцать, *бодрил!* Я вновь ощутил оголенные нервы юношеского желанья и впервые за много лет поймал себя на том, что пользуюсь многоточиями и восклицательными знаками, а не банальными запятыми и точками! (К сожалению, этот брак закончился восклицательными знаками по совершенно не тем причинам, и вот по этой причине я бы предпочел о нем не распространяться.) И потом случился мой пятый брак, текущий, когда я уже двигался к шестидесяти, а ей было лишь тридцать, и этот брак был — как бы тут лучше выразиться? — *победой над жизнью!* Все эти мои браки были замечательны каждый по-своему. И поэтому могу сказать, что любовь — это все, на что я

только мог надеяться: поразительная и утешающая, равноправная и воодушевляющая, а в итоге — победа над жизнью. Вот чем любовь *была*. Что же она нынче есть, я понятия не имею...

Доктор Фелч стряхнул длинный столбик пепла, собравшийся на кончике его сигареты.

— Вот, так или иначе, кое-что обо мне.

— Спасибо, что поделились, доктор Фелч.

— На здоровье. Теперь ваша очередь. Кто хочет первым?..

— Давайте я, — сказал Льюк и показал на Этел Ньютаун, чей грядущий иск об установлении отцовства так его расстроил. — Это Этел Ньютаун. Этел назвали в честь героини любимого комедийного телесериала ее матери^[10]. Свою роль в колледже она видит в использовании своих занятий по журналистике, чтобы помочь студентам оценивать и анализировать окружающий мир критически. Если б не оказалась здесь в Коровьем Мыке, она, как ей видится, жила бы где-нибудь на севере штата Нью-Йорк и работала модельером. А ее постыдная личная тайна — в том... — Льюк умолк и посмотрел на Этел, словно ожидая ее разрешения продолжать. Этел в подтверждение хихикнула. — Постыдная тайна Этел в том, что со Стэном она никогда не достигала оргазма.

— Что? — воскликнул Стэн. — Это неправда! Этел, скажи им, что это не так!

Этел снова хихикнула. Стэн помотал головой.

Льюк продолжал:

— Что же касается видения любви, Этел чувствует, что любовь — такая штука, у которой есть начало, середина и конец.

— Со Стэном — нет! — сказала Нэн. — С ним у нее есть только начало и *середина!*..

Все рассмеялись.

— Очень смешно, — сказал Стэн, хотя и сам смеялся.

— ...Поэтому Этел полагает, что в любви должны быть все три эти составляющие, потому что без начала любовь — не любовь; а просто фрагмент. Без середины — тоже не любовь, а лишь справка об авторе. А без конца, даже если в какой-то миг это по правде была любовь, она уже не будет любовью той же разновидности, а будет чем-то совсем иным. Без конца это будет фраза, набранная в подбор и тянущаяся в забвение...

Когда Льюк закончил представлять взгляды Этел на любовь, доктор Фелч поблагодарил его, и слово взяла Этел — представлять, в свою очередь, Льюка.

— Как обещано, я буду представлять Льюка Куиттлза, — сказала Этел. — Имя его происходит из библейских источников, поскольку оба его родителя — экуменические баптисты. Евангелист Лука выбран был потому, что он, *библейский* Лука, выступал святым покровителем художников, мясников и неженатых мужчин — а родители Льюка надеялись, что он, *кулинарный* Лука, однажды станет ими всеми; к сожалению, когда в достаточно раннем возрасте стало ясно, у Льюка другие устремления в жизни, родители полностью от него отказались. Льюк утверждает, что, если б он не был в Коровьем Мыке, он бы где-нибудь работал знаменитым шеф-поваром, однако Судьбе и тщательно скрываемой — и да, *мучительно постыдной* — тяге к выпивке угодно было замыслить привести его сюда, в колледж, в период его засухи и опустошения. Он благодарен за выпавший ему второй шанс и свою миссию в колледже видит в помощи студентам отомкнуть скрытый в них потенциал не только на кухне, но и в каждом аспекте их существования. Он верит, что любовь — как энчилада, незатейливая на вид, но с бесконечным разнообразием перемешивающихся вкусов и текстур в сердцевине.

— А личная тайна? — подсказали мы.

— Словно мало одной привычки к пьянству, — сказала Этел, — у Льюка еще и слабость к насильственной порнографии и несовершеннолетним шлюхам.

— Ой, — произнес доктор Фелч. — Ну, это определено засчитывается. Ладно, кто следующий?

— Я, — сказала Нэн, откашлявшись перед тем, как продолжить: — Как все вы знаете, мой партнер — Стэнли Айзек Ньютаун, или, как сам он отметил, причем не без гордости, сокращенно *САН*. Имя свое Стэн получил потому, что его родители воспитывались в разных социальных контекстах и решили, что оно звучит экзотично. Его второе имя они выбрали потому, что сочли, будто тонкая отсылка к основоположнику матанализа будет хороша. Стэн говорит, что если б он не оказался здесь, в Коровьем Мыке, жил бы в Вермонте и работал консультантом на строительстве бункера для выживания; но раз уж он здесь, можно и внести лепту в миссию колледжа, поощряя студентов исследовать великое разнообразие множества мировых культур, чтобы учащиеся лучше могли ценить достоинства американского образа жизни. Его постыдная личная тайна — в том, что однажды он фальсифицировал исследование, опубликованное несколькими академическими журналами, однако по иронии судьбы именно оно стало краеугольным камнем, на котором воздвиглась вся его карьера. Но раз там все фальшивка, он тревожится, что однажды правда вылезет наружу и ему как ученому и человеку настанет конец.

— Спасибо, Нэн, — сказал доктор Фелч. — А озарения Стэна о любви? Он вам что-нибудь открыл?

— Ах да, чуть не забыла. Стэн полагает, что любовь мимолетна и обманчива, но к ней нужно стремиться во что бы то ни стало. Он утверждает, что она не сильно отличается от потерянной цивилизации, что является взорам лишь через много лет непрерывной веры в ее существование — ну и, конечно, тщательных раскопок. Он признает, что, хотя ему удалось открыть в свое время несколько потерянных цивилизаций, у него так и не получилось обнаружить тайны истинной любви. То есть по-настоящему влюблен он никогда не был.

За столом все ахнули.

— Вы имеете в виду, не считая Этел?..

— М-м, нет... *считая* Этел. — Нэн пожала плечами, словно извиняясь за бесчувственность Стэна.

Тут вся группа примолкла. В воцарившейся неловкости никто за столом толком не знал, что и сказать. Наконец Рауль обхватил миссис Ньютаун рукой за плечи и сочувственно их сжал.

— Не беспокойтесь, Этел, — сказал он. — На этом свете конспирологов навалом.

— Ну хорошо! — сказал доктор Фелч, стараясь быстро направить обсуждение в новое русло. — Кто дальше? Нэн только что закончила представлять Стэна. Поэтому теперь, Стэн, бессердечный вы мерзавец, похоже, вы — следующий...

При этом Стэн сверился со своими записями и сжал губы перед тем, как заговорить. Но не успел он начать свое представление, низкий рокот, нараставший в отдалении уже некоторое время, вдруг стал очень громким, мы все подняли головы и увидели, как хвост пыли тянет за собой голубой «олдзмоби́л-звездное-пламя». Машина была огромна, вся сверкала и блестела полировкой — и когда подъехала к чахлому дереву и остановилась, открылась дверца, наружу вышел Уилл Смиткоут, многолетний штатный профессор истории и недавно назначенный председатель комиссии по ориентации нового преподавательского

состава. Одет Уилл был точно так же, как на общем собрании — в щегольской серый костюм с красным галстуком-бабочкой и федору. Только теперь он прицепил на лацкан красную розу, а из нагрудного кармана у него торчала сигара, по-прежнему в целлофановой обертке.

— Прошу прощения, что опоздал, — сказал он, огибая стол для пикников. Обошел поочередно всех своих новых коллег и каждому представился, спокойно снимая всякий раз федору левой рукой, а другой либо пожимал руки мужчинам за столом, либо брал женщин за пальцы и целовал их костяшки с изящным и благовоспитанным поклоном. Переходя так от одного человека к другому, он тянул за собой шлейф сильного запаха алкоголя, словно тучу пыли за своим «олдзмобилом». — Пытался приехать раньше, — объяснял он. — Но движение на дороге было просто ужасным.

В ответ на извинения Уилла доктор Фелч покачал головой.

— Садись, Уилл. Мы почти закончили взламывать лед. К твоему мероприятию по сплочению коллектива будем готовы через несколько минут.

— Знамо дело, — сказал Уилл, отряхивая брюки перед тем, как перебраться через скамью и занять место рядом с Раулем, который протянул ему руку, чтобы помочь.

Меж тем Стэн Ньютаун, все это время стоявший и ждавший, продолжал ждать, пока Уилл вытащит носовой платок и сотрет пот с виска, а затем, ко всеобщему удивлению, извлечет блестящую металлическую фляжку, из которой сделает большой прилежный глоток.

— Никуда не хожу без своей *манерки!* — произнес Уилл, и доктор Фелч вновь покачал головой. И только когда весь пот был стерт, а колпачок Уилловой фляжки закручен на место, Стэн начал свое представление Нэн. Бодрым голосом он провозгласил:

— Итак, дамы и господа, моей соседкой по сиденью была Нэнси Столлингз! Но она предпочитает, чтобы к ней обращались Нэн...

Слушая Стэна, одним глазом я косил, в общем, на него, а другой пристально направил на Уилла: тот уже убрал «манерку» обратно в карман пиджака и теперь счищал с сигары целлофан; хруст упаковки был чуть ли не так же громок, как и голос Стэна, ныне произносившего:

— ...И вот *такова* долгая и невероятная история о том, как Нэн получила свое имя!..

Люди улыбались в очевидном восторге от рассказанной Стэном истории. Сбоку от меня Уилл наконец извлек сигару из обертки и теперь ею любовался.

— Отвечая на другие вопросы доктора Фелча, — продолжал Стэн, — Нэн считает, что ее миссия в колледже — обеспечить каждому студенту понимание юридической системы, что управляет нашим существованием. Она чувствует, что без этого мы не лучше коров, которых водят от одной кормушки к другой на жестоком и безжалостном пути к скотобойне. Если бы она не служила учителем политологии в Коровьем Мыке, полагает она, то служила бы учителем политологии в каком-нибудь другом общинном колледже, расположенном в равноудаленном месте где-нибудь в Кентукки или Теннесси. Ее определение любви в точности соответствует тому, которое можно найти в «Мерриэм-Уэбстере», а после продолжительных расспросов о постыдной тайне — поверьте мне, ребята, я старался! — наконец заявила, что таковую личную информацию откроет только в том случае, если ее к этому обяжет суд.

— Справедливо, — произнес доктор Фелч. — Это голос истинного юриста. Итак, Чарли и Рауль... ваша очередь. Кто хочет быть первым?

— Можно? — спросил я.

— Пожалуйста-пожалуйста, — ответил Рауль.

И я начал.

— Ух, — сказал я. — С чего ж начать? Мы с Раулем только что здорово поговорили в автобусе, и у меня такое чувство, будто я знаю его, ну, целую вечность. Рауля назвали в честь его дяди по отцу. В Коровий Мык он приехал, пересекши зимой Атлантический океан. Он чувствует, что любовь не есть нечто само по себе, а скорее ее следствие, и дал мне понять, что откажется от всех своих престижных наград, если б только смог на один-единственный день заехать в Техас. Рауль, знаете, я, по-моему, забыл спросить у вас, какова будет ваша лепта в Коровий Мык. Но судя по нашей беседе, мне кажется, запросто можно сказать, что вы поможете упорядочить наши Цели, Задачи и всеобъемлющую Миссию — и обеспечить, чтобы все они приводили к измеримым итогам. Это, конечно, достойные цели для нашего колледжа — или же это *задачи*? — и я, например, стану часто прибегать к вашей помощи, пока мы будем разбираться с аккредитацией. Наконец, мне бы хотелось заверить каждого из вас лично — и всех вас совокупно, — что у Рауля нет никаких постыдных тайн. Это потому, что он совершенно прозрачен и подотчетен — за что купил, за то и продал, — и, вероятно, эта его черта больше какой-либо другой — даже больше его невероятной внешней привлекательности, или того, как он поет баллады с гортанным барселонским акцентом, — объясняет такую его популярность у дам и зависть всех нетронутых мужчин.

— Спасибо, Чарли, — сказал доктор Фелч. — Я рад, что вы вдвоем будете вместе работать над аккредитацией. Помните, судьба нашего колледжа отныне у вас в руках. Но я верю в вас обоих. Итак, Рауль... не могли бы вы теперь представить нам Чарли, будьте добры?

Рауль вынул блокнот, в котором делал пометки по ходу нашего с ним обсуждения в автобусе. Тщательно с ним сверившись, он сказал:

— Как вы уже все хорошо знаете, этот пригожий молодой человек, сидящий рядом со мной, — Чарли.

— Пригожий? — возразила Нэн.

— Молодой?! — отозвалась Этел.

— Ну, достаточно молодой и пригожий, — сказал Рауль. — Свое имя Чарли получил потому, что *Чарлз* казалось слишком формальным и женственным, а *Чак* сообщало бы впечатление гораздо большей мужественности, нежели он располагает на самом деле. Видите ли, Чарли прозябает где-то посередине. В профессиональном смысле, заявил он, его вклад в Коровий Мык будет состоять в том, что он спасет нас от ведомственного краха, а если бы его тут не было, он бы по-прежнему сидел в своей убогой квартирке, рассматривая стаканчик своей тепловатой мочи на предмет нахождения в ней остатков влаги. У Чарли имеется множество разных взглядов на любовь, многие противоречат друг другу, и он заявил, что нацелен любить в этом мире все, что иначе нелюбимо. Например, Огайо. Он признает, что его самая постыдная личная тайна — та, которую он бы нипочем не хотел, чтобы кто-либо из нас узнал, ни при каких обстоятельствах, — в том, что у него две соперничающие друг с другом фобии, с которыми он сражается на ежедневной основе: с одной стороны, это необъяснимое отвращение ко всем людям, граничащее с неврозом, а с другой — соответствующий страх остаться одному. Он пытался лечиться от обоих, однако это неизбежно приводило к улучшению одного состояния за счет другого.

Рауль замолчал. Потом произнес:

— Я что-нибудь упустил, Чарли?

— Нет, Рауль, вы примерно все изложили...

— Стало быть, вот вам Чарли в сути своей.

— Здорово. Большое спасибо вам обоим, что поделились, — сказал доктор Фелч. Обратившись ко всей группе, он прибавил: — ...И больше спасибо *всем* вам за то, что, не жалея времени, поделились этими сведениями о себе со своими коллегами. Думаю, с первой частью нашей сегодняшней программы действий мы закончили. Хочешь что-нибудь добавить, Уилл?

— Пока нет. Лишь то, что сигара эта — дьявольски прекрасная!..

Все рассмеялись. Затем кто-то заметил, что раз дорожное движение вынудило его опоздать, может быть, Уиллу тоже следует представиться всей группе:

— А как же вы, мистер Смиткоут? Мы все поделились нашими самыми потаенными мыслями и постыдными тайнами. Как насчет ваших? Вы можете ответить на эти вопросы, призванные взломать лед, чтобы мы и о вас что-нибудь узнали?

Уилла, казалось, удивило неожиданное внимание, оказанное его персоне, но он откашлялся, приготовившись отвечать. Затем сказал:

— Ну, что тут сказать? Имя у меня такое американское, что лучше и не пожелаешь. Отца моего звали Уильямом Смиткоутом, а дед был Саймоном Смиткоутом, и если проследить за историей этого имени через многие поколения, вы обнаружите в итоге Джефферсона Смиткоута, который привез сюда свою семью на «Майском цветке»^[11]. Среди семейства Смиткоутов отыщутся те, кто подписывал Декларацию независимости и консультировал Луизианскую покупку^[12], а также генералов с обеих сторон в Гражданской войне. Смиткоуты строили эту нацию и были первопроходцами, они убивали индейцев и запрещали алкоголь. Один из моих предков сыграл важную роль в изложении Предначертания Судьбы страны^[13], а другой, собственный сын его, активно участвовал в защите прав ее коренного населения. Один дальний родственник был ведущим аболиционистом своего времени, а другой — самым пылким из рабовладельцев. Смиткоуты жили во всех штатах Союза и выступали со всех сторон всех философских дебатов и политических конфликтов. Короче говоря, история нашей страны есть история самого семейства Смиткоутов.

Уилл умолк, чтобы закурить сигару, которую обрезал несколькими мгновеньями раньше. Запах был ароматен и сладок, и даже некурящие за столом — а нас таких уже становилось большинство — его оценили. Уилл сделал долгую затяжку, помедлил, наслаждаясь вкусом, затем выдохнул дым. После чего продолжил:

— При таком-то моем наследии вы могли бы предположить, что история станет моим естественным родом занятий. Однако тут вы бы ошиблись. На самом деле мне всегда хотелось стать поэтом и писать стихи в рифму. Я не хочу сказать, что у истории нет своих плюсов. Но как сравнить ее с той свободой, которая проистекает из сочинения того, что будет существовать вечно? Вы б не согласились?

— Мы б согласились, мистер Смиткоут, конечно, согласились бы. Но, мистер Смиткоут, история разве тоже не длится вечно?

Уилл рассмеялся.

— Зовите меня, пожалуйста, Уилл.

— Но, *Уилл*, вы разве не считаете, что история также длится вечно?

— Так можно было бы решить. Но вот, наверное, нет ничего такого, что подчинялось бы капризу настоящего больше, чем наше прошлое. Подумайте только обо всех переоценках, что случились за эти годы. Раньше считалось, что рабы недостойны того, чтобы иметь собственные сказы и историю. А теперь они больше не рабы, а свободные люди со своей

богатой литературой. (Черт, да у меня даже в классе есть один негроид — сидит прямо в первом ряду!) А женщины! Женщины были дочерьми и сестрами, женами и матерями. Теперь же к ним относятся как к *личностям*, совсем как к вам или ко мне. Хотя, конечно, моя собственная жена предпочла бы первое последнему. Она была невероятной дамой...

— *Была?*

— Скончалась два года назад. Мы были женаты тридцать восемь лет.

— Какая жалость, Уилл.

— О, нечего тут жалеть. В свое время у нас с нею бывал изумительный секс!

Все рассмеялись.

— Да и не скажешь, что мы с нею снова не увидимся. Но я вот о чем: есть то, что длится вечно, и то, что лишь приходит и уходит. История приходит и уходит. Поэзия длится вечно. Техника приходит и уходит. Любовь длится вечно. Брак приходит и уходит... черт, да сама *жизнь* приходит и уходит. А вот память о вашей жене — она длится вечно...

— А журналистика? — спросила Этел. — Журналистика вечно длится?

— Нет, Этел, она просто приходит и уходит.

— А политика? — спросила Нэн.

— Приходит и уходит, конечно.

— А археология? Анализ данных? Координация особых проектов?

— Все это приходит и уходит! — объявил Уилл. — Все до единого! Хоть какого-то черта на этом свете стоит лишь что, что вневременно и вечно. Такое, чему нельзя научить, но оно передается из поколения в поколение как приобретенная мудрость и интуиция. Иными словами, все, чем мы занимаемся в колледже, — временно. Все оно мимолетно и фальшиво. Это трата времени, ресурсов и ведомственной...

— Проехали, Уилл! — сказал доктор Фелч.

— ...Ну да. В общем, преподавать историю я начал потому, что, ну, тогда мы так делали. И я по-прежнему пользуюсь теми же конспектами, что у меня были, когда я только начал тридцать лет назад. Мне всегда все говорят, дескать, эй, Уилл, а чего ты не займешься чем-нибудь другим? Не встряхнешься чуток? Не подстроишь планы занятий под своих студентов? Не пойдешь *им* навстречу? В конце концов, мир за последние тридцать лет поменялся — и тебе неплохо бы измениться с ним вместе! А я отвечаю так: за каким чертом? В этом что — вечность? В конце концов, мы разве не должны стремиться ценить то, что длится вечно, превыше того, что приходит и уходит? Разве не должны мы стремиться оставить хоть одно неувядающее наследие, не растленное текущей модой?

После чего Нэн сказала:

— Мистер Смиткоут, расскажите нам, пожалуйста, о любви! Дайте нам каких-нибудь откровений о самой природе любви. Последние несколько часов мы все о ней думали, но пока не пришли ни к какому решающему определению. Вы можете нам помочь?

— Ну, — сказал Уилл, — любовь — такая штука, которую лучше оставлять невысказанной. Ибо чем больше пытаешься объяснить ее, тем больше она ускользает. Это как черная марашка у вас на сетчатке, что убегает, едва попробуешь посмотреть прямо на нее. Чтобы ее увидеть, нужно глядеть немного в сторону — только тогда она всплывет в отчетливый фокус. И потому, если б вы спросили у меня, что такое любовь, я бы ответил, что любовь — это не то, что она есть, а то, чем она *была бы*. Не болтайте попусту о самой любви, скажет вам истинный философ, а лучше сообщите мне, чем любовь быть не может, но была бы, если б не стала тем, что она *есть*. И точно так же я бы ответил вам, что будь

любовь птицею, она была бы пеликаном. Будь любовь океаном земным, она была бы Атлантикой зимой. Будь любовь штатом Союза, она была бы Индианой или Миссисипи... а может, даже Иллинойсом. (Но никогда, никогда и ни за что не Алабамой!) Будь любовь деревом, она была бы баньяном. Будь любовь рыбой — была бы карпом. А если бы любовь была высшим учебным заведением — если бы все желанья ее и небесное блаженство можно было бы превратить в кампус с елями и платанами, — она бы наверняка была регионально аккредитованным общинным колледжем. Ибо любви требуются открытые двери и открытые сердца. Она требует надежды и упорства. И, конечно же, — самопожертвования. Она воспитывает сноровку даже в самых косных и логичных из нас, равно как и способность преодолевать пересеченную местность на непредсказуемом жизненном пути. Будь любовь абстрактным математическим понятием, она была бы трансцендентными числами. Или примарностью. Будь любовь животным, она была бы жвачным. Будь любовь академической дисциплиной, она была бы философией. Будь любовь реликтом вымирающего жанра литературы, она была бы рифмованным стихотворением. Или очень длинным романом. Будь любовь знаком препинания, она была бы многоточием. Будь любовь транспортным средством. Будь любовь фонтаном. Будь любовь восьмицилиндровым двигателем. Будь любовь. Будь она. Будь...

Голос Уилла затих, и тут мы поняли, что он задремал — голова его теперь, как у младенца, покоилась на изгибе его руки. Он похрапывал. Видя это, Рауль взял у Уилла из пальцев сигару и загасил ее о край стола. Нэн смахнула у него с лица прядь седых волос, а Этел мягко надвинула федору ему на переносицу, чтобы прикрыть Уиллу глаза от солнца.

— Что ж, — произнес доктор Фелч, — похоже, мероприятие по сплочению коллектива для вас все же буду проводить я. Не так мы это планировали, публика. Но руководство требует стойкости. Следуйте за мной... — Мы все встали со скамей и двинулись следом за доктором Фелчем к краю загона. За спинами у нас Уилл Смиткоут остался храпеть, лицом по-прежнему в изгиб руки, за столом для пикников. — Вот сюда... — сказал доктор Фелч и подвел нас к алюминиевой ограде, окружавшей обширный загон, где в дальнем углу уныло стоял один-единственный черный теленок. Он щипал какое-то сено, выложенное ему в угловую кормушку. — А теперь, — сказал доктор Фелч, — нам пора научиться тому, что на *самом* деле означает командная работа...

И с этими словами он распахнул перед нами алюминиевую калитку, чтобы мы вошли. Шагнув в загон, мы услышали слабый и горестный звук, который маленький теленок издал на другой его стороне.

* * *

{...}

Противоположность «любви» — ныне больше, чем когда-либо — есть «результативность». Результативность влечет за собой способность достигать большей цели, затрачивая то же количество усилий, либо достигать той же цели, вкладывая меньшие усилия. Ни то, ни другое не есть достойные цели. Поскольку, вообще-то, достойно лишь то, что нельзя оптимизировать. Любовь оптимизировать

нельзя. Да и научение чему-то значимому нельзя сделать более действенным; ибо если б можно было, оно тогда бы перестало быть поистине значимым. Любовь — неспешное дело времени, вечного неизменного времени. А если что-то заставили происходить быстрее или результативнее, значит, это с самого начала не было любовью. К счастью, общинный колледж это осознает...

{...}

* * *

Закрыв калитку загона, доктор Фелч повернулся к нам и сказал:

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Многие из вас работали в других общинных колледжах по всему свету, и вы себе думаете, дескать, ох нет, только не это. Еще одно упражнение по *сплочению коллектива*, чтобы все наши рабочие процессы стали результативней! Будьте честны — об этом вы сейчас и думаете, верно? И я вас не виню! Потому что, если вы похожи на большинство преподавательского состава и персонала типичного общинного колледжа, вы столько раз уже участвовали в упражнениях по сплочению коллектива за свою штатную работу, что всех и перечислить не сумеете. В Коровьем Мыке мы перепробовали их все: упражнения и с измерительной линейкой, и с теннисными мячиками, и с обручем, и то, где вы с небольшой командой коллег-преподавателей носите на большое расстояние яйцо на кухонной лопатке. Вообще-то готов спорить, *все* это вы тоже перепробовали. А еще я могу поспорить, что в конце дня, когда со всеми этими мероприятиями покончено и оплаченный тренер уехала со своим чеком, вы возвращались к себе в одинокий кабинет, а представления ваши о том, что такое работа в команде, не стали яснее тех, что у вас были перед тем, как вы схватились за ту лопаточку. Но почему? Да потому что во всей этой чепухе нет никакого практического или культурного значения. Какое отношение имеет обруч к конкретному сообществу, которому вы служите? И кому какая разница, что вам удалось перенести яйцо через поле? В конечном счете чего на самом деле вы добились? Совершили что-то для улучшения человечества и мировой цивилизации? Чуть сильнее «Полюбили культуру Коровьего Мыка»? Разумеется, нет! Так зачем же нам тратить столько времени на всякие обручи, теннисные мячики и лопатки?..

При третьем упоминании слова «лопатка» Рауль подался ко мне и раздраженно прошептал:

— Чарли, о чем это он, к черту, говорит? Вы *вообще* понимаете?

— Без понятия, Рауль, — ответил я. — Полагаю, скоро мы это выясним...

Доктор Фелч достал еще одну сигарету и теперь ее прикуривал. Он говорил, а губы его при этом кривились вокруг нее, и он шурился от дыма:

— ...Как человек, подверженный метафоре, я бы хотел предположить, что мы учимся видеть мир в метафорических понятиях. Поскольку то буквальное, что вы сейчас перед собою видите, — этот загон, эта пыль, маленький теленок вон в том углу, — все это можно рассматривать как прекрасную и сложную метафору самого общинного колледжа. Загон этот, видите ли, есть царство образования, которое мы занимаем как высшее учебное заведение, — это обширное интеллектуальное пространство населяем мы, ученые и

скульпторы юных умов. А окружают его эти алюминиевые изгороди, представляющие собой границы нашего воображения, традиционные правила времени и пространства, что предписывают нам мыслить знакомыми способами и делать то же, что мы делали всегда. И потому, если мы способны увидеть мир в этом новом свете, если только мы в силах научиться вырваться из привычки рассматривать явления, нас окружающие, в строго буквальных понятиях, а вместо этого начнем видеть все в этом мире *метафорически*, то вот это... — тут доктор Фелч обвел рукой пространство загона, пыль, маленького теленка, по-прежнему медленно жующего сено набитым ртом, — все, что вы тут видите, станет не просто тем, чем оно *кажется*, но еще и тем, что существует в высшей, риторической плоскости. Что, в свою очередь, обогащает нашу жизнь, делает ее красивой, интересной и достойной. Эй, Этел!..

Услышав свое имя, внезапно выпрыгнувшее из монолога, Этел наострила уши.

— Да, доктор Фелч!

— Этел! Вы любите метафору?

— Не очень, доктор Фелч. Я журналист.

— Ну, вот и давайте поглядим, не удастся ли нам немного раздвинуть ваши горизонты. Ответьте-ка мне вот что. Говоря метафорически, если этот загон — царство образования, населенное нашим колледжем, и ограды — ограничения нашего коллективного воображения... то каково, по вашему беспристрастному журналистскому мнению, метафорическое значение этой сухой пыли, на которой мы сейчас стоим?

— Земля, на которой мы стоим? — переспросила Этел. — Ну, эта грязь, на которой мы стоим, тогда будет ведомственным основанием, на котором покоится наш колледж. Иными словами, это будет декларация миссии колледжа, которая направляет нас во всем, что мы делаем, — особенно же в той части, где мы платим налоги.

— Прекрасно, Этел! Для журналиста неплохо. Теперь давайте спросим Льюка...

Услышав свое имя, и Льюк в ответ выпрямился.

— Льюк! Скажите нам, пожалуйста... если загон — царство обучения, ограды — ограничения, а грязь, на которой мы стоим, — декларация миссии, поддерживающая нас в нашей работе, тогда в этой долгой и сложной — быть может, даже запутанной — метафоре, что, по-вашему, представляет *калитка*, в которую мы только что зашли?

— Вы имеете в виду, вон та? С алюминиевой щеколдой?

— Да. Вон та.

— Ну, калитка, в которую мы только что вошли, доктор Фелч, может быть общим собранием, которое все мы вчера посетили. Так же, как несколько минут назад вы открыли эту алюминиевую калитку, чтобы впустить нас в загон, вчера на собрании вы распахнули ворота, приветствуя нас в царстве высшего образования в общинном колледже Коровий Мык. Калитка, следовательно, — порог, что ведет из бесплодного мира невежества на арену ухоженного просвещения.

— Верно говорите! Именно это она и есть, Льюк. У вас всех отлично получается — я знал: не стоило мне так беспокоиться из-за того, что вас пришлось нанимать, в глаза не видя, после единственного собеседования по телефону. Стэн!

— А? — отозвался тот; он стоял, заложив руки за спину, и старался не встречаться взглядом с доктором Фелчем. — Кто? Я?..

— Стэн! Скажите нам, пожалуйста... если грязь — это декларация миссии, загон — царство обучения, а калитка — собрание, приветствовавшее новых преподавателей в

Коровьем Мыке, что вы тогда скажете о метафорическом значении жаркой автобусной поездки, которую мы недавно завершили?

Лицо Стэна приобрело глуповатое выражение.

— Автобусной поездки?

— Да, Стэн, автобусной поездки от туманной зелени нашего кампуса к этому сухому и пыльному загону высшего образования?

— М-м, не уверен, — ответил тот, а затем, после долгой паузы: — Я даже не знаю, доктор Фелч...

— Стэн! Да ладно вам! Примените свою богом данную способность к высшему мышлению! Что такое автобусная поездка?

— Это... э... река Коровий Мык?

— Река Коровий Мык?! Как она может быть рекой Коровий Мык?

— Ну... я просто думал, что и дорога, и река — они как бы такие длинные. И река в основном пересохла. Но дорога тоже сухая из-за засухи. Они обе... Я в смысле... Ай, черт, да не знаю я! Мне такие шуточки никогда особо не давались!..

Доктор Фелч покачал головой.

— Нет, Стэн. Дорога — не река Коровий Мык. Кто-нибудь еще хочет попробовать?

Тут заговорила Этел Ньютаун, только что нанятый преподаватель журналистики, — либо в поддержку супруга, либо поперек ему, теперь уже ничего не было так ясно, как некогда.

— Может быть так, — сказала Этел, — что автобусная поездка символизирует нашу общую тропу, по которой все мы должны пройти, стремясь к учительской безупречности и студенческой успеваемости? Каждый из нас прибыл в Коровий Мык разными тропами. Однако в итоге вот они мы — сидели в жарком автобусе, нас везли по засухе целую вечность в этот жаркий пыльный загон. Стало быть, автобусная поездка наверняка будет представлять нашу общую судьбу. А из этого следует, что сам автобус символизирует собой вселенную. И это значит, что шофер автобуса, ваш друг по старшим классам, доктор Фелч, — Господь Бог. Зеленые виниловые сиденья — множество различных мировых религий... или, быть может, множество церквей в Разъезде Коровий Мык. А это означает, что отказ от претензий, который мы подписали перед тем, как нас взяли в эту автобусную поездку нынче утром, есть наше безмолвное согласие на гегемонию высшей власти.

— Именно, Этел! А дерево, отдавшее свою жизнь ради бланка этого отказа?

— Дерево, конечно, символизирует Его неумирающую любовь к нам.

— Отлично! Итак, подведем итог. Загон — наш колледж. Грязь — его декларация миссии. Ограды — правила и условности. Автобус — наша судьба. Мой друг по старшим классам — Вседержитель. И поскольку все мы нынче утром прилежно подписали и сдали письменные отказы от претензий, мы можем быть спокойны, что на одном уровне наш колледж застрахован, а на другом — что мы спокойно уступили и приняли то, что никому из нас не определить окончательную судьбу нашей собственной души. И вот, если подойти к вопросу еще ближе, то есть еще более *метафорически*, пыльный съезд с шоссе на ранчо становится...

— ...нашим поступлением в магистратуру!

— А знак, приветствовавший нас в том месте, «где сходятся мясо и мык»...

— ...есть приветственный комплект документов!

— А чахлое дерево — это...

— ...наш отдел финансового содействия!

— А манерка Уилла с бурбоном...

— ...есть Соблазн!

— А его сигара...

— ...это несбывшаяся греза!

— А история семейства Смиткоутов...

— ...поучительный сказ, изложенный задом наперед!

Так доктор Фелч рьяно проверял на прочность нашу способность к метафоре, а мы с готовностью, изголодавшись по небуквальному, отвечали ему. Это продолжалось некоторое время, покуда мы уже, казалось, не вошли в превосходный ритм и препятствия эти пройдем с высоко поднятыми флагами, — как доктор Фелч в механику нашей вселенной вбросил эмаскулятор — вернее сказать, в механику *моей* вселенной. Пристально глядя на меня, он произнес:

— Итак, Чарли...

— Да, доктор Фелч?

— Итак, Чарли, раз мы теперь со всем этим разобрались, скажите-ка мне вот что. Как насчет теленка?..

— Теленка?

— Да, Чарли... что здесь делает этот одинокий теленок?..

— Ну, в данный момент он задирает хвост...

— Я имею в виду *метафорически*, Чарли!..

Я посмотрел на теленка, который задирает хвост и принимался делать то, что телята делают сразу после того, как задерут хвост.

— Не знаю, доктор Фелч. Я про теленка особо не думал. Можете мне что-нибудь подсказать?

— Нет, Чарли, не могу. Но к этому вопросу мы вернемся чуть погодя, поэтому не оставляйте этой мысли...

Доктор Фелч прикурил еще одну сигарету от окурка предыдущей и глубоко затянулся. Затем, прокашлявшись, строгим тоном начал:

— Вон в том углу, друзья мои, стоит трехмесячный теленок, которого только предстоит отлучить. Он мужского пола...

Как по команде, мы все посмотрели на теленка, а тот пялился на нас от своего сена, которое жевал. Теленок смотрел на нас медленными печальными глазами, и по бокам его рта болтались пряди соломы, однако жевать он не переставал.

— Теленок этот, — сказал доктор Фелч, — как мы это называем, *нетронутый*. Может мне кто-нибудь сказать, что означает быть нетронутым? Стэн?

— Ох, да *он* откуда знает?! — произнесла Этел. — Он же из Мэна! *Нетронутый* означает, что у него по-прежнему есть яички, доктор Фелч.

— Хорошо, Этел. И спасибо за такой решительный ответ. Вы абсолютно правы. Нетронутый теленок — тот, кто по-прежнему наделен яичками. Как все вы хорошо себе можете представить, для мужской особи любого биологического вида в наделенности яичками имеются определенные и весьма конкретные преимущества; они хорошо задокументированы, поэтому нет нужды тратить на это много времени. Однако с точки зрения животноводства также имеются практические, исторические, экономические, кулинарные и гуманитарные причины в отделении теленка от его яичек до того, как его

самого отлучат от матери. Процесс этот называется *холощеньем* у лошадиных и *обеспложиванием* у бычьих, и это, скажем так, обряд посвящения, который должны пройти почти все телята мужского пола. Для большинства телят, видите ли, кастрация — нормальная и важная часть жизни, проводимой среди алюминиевых оград...

(Заслышав слово «кастрация», я вдруг вынырнул из своего оцепенения. Со всеми этими разговорами о метафоре я упустил из виду то, что мы стоим в *настоящем* загоне с *настоящей* грязью и на нас встречно смотрит *настоящий* теленок, изо рта у него по бокам свисает сено, а лицо у него грустное и беспомощное. Все стало медленно обретать у меня в мозгу форму, и пока это происходило, в промежности у меня начала расти некая тревога.)

— Вот этот инструмент в скотоводстве именуется *эмаскулятором*...

Доктор Фелч показал приспособление, похожее на мощные металлические щипцы для орехов, только длиннее и подозрительнее с виду, с острым краем обжатия. Завидев это устройство, женщины в нашей группе сбились в кучку поплотнее, чтобы лучше его разглядеть; мужчины же коллективно отступили на шаг.

— С начала времен скотоводы применяли кастрацию как инструмент управления своими стадами. В древности вавилоняне ввели эту практику, пользуясь кремневыми ножами, чтобы управляться со своими прирученными животными. Свиней, овец и коз теперь можно было одомашнивать и заставлять мирно сосуществовать в только образующихся человеческих поселениях. В Восточной Европе, как свидетельствуют недавние находки, ранние европеоиды применяли кастрацию для укрощения тяглового скота, что столь прилежно таскал их плуги и транспортные средства, и происходило все это аж за четыре тысячи лет... до *Рождества Христова!* (Если вы считаете, что *нетронутые* быки столь прилежно возделывали эти целинные земли, готовя их к семенам европейской культуры и цивилизации... так пересчитайте!) Во всех аграрных обществах кастрированные самцы покорнее, надежнее и менее склонны убежать или нападать на своих хозяев — или же физически увечить себя или своих соплеменников. Они скорее будут удовлетворены скучным однообразием повторяемых задач и нудного труда и вероятнее будут знать и принимать свое место в бычьей мужской иерархии. Без преимуществ кастрации, можно с уверенностью сказать, мир в известном нам виде не стал бы миром в известном нам виде, а превратился бы во что-то неузнаваемое. Будь быки нетронуты, они бы так ровно не вспахивали нам поля. Пылкие быки не сосуществовали бы в пределах ранних сельскохозяйственных поселений. А доисторические скотоводы так хорошо бы не питались, так экстенсивно бы не плодились, да и свободного времени на изобретения и усовершенствования у них в досталь не было б, поскольку все его они бы тратили, гоняясь за нетронутыми жвачными и исцеляя нанесенные ими ранения. Сама история развивалась бы по совершенно иной, не такой прогрессивной и более медленной траектории. И это задержало бы развитие человечества на многие тысячелетия. Поэтому такая древняя практика стала и причиной, и результатом человеческого развития. Как орошение, грамотность и брак... кастрация, друзья мои, — не просто тавро, но катализатор цивилизованного общества...

Доктор Фелч выкинул окуроч в пыль загона и растоптал его.

— ...За много лет мы как-то упустили этот факт из виду. И начали сбиваться с пути. Но теперь, как только что нанятые преподаватели и сотрудники общинного колледжа Коровий Мык, вы приобщитесь к этой гордой традиции — традиции, покоящейся на историческом, экономическом, кулинарном, гуманитарном и, да, *метафорическом* значении. Сегодня ваша цель — поймать этого теленка и предать его судьбе. Поймайте его, смирите его, уложите на

бок в пыли и придержите в безопасном и надежном положении. А остальное сделаю я сам...

Доктор Фелч умолк, чтобы слова его дошли до нас. Молчание длилось по крайней мере полминуты, прежде чем кто-либо сумел произнести связную мысль.

Наконец тишину нарушила Нэн.

— Доктор Фелч?.. Если позволите? Когда вы говорите «остальное»... вы имеете в виду, что наше сегодняшнее упражнение по сплочению коллектива состоит в кастрации этого теленка? Это ли я понимаю, слыша, как вы говорите, что нам нужно поймать его и смирить, а вы сделаете «остальное»?

— Все верно. Таково ваше задание. Я уже знаю, что не все вы занимались подобным в прошлом и поэтому, возможно, не уверены в своих кастрационных способностях. Но помните — в самом акте кастрации, как и в акте преподавания, не может быть места страху. Если у вас есть сомнения в ваших навыках укрощения, не забывайте, пожалуйста, что вес этого теленка сейчас — всего двести пятьдесят фунтов; все вместе вы шестером в этом загоне весите как минимум в пять раз больше. Поэтому у вас есть преимущество — грубый вес на вашей стороне. Не говоря уже о роскоши времени. И человеческого разума. А также бремени человеческих отношений с окружающим миром. Но самое важное — и никогда не забывайте этого, друзья мои, — у вас есть... *вы сами*...

Доктор Фелч вытащил из пачки еще одну сигарету, но держал ее в пальцах, а закуривать не стал.

— ...Командная работа, друзья мои, — вот что сделает ваше пребывание в общинном колледже Коровий Мык либо поразительным успехом... либо же бедствием эпических пропорций. Совместная работа — вот что связывает радуги между фонтанами. Это эспланада, соединяющая все различные камеры человеческого сердца нерушимыми и легко доступными связями. И потому, если станете работать вместе ради достижения этой важной и полезной цели, мне бы хотелось, чтоб вы держали в памяти более глубокое метафорическое значение того, чем вам предстоит заниматься. Ибо вы не просто кастрируете теленка, дорогие коллеги, — о нет! — но приносите присягу славе самого процесса обучения. Так стратегируйте же с коллегами. Сформулируйте план. Общайтесь друг с другом. Будьте смелее. Помните — укротить теленка мужского пола, даже когда ему три месяца и весит он едва ли двести пятьдесят фунтов, нелегко. Еще нетронутый теленок деятельно предпочтет таковым и оставаться, и какой-нибудь один преподаватель — особенно новичок в таких делах — не сумеет отговорить его от такого предпочтения в одиночку. Как вам предстоит узнать, для этого понадобятся *скоординированные* усилия. Это потребует связи друг с другом и участия всех вас до единого. Это потребует... *командной работы!* Поэтому соберитесь группой и решите, как станете валить этого гада. Я буду наблюдать за вами из-за вон той калитки. И когда увижу, что вы работаете всей командой, чтобы выполнить эту миссию, — подойду и покажу, что делать *далее*...

Доктор Фелч сунул эмаскулятор себе в задний карман джинсов и вышел из загона, закрыв за собой алюминиевую калитку, а мы шестером остались стоять в загоне с неожиданно заволновавшимся теленком, который перестал жевать сено и принялся медленно, однако заметно отодвигаться от нас подальше.

...блаженны неплодные...

Лука, 23:29

— Итак, Бесси, а по-вашему — что такое любовь?

— А? — ответила Бесси. — С чего вы это? И почему у меня спрашиваете? Почему сейчас?

— Просто любопытно, — сказал я. — Вопрос возник вчера на нашем упражнении по сплочению коллектива. И мне стало интересно, как *вы* смотрите на этот вопрос.

Бесси строго воззрилась на меня.

— Во-первых, Чарли, такой вопрос не задают женщине за пишущей машинкой. Во-вторых, если бы мне давали по никелю за каждого мужчину, кто пытался бы залезть ко мне в трусы при помощи таких подкатов, вероятно, я бы могла купить приличный дом себе и двум моим маленьким детям, а не жить в лачуге в конце грунтовки, где мы все живем сейчас.

— Это не подкат, Бесси. Мне честно хочется знать. Быть может, вы бы могли мне об этом рассказать сегодня за обедом в кафетерии?

— За обедом? — переспросила она. — Ну ладно. Только знайте, за себя я буду платить сама.

После моей беседы с Бесси медленное утро среды тянулось дальше с успокоительным однообразием конторской работы. Доктор Фелч предоставил мне экземпляр самого последнего самостоятельного отчета колледжа для аккредитации, и я пробирался через его двести с лишним страниц как мог. Читая, я оставил дверь кабинета открытой, и время от времени какой-нибудь новый коллега задерживался у нее поприветствовать меня в Коровьем Мыке и сокрушить все кости у меня в пальцах — или чтоб я сокрушил все кости в пальцах у нее. Все пользовались случаем радушно представиться и сказать что-нибудь о ценности моей предшественницы (ровно половина считала, что она была замечательна, а прочие радовались, что ее больше нет), а также осведомиться, пойду ли я на ту или иную вечеринку после работы. «Вы идете на барбекю к Расти сегодня?» — спрашивали они, или: «Вы идете на водяное сборище Гуэн?» И на оба вопроса, соответственно своему намерению, я подчеркнуто утвердительно отвечал, что иду. Стоя в дверях, мой новый коллега оделил меня комплиментом за лоск в моем недавно прибранном кабинете. В почтительных тонах некоторые даже хвалили диплом в рамке, который я гордо вывесил на стене, — мою магистерскую степень по управлению образованием с упором на общинные колледжи на грани краха, — и *все* выражали изумление по поводу бодрого маятника, что по-прежнему пощелкивал у меня на столе.

— Сколько эта штука уже ходит так взад-вперед? — спрашивали они.

— С понедельника, — отвечал я. — И с тех пор ни разу не остановилась. А мне любопытно, сколько она еще продержится.

На исходе утра, когда часы пробили полдень и я закрыл дверь кабинета, чтобы сходить на обед, металлические шарики по-прежнему неумоимо качались.

— Вы не поверите, — сказал я Бесси, пока мы с ней шли по эспланаде от административного корпуса к кафетерию. — Я только приподнял один шарик и всего разок его отпустил. Простое высвобождение потенциальной энергии. А он тукает туда-сюда уже

почти два дня! — Бесси кивнула. Ей не нужно было нести тяжелую коробку, и она шла еще быстрее, чем на общее собрание два дня назад, а от такой скорости походки поддерживать с нею беседу о чем угодно было затруднительно, не говоря уже о человеческой вере в вечность. — Поверите ли? — снова сказал я. — Он как будто и не намерен останавливаться.

— Конечно, поверю, — сказала она. — Чему тут не верить?

— Ну, что маятник неутомимо качается уже два дня. То есть поверить в это трудно, разве нет?

— Нет, в это нетрудно поверить. Трудно поверить в то, что человек с вашим образованием не способен ходить немного быстрее...

Когда мы дошли до кафетерия, было уже десять минут первого и длина очереди за едой составляла несколько учителей. Возглавляла столпотворение Марша Гринбом, а сразу за нею стоял Алан Длинная Река, коренной преподаватель ораторского искусства, не говоривший ни с кем уже двенадцать лет. Бесси схватила себе поднос, салфетку и приборы, и я последовал ее примеру.

— Итак, Бесси, — сказал я. — Вот *теперь* вы можете мне сказать, что такое, по-вашему, любовь? Приборы уже у вас в руке, поднос под мышкой — можете ли вы мне поведать, что есть, по вашему убеждению, любовь?

Бесси вновь глянула на меня укоризненно. Но затем, словно бы чуя мою искренность, она, похоже, сдалась. От всех этих разговоров о любви я, с одной стороны, проголодался, а с другой — у меня возникли важные философские опасения. И если я не смогу утолить этот голод с *нею*, моим проводником среди сложностей общинного колледжа Коровий Мык, на *кого* же мне тогда в этом смысле рассчитывать?

— Любовь? — переспросила Бесси. — Вы желаете знать, что такое, по моему мнению, любовь? Так вот, Чарли, не у того человека вы спрашиваете. Я не такой жизнью живу, что позволила бы мне рассказывать кому бы то ни было о том, что *есть* любовь. Но на меня производит впечатление ваше упорство. Поэтому давайте я вам расскажу кое-что другое. Чем говорить вам, что такое любовь, дайте-ка я вам вместо этого расскажу, чем она *могла бы быть*...

(В начале очереди Марша Гринбом стояла с полной тарелкой салата. Но она один за другим перебирала в ней отдельные листики латука, отчего вся очередь и застопорилась.

— Мы так весь день тут простоим! — жаловалась за нами одна преподавательница экономики, а ее подруга с нею соглашалась:

— Ей просто повезло, что за нею Длинная Река. Любой другой бы уже ей устроил!..)

Бесси взяла салфетку и обернула ею приборы. Затем сказала:

— Чарли, даже не знаю, как вам об этом сообщить. Но я была замужем и разводилась три раза. Три отдельных раза, Чарли. А что это говорит о женщине, разведившейся столько раз? Что сообщает это любому мужчине брачного возраста, которому, возможно, захочется вступить с нею в серьезные отношения? Что, по-вашему, ему это говорит, Чарли? Что это говорит *вам*?

— Мне это говорит, что вы страстны и идеалистичны, но также порывисты. Вас легко ранить. И вы легко совершаете ошибки. Все это не плохо, Бесси. Не многократных разведенков этого мира нужно порицать... с подозрением мы должны относиться к неразборчиво незамужним — к тем, кто свой мир любит не так сильно, чтобы выходить за него замуж.

— Возможно, так это рассматриваете вы — как человек только что с автобуса,

приехавший из какого-то другого места. И это, по-моему, в каком-то изысканном смысле выглядит причудливо и старомодно. Но позвольте сказать вам, что это означает для *меня*, кто родился и вырос в Разъезде Коровий Мык. Видите вон ту даму за стойкой, она сейчас подает рубленый бифштекс?

— Та, что в сеточке для волос? И с красивыми глазами?

— Она самая. Так вот, это моя одноклассница по старшей школе. После церкви я ей уши прокалывала. А она мне красила ногти. И видите, вон человек выносит мусор из кафетерия? В перчатках и засаленном фартуке? Так вот, это тренер по футболу у моего сына и старый друг моей семьи...

— Правда?

— Да. А знаете, кто был моей первой любовью? Кому я первому отдала себя всю, умом, душой и телом? На заднем сиденье «шеви-эль-камино»? В узкой мини-юбке и розовой блузке? В пылу мгновенья, как пятнадцатимесячная телка? Чарли, знаете ли вы, кто был моим самым первым *мужчиной*?

Вопрос Бесси интриговал, и на несколько секунд я задумался над ответом. Но, разумеется, знать такого я никак не мог.

— Нет, Бесси, не знаю. Мне этот человек вообще может быть знаком?

— Да, может. Вы его видели всякий раз на пути в колледж и обратно. Моим первым любовником, Чарли, был Тимми.

— Из будки охраны?

— Да. Тимми из будки охраны. А те три человека, с кем вы познакомились в баре, когда только ехали в кампус? Та тройка, что смотрела футбол по телевизору, — ну, помните, вы даже их имена еще запомнить не успели... так вот, давайте я вам расскажу, кто *они* такие...

(Очередь за едой наконец-то поползла вперед, но тут же намертво встала через полшага; Марша Гринбом уже отошла от латука, но теперь она перебирала мини-морковку, держа каждую против света, а затем либо клала ее себе на тарелку, либо возвращала в лоток, откуда выбирала следующую.)

— ...Так вот, те три человека из бара, Чарли? Хотите знать, кто они такие? Ну, один из них — мой брат. Второй — мой зубной врач. А третий — ну, скажем просто, он располагает обо мне более интимным знанием, чем могут вообще надеяться первые двое.

— Ваш консультант по налогам?

— Мой бывший муж. Чарли, после вашей остановки в «Елисейских полях» я знала, что вы направляетесь в кампус — еще до того, как вы в свой первый день вышли на работу. Брат процитировал мне ваш ответ на вопрос о вздутой мошонке. Стоматолог рассказал, что вы не очень-то тянете на поклонника футбола и вообще не похожи на координатора особых проектов. А Бак — это мой бывший — даже позвонил сообщить мне, что у вас не только запас дождя в чемоданах снаружи, но и что сестра Мерны продает свой «форд». Чарли, этот «форд» я только что купила. Вот *это* и значит быть трижды разведенной и по-прежнему жить в Разъезде Коровий Мык...

— Ух, просто невероятно, что мужчина в баре — ваш бывший муж. Какое странное совпадение. Он ваш первый муж?

— Второй. Моим первым был водитель автобуса. Ну, тот, что возил вас на упражнение по сплочению коллектива.

— Наверно, городок и впрямь невелик. А ваш третий муж? Видимо, его я тоже знаю?

— Мой третий муж? Извините, но об этом я разговаривать правда не хочу. И да, вы его

знаете...

Голова у меня уже кружилась от всех этих безымянных мужей и предыдущих любовников. И вот, пока мы стояли в очереди и ждали, когда Марша выберет себе помидоры «черри», Бесси рассказала мне о множестве мужчин в Разъезде Коровий Мык, которых она раньше любила. Продавца из книжного магазина. Человека, стригшего газон перед нашим корпусом. Специалиста по технологиям. Шофера автобуса и его двоюродного брата. Даже человека, игравшего на губной гармошке за временной автобусной остановкой.

— Его тоже?

— Его тоже. И потому, Чарли, отвечая на ваш вопрос — нет, я не скажу вам, что такое любовь. Но давайте я вам лучше расскажу, чем любовь могла бы для меня быть. Чем она могла бы стать, обернись жизнь чуточку иначе. Видите ли, обернись жизнь для меня чуточку иначе, любовь *могла бы стать* красивого цвета свежескошенной травы или зеленого вина. Мягким прикосновением к моей руке перед операцией. Или томительной губной гармошкой, играющей в темноте. Она могла бы стать футболом субботним днем с добрыми друзьями в баре; или совместной тягой к садоводству; или еженедельными поездками вместе в христианскую церковь нашей излюбленной конфессии. Черт, да было такое время, когда она могла бы даже стать романтической поездкой на старом грузовичке, в котором нет ремней безопасности. Чарли, любовь могла бы стать *чем угодно* из перечисленного, обернись все чуточку иначе. Конечно, я понимаю — любовь не может быть всем *сразу*, но даже теперь чувствую, что она могла бы стать любым из этого порознь. Если б только жизнь обернулась чуточку иначе...

— Марша! — закричал кто-то у нас из-за спин. — Черт возьми, Марша, давайте уже двигаться! — И Марша наконец положила на место зеленую оливку, которую внимательно рассматривала, и от прилавка с салатами, минуя мяса и подливы, направилась прямо к кассе расплачиваться.

— Очень вовремя!.. — сказала Бесси. — Я думала, нам придется говорить о любви *вечно!*..

* * *

Заплатив за еду и заняв места, я спросил у Бесси о так называемом Наставническом Обеден, который был обязателен для всего нового преподавательского состава на следующий день. Бесси объяснила, что каждому новому преподавателю назначается старший коллега, который поможет ему с адаптацией к жизни в Коровьем Мыке: где забирать стирку, как подавать прошение на сбор цветов, как не получить нежеланную вздутую мошонку себе в почтовый ящик в понедельник и все такое прочее. Наставнические обязанности, объяснила она, не добровольны, но от старых штатных преподавателей их выполнение ожидается, и задания эти назначаются поочередно. Ты себе наставника сам не выбираешь, и наставник не может выбрать тебя.

— Так вы знаете, кого назначили нам? — спросил я. — Похоже, вам известно все, что здесь происходит.

Бесси объяснила, что назначения еще не объявили.

— Но кем бы он ни был, молитесь, чтоб не *он*... — Бесси показала жестом на столик кафетерия — пустой, за исключением единственного преподавателя, который сидел за ним

сам по себе и спокойно читал газету. То был Уилл Смиткоут, и, сидя вот так и читая газету, он курил сигару и отпивал из своей манерки с бурбоном, нимало этого не стыдясь, на виду у всего остального кафетерия.

— Это же Уилл Смиткоут! — сказал я. — Он был вчера с нами на упражнении по сплочению коллектива.

— Хотите сказать — он туда явился?

— Опоздал на несколько минут. Но приехал. И поделился своими мыслями о любви, что мы в полной мере оценили. Похоже, он приятный малый, Бесси. Почему вы говорите, будто мне следует надеяться, чтоб его не назначили моим наставником?

— Не поймите меня неверно — я знакома с Уиллом Смиткоутом много лет и люблю этого парня как личность. Но его нельзя и близко подпускать к новому преподавательскому составу. Этот человек черств и циничен. Он только и делает, что сидит за тем столиком с газетой и бурбоном. Он теперь почти не учит. А когда проводит занятия, читает материал по тем же конспектам, с каких начинал тридцать лет назад.

— Если с ним все так плохо, почему же он председатель комиссии по ориентации нового преподавательского состава? Не странно ли, что такая ответственность возлагается на человека, которого и близко нельзя подпускать к новым преподавателям?

— Его стараются держать подальше от *настоящих* комиссий. В прошлом году вот поручили рождественскую, помните? Предполагалось, что это просто формальность, лишняя строка ему в резюме, но и ее он успешно развалил. В этом году решили поручить ему комиссию по ориентации нового преподавательского состава, поскольку в теории эту комиссию испортить еще труднее.

— В этом, наверное, есть смысл.

Бесси слегка посолила свой рубленый бифштекс.

— Ну и как вообще получилась?

— Что вообще получилась?

— Ориентация нового преподавательского состава?

— Вы имеете в виду нашу автобусную поездку к просветлению?

— Да, упражнение по сплочению коллектива. Это Уилл такое придумал. Поэтому мне и любопытно, как оно вышло.

— Да прекрасно вроде...

И тут я рассказал Бесси о дне, который я провел со своими новыми коллегами. О том, как мы шестером стояли на холоде, беседуя о фонтанах, и о том, как ее бывший муж забрал нас и отвез на ранчо «Коровий Мык», где мы делились постыдными тайнами, а затем нас завели в загон и попросили кастрировать теленка. Когда я дошел до той части, где доктор Фелч сует эмаскулятор в задний карман и закрывает за собой калитку загона, Бесси насадила на нож брусок масла и намазала им обеденную булочку.

— Ну и что вы сделали? — спросила она, обмакивая булочку в ту часть подноса, что содержала подливу от рубленого бифштекса, после чего откусила. — После того как доктор Фелч забрал с собой эмаскулятор и оставил вас шестерых одних в загоне кастрировать теленка, — что вы сделали тогда, ребята?

— Ну а что мы *могли* сделать? Собрались вместе и принялись стратегировать...

— В загоне?

— Да. Мы встали кружком и начали смыкаться в команду. Это было вообще-то очень щемяще.

— Расскажите же, Чарли. Расскажите мне о вашем упражнении по сплочению коллектива...

— Вы уверены, Бесси? В смысле — мы же есть едва начали. А мне бы не хотелось портить вам аппетит подробностями...

— Я из Разъезда Коровий Мык, Чарли, — мне аппетит не испортит ничто. Перенесите же меня туда!..

И потому я возобновил рассказ с того места, на каком остановился.

— Ну, тогда ладно, — сказал я, — в общем, Рауль собрал нас в круг разрабатывать стратегию того, как лучше всего кастрировать теленка, который уже начал от нас пятиться...

* * *

— По-моему, он знает, — произнесла Нэн, оглядывая теленка. — Мне кажется, он знает, что мы собираемся с ним сделать.

— Откуда ему знать? — возразил Стэн. — Он же просто теленок! Телята вообще ничего не знают!

— Это *ты* так думаешь... — сказала Этел. — Телята — они как все прочие животные. Могут ощущать и чувствовать, что происходит в человеческой душе. Несмотря на шестнадцать лет нашего брака, Стэнли, я знаю: тебе это понятие усвоить по-прежнему очень трудно...

— Но если даже и так, — сказал Льюк. — Какая разница, знает он или нет?

— Ну, я просто сказала, — сказала Нэн, — поскольку не уверена, что мне хочется это испытывать. В смысле, вы видели его глаза... какие они у него грустные? По-моему, я так не смогу — зная, что он знает...

— Да ничего он не знает! — сказал Стэн. — Он не знает, потому что он — корова, а коровы — животные, а животные ничего, блядь, не знают ни про что на свете. Потому-то они и животные! Вот что отличает нас от них! Вот почему он за этими оградами, а мы...

— Ну, по правде говоря, Стэн, мы *тоже* за этими оградами...

— Послушайте, — сказал Рауль. — Мы можем не отвлекаться от нашей миссии? Нам дали конкретное задание, которое надо выполнить. И не знаю, как насчет вас, ребята, а мне жарко и хочется пить, а мои черные брюки со стрелками и тщательно начищенные ботинки все уже запылились в этом загоне. Мне бы хотелось покончить с этим делом и продолжать жить дальше. Поэтому давайте уж всё сделаем, пожалуйста?

Мы все согласно кивнули.

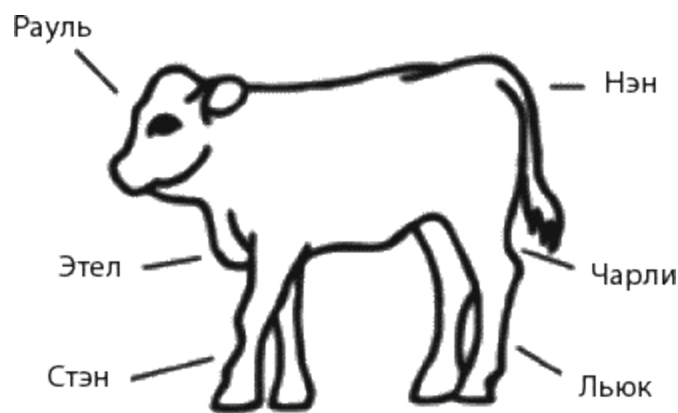
— Здорово. Я тут об этом подумал, и вот как мы можем поступить. Давайте я вам все представлю визуально...

Мы шестером стояли крúгом, но когда Рауль опустился на колени в грязь, все мы последовали его примеру. Теперь мы стояли на одном колене идеальной кучкой, словно футбольная команда начальной школы вокруг своего распасовщика. Рауль закатал рукав своей рубашки с белым воротничком и пальцем принялся рисовать в пыли загона. Чертил он деловито, и пока не закончил, мы все хранили выжидательное молчание. На заднем плане слышались предкастрационные звуки: теленок бляел, а его мать жалобно стонала — звала его из дальнего отсека загона. Меж тем доктор Фелч стоял за алюминиевой калиткой, упокоив одну ногу на самом нижнем ее бруске. В руке у него был мегафон, и когда он

опирался локтями на ограду, тот болтался на руке над калиткой. Рауль продолжал ожесточенно рисовать в пыли, а закончив, показал нам, что получилось:

— Так, — произнес он, — вот наш загон. Рисовал я его поспешно, но будьте уверены, масштаб соблюден. С этой его стороны калитка, а в том конце — кормушка, там же, где теленок. Нас шестеро, а он всего один. А это значит, что в угол нам его загнать будет нетрудно. А там уже каждый уцепится за него и станет держать. — Тут Рауль нарисовал еще одну диаграмму, на сей раз — показывающую наши соответствующие задания:

— Как только мы все его схватим — тут же накреним и придержим, чтобы доктор Фелч смог сделать все остальное. Только осторожней хватайте за ноги, он может брыкаться. Вопросы есть?

— Ага, — сказал Стэн. — Отчего вы думаете, что он станет брыкаться?

— А *вы* б не стали?! Так или иначе, я думаю, вот как нам надо поступить.

Рауль вытянул руку в середину нашего людского круга и оглядел каждого из нас. По его подсказке я свою руку возложил поверх его, Этел положила свою на мою, Льюк свою на ее, Нэн на его, а потом Стэн.

— Вперед, КОМАНДА! — закричали мы и поднялись из полуприсяда.

Тут из мегафона раздался голос доктора Фелча — прилетел оттуда, где тот стоял.

— Вы меня слышите? — спросил он. — Эта штука работает?

— Мы слышим вас! — заорали мы. — Работает!

— Хорошо. Я просто хочу вам напомнить, что чем дольше вы тянете, тем сильнее будет

нервничать теленок. А чем сильнее он нервничает, тем больше крови потеряет, когда мы его чикнем. Это не любовные ласки, публика, где чем дольше разминка, тем лучше результат. Давайте уж приступайте!..

Доктор Фелч отключил мегафон.

— Хорошо, — сказал Рауль. — Мы готовы? Чарли, вы готовы?

— Я готов.

— Льюк, вы готовы?

— Готов.

— Этел. Готовы?

— Готовей не бывает.

— Нэн?

— Я все равно думаю, что он знает...

— Нэн? Вы готовы или нет?

— Ну, наверное, готова. В смысле, да, я готова.

— Здорово. Стэн? Стэн, вы готовы? Стэн?..

И тут мы перевели на него взгляды как раз вовремя: тело Стэна с глухим стуком рухнуло наземь, в грязь загона. Он судорожно дергался, глаза его закатились, а изо рта шла пена.

— Принесите ему воды! — сказал Рауль.

Льюк выбежал из калитки и набрал в ведро воды, но когда вернулся, она оказалась так горяча, что была уже ни к чему.

Вновь включился мегафон доктора Фелча.

— Льюк! — сказал в мегафон доктор Фелч. — Льюк, нужно дать горячей воде стечь из шланга, а потом наполнять ведро!

И вновь Льюк сбегал туда и обратно с ведром, и на сей раз вода оказалась достаточно прохладна, чтобы безопасно вылить ее на голову Стэна. Этел положила ее себе на колени и перебирала пальцами мокрые волосы у него на черепе. Веки Стэна затрепетали, он заморгал, после чего, ко всеобщему облегчению, открыл глаза. Этел еще побрызгала на него водой.

— Давайте отнесем его под чахлое дерево, — сказала Нэн.

Льюк, Рауль и я подняли Стэна и перенесли его под дерево. Под неожиданной тяжестью стол для пикников заскрипел и содрогнулся, и Уилл Смиткоут тут же зашевелился и начал пробуждаться от своего глубокого сна, осоловелый и обалделый, а изо рта у него свисала вожжа поблескивавшей слюны:

— Если б любовь была фонтаном... — бормотал он, — ...она была бы «олдзмобилом»...

Мы впятером стояли вокруг, а Стэн оторвал голову от стола, на который мы его положили.

— Что это было только что? — спросил он.

— Вы отключились, — объяснили мы.

— Вы меня дурите...

— Нет.

— Правда? Я отключился?

— Да.

— Как бы совершенно без движения?

— Да.

— Так вы мною воспользовались?

— Нет, — ответили мы. — Не воспользовались.

— А почему?

И тут мы поняли, что рассудок к Стэну вернулся, и, если предоставить ему немного отдыха, гораздо больше воды и чуть больше тени, он снова станет тем Стэном, которого мы уже полюбили.

При этом Уилл тоже, кажется, пришел в себя.

— Что я пропустил? — спросил он. — Вам удалось? Вы предали теленка его судьбе? И где моя сигара? Где моя чертова сигара?!

— Она у вас в кармане, Уилл.

— Попробовала б там не оказаться, к черту. Значит, теленок уже кастрат?

— Нет, Уилл. Мы попробовали, но не вышло. Нэн выразила сострадание и сомнение, а Стэн лишился чувств на жарком солнце. Похоже, мы еще не готовы поднять эту конкретную перчатку. По крайней мере — сейчас.

— Правда? Так, значит, все решено? На сегодня хватит? Вы задираете лапки перед заданием? Закругляетесь? Выбрасываете белый флаг? Или все же вернетесь и покажете этому теленку, как сажают семена цивилизации? Господи боже, да если б у американских колонистов было такое отношение вялых хренов, мы б до сих пор пили чай с молоком и в субботу днем смотрели, как играют в снукер. Давайте, ну — вперед назад...

— Но, Уилл, — воспротивились мы. — Стэн обезвожен и слаб. Уж точно если и есть убедительная причина не кастрировать теленка — это она, а? Уж точно если и есть достойное оправдание оставить мошонку нетронутой — это тяжелый солнечный удар и обезвоживание, от которых в настоящее время страдает Стэн?

Уилл еще раз отхлебнул из манерки. Затем понюхал сигару.

— Слушайте, — произнес он. — Если вы считаете, что сплачивать коллектив с коллегами трудно, поживите-ка с другим человеком под одной крышей тридцать восемь лет. Знаете, сколько раз мне хотелось все бросить? Уложить свой эмаскулятор и пойти отсюда к черту? Но я не стал... я застрял еще на тридцать семь лет. Еще на двадцать девять лет. Еще на семнадцать лет... Вот так-то я и вырос как человек и как работник образования. Если б любовь была *женщиной*, видите ли, она была б той, рядом с кем просыпаешься каждое утро тридцать восемь лет. А не красоткой из супермаркета, что пришла и ушла ох как давно и далекое воспоминание о ком возбуждает тебя и по сию пору...

Я умолк.

Бесси насаживала последний кусок рубленого бифштекса на кончик вилки.

— И что? — сказала она, возя вилкой в подливе. — И что же было дальше?

— Ну, тогда мы все осознали, что Уилл прав. Мы поняли, что, как и в преподавании, в любви требуется несгибаемая преданность результату, а не только процессу.

— А потом?

— И поэтому мы вернулись за ограду и загнали теленка в угол. Было нелегко. Как только теленок увидел, что мы вокруг него смыкаемся, он развернулся и кинулся в брешь в ограде, голова у него там застряла, и он принялся брыкаться, но мы вшестером схватили его и втащили обратно через пролом, и каждый из нас взялся за ту часть, за какую и должен был, и держался за нее изо всех сил. Рауль выгнул бьющемуся теленку шею и повалил его на бок, прямо на Стэна, который допустил ошибку и схватился за передние ноги не с той стороны. Теленок брыкался и кряхтел, а в крученом захвате, который на него наложил Рауль, у него язык вывалился, но мы удержали животное на земле. Увидев это, доктор Фелч подбежал

рысцей с эмаскулятором и взялся нас инструктировать. «Нэн, протяните ему хвост между ног... Льюк, прижмите ему нижнюю ногу верхней... Этел, упритесь коленом ему в бедро и немного надавите... не слишком!.. Чарли, осторожней, лицо не подставляйте, мальчик мой, он вас может пнуть под этим углом...» Затем он вытащил карманный нож и одним взмахом отрезал верхушку телячьей мошонки. Теленок дернулся и забился, но мы его удерживали, и тут доктор Фелч выдавил тестикулы — нажал на эти белые овалы и выдавил их из мешка так же легко, как выдавливал бы из кулька влажный чернослив. «Где мой эмаскулятор? — спросил он. — Черт бы драл, должно быть, выпал из кармана!..» И вот так вот, без эмаскулятора, он взял свой простой карманный нож и острым краем лезвия принялся выбривать мешок, проводя заточенным лезвием взад и вперед, как резчик строгал бы деревяшку, пока овалы не оказались у него в руках, а мешок не втянулся обратно. Затем он выхватил из кармана аэрозольный баллончик и побрызгал из него разрез, из которого хлестала кровь. «Так, — сказал он, — на счет *три* отпускаем его... только следите за задними ногами, чтоб не брыкнулся... готовы?.. раз... Два... ТРИ!» На счет три мы все отпрыгнули от теленка, а он вскочил и опрометью кинулся прочь от нас. На ходу он еще спотыкался, чтоб вернуть равновесие, и пока убегал, за ним по грязи тянулась тонкая струйка крови. Доктор Фелч взял отсеченный кончик мошонки со всей его черной колючей щетиной в крови и сунул к себе в карман рубашки. Затем взял тестикулы и положил их в пластиковый пакетик на застёжке...

— А потом? — спросила Бесси.

— А потом разверзлась преисподняя. Бесси, вы не поверите. Мы скакали, и орали, и обнимались! Этел бросилась в объятья Стэну, а тот кружил ее, как фигуристку. Мы с Раулем лупили друг друга в раскрытые пятерни, кричали и хлопали друг друга по спинам. Доктор Фелч стоял и просто наблюдал, а сам улыбался, как гордый папочка. «Друзья мои, — сказал он. — Теперь вы знаете, какая степень командной работы ожидается от вас во время вашей службы в штате общинного колледжа Коровий Мык!» Со всеми нашими обедами подъехал автобус, мы смыли из шланга кровь и потную телячью щетину, а также телячье дерьмо с одежды, как смогли, и, сидя на лавочке под чахлым деревом, с наслаждением пообедали...

— Так все в итоге получилось хорошо?

— Ага. Получилось. Конечно, у Стэна остались ушибы ребер. А Льюка пнули в лодыжку, пока он пытался оборотить теленка. Этел оцарапала себе подбородок о телячью морду, а Нэн вывихнула плечо, сами увидите — у нее рука на перевязи. И все мы искупались в дерьме, пока пытались завалить теленка наземь возле кормушки. Но в целом все прошло хорошо.

— А у вас?

— У меня тоже все хорошо. Вообще-то я остался относительно невредим и молча наслаждался обедом вместе с остальными, когда, к моему удивлению, доктор Фелч посмотрел на меня из-за своего сэндвича и спросил: «Ну что, Чарли, сейчас вы готовы ответить на вопрос?» Я не понял, о чем он. «На какой вопрос?» — спросил я. И все посмотрели на меня — и засмеялись.

— Он, вероятно, имел в виду тот не отвеченный вопрос, который задавал вам о метафорическом значении теленка.

— Именно. И вот он смотрит на меня и спрашивает: «Если загон — наш колледж, грязь — наша миссия, ограды — стандарты аккредитации, автобус — наша судьба, шофер — Он (или Она), а бланк отказа от претензий — наша покорность высшему присутствию... если все это правда, что тогда, Чарли, теленок, чьи тестикулы ныне покоятся в этом пластиковом

пакетике на застежке?..

— И он показал пакетик?

— Точно. С легким наклоном, чтобы вся кровь стекла в один его угол.

— И что вы сказали?

— Я не сказал ничего. Я вообще не ответил. Я сказал ему, что мне нужно больше времени на обдумывание. Что я ему сообщу дополнительно.

— И на этом все?

— Пока что — да. Я пообещал ему дать определенный ответ к концу семестра. Он мне ответил, что не забудет и спросит с меня, и это попадет отдельным пунктом в мою первую аттестацию.

Бесси рассмеялась.

— Ну, тогда удачи вам с этим!.. — Она допила свой чай со льдом. Затем глянула на часы. — Было занятно, — сказала она, — но некоторым из нас пора возвращаться к работе. Хотя увидимся вечером...

— Непременно. Семь тридцать, у студии Марши. И еще раз спасибо, что согласились меня подобрать. Я рад, что не придется выбирать одну вечеринку в ущерб другой...

Мы с Бесси сбросили остатки трапезы с наших подносов в мусорные баки и направились обратно к административному корпусу заканчивать свои дневные труды. Выходя из кафетерия, я обратил внимание на мужчину в засаленном фартуке — имени мужчины я так никогда и не узнаю, — который вытащил мешок из бака и завязывал углы его узлом.

Расколотый преподавательский состав

В центре всякой хорошей истории есть конфликт.

Это влага, что несет жизнь жаждущей, высохшей почве самого бесплодного воображения.

«Справочник для кого угодно: как написать совершенный роман», стр. 36

Последний самостоятельный отчет колледжа был документом, читать который оказалось совершенно не в радость. По правде сказать, прилежно вгрызаясь в его две сотни заплетающихся страниц — ряд за рядом отпечатанного на машинке текста, — я ужасался тому, что читал. В заявлениях колледжа о собственном состоянии я обнаруживал фактические ошибки, расхождения и искажения. Там содержались многочисленные утверждения, не имевшие никакого логического смысла, а еще больше было таких, что казались преувеличенными, или неясными, или даже намеренно двусмысленными или ложными. Декларация миссии сформулирована неверно. Цели неверно выстроены по ранжиру. У некоторых фраз не было окончаний, и они убредали в небытие, как будто написавшего их прервали на середине мысли или же редактор обрубил фразу, а потом забыл ее дописать. На странице 34 утверждалось, что общинный колледж Коровий Мык очно зачисляет 987 студентов, а его преподавательский состав насчитывает 161 человека, меж тем как несколькими страницами далее цифры эти переставлены местами. Графики и таблицы подписаны наобум. Кишмя кишели орфографические ошибки. Некоторые разделы давались от первого лица, другие — в третьем. Информация, которую можно было разложить по пунктам, излагалась повествовательными абзацами, а то, что можно было изложить повествовательно, членилось на сжатые и бесполезные пункты. Среди хаоса располагались карты без легенд и легенды без морали, а также имелся пассаж о недавних улучшениях на кафедре английской филологии, написанный, похоже... *стихами*. Одна глава, судя по всему, была целиком слизана с последующей главы на совершенно другую тему. А в другой раздел была вставлена, судя по ее виду, реплика в сторону — быть может, продиктованная случаем, — которая вообще не предназначалась для включения в этот документ: («Ниже следующее представляет собой изложение того, что по сути не так в этом мире»). Хуже всего то, что не существовало практически никаких доказательств истинности этих заявлений, которые могли здесь приводиться из лучших побуждений и оказаться правдивыми. Бесшабашные заявления об успехах размещались почти на каждой странице, однако не приводилось ничего в их поддержку. На странице 173 автор — или же авторы — утверждал, что «с введением в строй комплекса из тира и полигона для стрельбы из лука наблюдается громадный всплеск удовлетворенности студентов и заинтересованности преподавателей»; однако никаких данных в доказательство этого голословного утверждения, никакого графика или диаграммы, никакого полезного приложения не приводилось — ничего, предполагавшего бы действительный всплеск удовлетворенности и заинтересованности в результате введения в строй нового комплекса из тира и полигона для стрельбы из лука.

— Так, — сказал я доктору Фелчу, входя к нему в кабинет, дочитав весь этот ошеломительный документ. — Я только что закончил самостоятельный отчет.

— И?

— Это было жестоко. Невероятно, что вы могли сдать его своим аккредиторам. Неудивительно, что они нас подстрелили.

— Это ерунда. Погодите, я вам вот чего еще покажу... — Доктор Фелч извлек скрепленную стопку бумаг и шлепнул ее на стол. — Их ответ...

Я поежился.

— Боюсь даже взглянуть...

Когда я вернулся к себе в кабинет, худшие опасения мои подтвердились. В ответе на самостоятельный отчет аккредиторы бичевали все нестыковки до единой и все неверные и прямо-таки ложные заявления, на которые я наткнулся при собственном чтении этого документа. Они отмечали «провал управления» и «грубое искажение фактов», «бесхозяйственное расходование ресурсов» и «серьезные опасения» относительно будущего колледжа. В самом первом абзаце, подчеркнув красоту кампуса и превознесши «свежие ряды сирени и величественные платаны» — похоже, единственное хорошее, что было им сказать о своем визите, — аккредиторы перешли к тому, что эстетическое очарование кампуса «скрывает собой неспособность учебного заведения предоставить качественное образование своим студентам». Далее следовало ведомственное избиение на двадцати страницах, аккредитационное холощение, равного которому мне не доводилось видеть никогда прежде. И, читая язвительные комментарии — едкие отповеди и рекомендации, ядовитые предположения и резкую критику, — я чуть ли не обонял гнилостную вонь горящих волос и бледной незащищенной плоти, шипящих на солнце.

— Так что вы думаете, Чарли? — донесся до меня голос доктора Фелча. Он теперь стоял у меня в дверях, ожидая ответа. — Как вы считаете, есть у нас какая-то надежда?

— Не знаю, мистер Фелч. Хуже, по-моему, и не бывает...

— Я вас предупреждал...

— Это верно. Но я, видимо, не осознавал, что все зашло так далеко. Кто вообще собирал этот отчет?

— Ваша предшественница. Она должна была собрать все черновики от конкретных завкафедрами и объединить их в единый документ. Но она тянула до последней минуты. И когда подала мне его на подпись, было уже слишком поздно. — Доктор Фелч протянул мне третий документ, длиной всего в шесть страниц. — Вот, — сказал он. — Это наш план отклика на замечания аккредиторов...

Я открыл его и на первой странице увидел таблицу, где перечислялись заключения аккредиторов и предполагаемые ответные меры колледжа. И это при чтении тоже не вызывало удовольствия:

	<p style="text-align: center;">Заключения аккредиторов</p>	<p style="text-align: center;">Реакция общинного колледжа Коровий Мык</p>
<p style="text-align: center;">1</p>	<p>Колледж значительно отстает по уровню технического оснащения (напр., по-прежнему пользуются механическими пишущими машинками). В результате для преподавателей и сотрудников затруднено выполнение их рабочих действий; большее уныние вызывает то, что студентам не предоставляется возможность развивать навыки, необходимые для достижения конкурентного успеха в нынешнем высокотехнологичном мире.</p>	<p>Сформирована Комиссия по технологии, которая разработала план по введению техники в рабочие процессы колледжа. В настоящее время приводится в действие трехлетний план, включающий в себя приобретение электрической пишущей машинки для нашего отделения естественных наук, а также одной для кафедры математики. Кроме того, мы изучаем возможности по приобретению еще одной — для гуманитарного отделения; проведены первоначальные обсуждения с заводделением, и, несмотря на значительное сопротивление, у нас есть основания полагать, что результатов можно ожидать к исходу третьего года осуществления вводимого плана.</p>

	<p style="text-align: center;">Заключения аккредиторов</p>	<p style="text-align: center;">Реакция общинного колледжа Коровий Мык</p>
<p style="text-align: center;">2</p>	<p>Среди преподавательского состава наблюдается недостаток сотрудничества и скверное моральное состояние. Некоторые преподаватели упоминали о получении вздутых мошонок себе в почтовые ящики — эта причудливая практика шокирующе распространена в колледже.</p>	<p>Недостаток сотрудничества признается в кампусе проблемой. Однако введен план по исправлению этого недостатка. План включает в себя следующие элементы:</p> <p>1) более напряженная деятельность по ориентации нового преподавательского состава с привлечением мероприятий по увеличению сплоченности и окультуриванию коллектива, зиждущихся на уникальной истории Разъезда Коровий Мык;</p> <p>2) всеведомственная сосредоточенность на единстве и культурной гармонии, включая общественные и другие мероприятия по укреплению морального состояния (напр.: рождественская вечеринка).</p> <p>3) кампания по увеличению осознанности в целях предотвращения подбрасывания вздутых мошонок в почтовые ящики преподавательского состава.</p>
<p style="text-align: center;">3</p>	<p>Декларация миссии а) устарела; и б) не понимается преподавателями и сотрудниками.</p>	<p>Нынешняя декларация миссии разрабатывалась в период относительной изоляции и безграничного оптимизма, касающегося воспринимаемого предназначения судьбы колледжа. Однако мы признаём необходимость переоценки и модернизации декларации и примемся за ее пересмотр и доработку начиная с будущего года. Тем временем больше внимания будет уделяться просвещению преподавателей и сотрудников относительно текущей миссии колледжа, включая общие собрания колледжа и общие собрания персонала перед началом осеннего и весеннего семестров.</p>

	Заклучения аккредиторов	Реакция общинного колледжа Коровий Мык
4	<p>Колледж располагает недостаточным количеством доступных дорожек и пандусов по Закону о недопущении возрастной дискриминации¹ — а те, что имеются, упорно именуются в колледже как предназначенные «для инвалидов».</p>	<p>Нехватка средств для инвалидов в ОККМ не есть отражение недостатка сочувствия колледжа к подобным индивидам, а скорее следствие их малого количества в кампусе. Прежде отношение к ним было таково: слушайте, если у нас нет калек, к чему нам что-то для них делать? К счастью, такое восприятие было скорректировано, и разработан план по внедрению в кампусе большего количества удобств, включая: инвалидные парковочные места, пандусы, перила и т.д. Использование понятия «инвалидный» также будет исключено согласно недавно принятой колледжем Политике инклюзивного и неоскорбительного языка. Согласно этой политике, речевые обороты, проявляющие любого рода предубеждение или тенденцию исключать, будут заменены словами инклюзивными, которые пропагандируют гармонию и добрую волю, насколько это представляется возможным.</p>
5	<p>Колледж имеет авторитарную структуру руководства. Все решения по найму принимаются президентом колледжа без учета мнения преподавательского состава или сотрудников.</p>	<p>Процедуры найма были подвергнуты ревизии и теперь включают в себя рекомендации комиссии по найму. Комиссии по найму будут состоять из шести членов. Рекомендация комиссии будет служить ключевым доводом в принятии всех решений по найму.</p>

¹ Закон США «О недопущении возрастной дискриминации» (1975) запрещает дискриминацию по возрасту при реализации программ, частично или полностью финансируемых за счет государственных средств, за исключением программ, изначально направленных на поддержку той или иной возрастной группы населения; запрещает также возрастную дискриминацию при найме; действует параллельно с законом «О возрастной дискриминации при найме» (1967) и содержит оговорку о том, что имеющиеся в законе «О недопущении возрастной дискриминации» положения не следует толковать как корректировку положений закона «О возрастной дискриминации при найме».

	<p style="text-align: center;">Заключения аккредиторов</p>	<p style="text-align: center;">Реакция общинного колледжа Коровий Мык</p>
<p style="text-align: center;">6</p>	<p>Преподавательский состав и сотрудники колледжа (включая декана по учебной работе) не знают разницы между Целями и Задачами. Никто не сумел объяснить, что такое Итоги.</p>	<p>Будет введен в действие план профессионального развития в целях образования всех преподавателей и сотрудников колледжа относительно разницы между Целями, Задачами и Итогами. Декан по учебной работе будет всячески поощряться в посещении этих занятий.</p>
<p style="text-align: center;">7</p>	<p>Преподавательский состав не осуществляет оценки действенности методов оценки своей деятельности.</p>	<p>В дополнение к текущим кафедральным оценкам будет нанят координатор особых проектов колледжа, который будет проводить оценку оценочных методов ключевых фигур преподавания в колледже с посещением их занятий. Результаты этих независимых вневедомственных оценок предоставят субъективный и объективный отклик для преподавателей с тем, чтобы они лучше смогли оценивать действенность своих оценок и по необходимости внесли уместные усовершенствования в свои оценочные методы. Координатор особых проектов будет также проводить оценку действенности оценок, используемых для оценки оценочных методов оцениваемых преподавателей, и это также будет оцениваться с применением строгих оценочных инструментов и лучших методов оценивания.</p>

Тщательно прочтя эту первую страницу, я пролистнул остальные в ужасе. Всего там было тридцать шесть существенных заключений, с которыми колледж обещал разобраться до следующего приезда комиссии в марте, и я, читая их и на каждом вжимая голову в плечи, обводил кружками те, что касались меня лично: рождественская вечеринка для всех преподавателей и сотрудников, которую я стану организовывать во имя морального состояния в кампусе; оценки с посещением занятий, которые я, очевидно, обязан проводить в надежде увеличить способность ключевого преподавательского состава к оценке

действенности их оценок; и пересмотр декларации миссии, который обеспечит нам приведение в соответствие наших целей, а также достижение осязаемых, измеримых итогов. Все это невозможно было переварить за один присест, и, выходя в конце того дня из корпуса, я заглянул в кабинет к доктору Фелчу попрощаться.

— Ни на какие вечеринки сегодня не идете, Чарли?

— Не планировал, честно говоря. Но потом ко мне заглянула Гуэн. А потом зашел Расти. Поэтому я, кажется, согласился на обе. А вы?

— Я буду у Расти. Мы устраиваем эту штуку по Мерне, и я никак такого пропустить не могу. Кроме того, на другую меня как бы не приглашали. — Доктор Фелч рассмеялся.

— Я немного опоздаю, — сказал я. — Бесси заберет меня в семь тридцать.

— Бесси? О! Тогда мы, наверно, увидимся с вами обоими, когда приедете!..

У себя в квартире я принял душ и стал ждать, когда за мной заедет Гуэн Дююи. За стеной громко играла бухающая музыка, и я слышал частый грохот, визг и хруст стекла, словно там били тарелки. Меня предупредили насчет кафедры математики, и теперь я испытывал это на себе непосредственно. Последние две ночи они не давали мне уснуть допоздна своим весельем, воплями, гортанным визгом и стонами, судя по звукам, сексуального разгула половозрелых кошек. Стараясь заснуть, я накрывал голову подушкой и затыкал уши бумажными салфетками. Но ничто не помогало. Если так и дальше будет продолжаться — если шуметь не перестанут на выходных, а особенно если это затянется и в наступающем семестре, — придется серьезно поговорить с ними о черствости. Я содрогался от одной лишь мысли: мне никогда толком не нравилось конфликтовать, у меня с этим не складывалось, и я, как правило, стремился такого избегать, когда только можно. Но об этом я подумаю как-нибудь потом: к корпусу как раз подъехала машина Гуэн, и она уже сигналила, чтобы я спускался.

* * *

{...}

Если б любовь была чем-то легким, наверняка она б не стоила того, чтобы к ней стремиться. Ибо лишь то, что проистекает из мук больших усилий, поистине чего-то достойно. Как трудность родов у женщины, что приводят в мир ребенка, так и муки чьей-либо любви к жизни приводят в мир еще больше любви. И ровно так же, как семена стебелька сельдерея — единственное, что приводит к родам большего количества сельдерея, семена любви — единственное, что приведет к посеву еще большей любви. В великом огороде общинного колледжа любовь — сельдерей, ожидающий посева, там огурец расцветает на лозе, а хрупкая руккола, еще не распустившаяся, затаилась в своем уединенье перед разливом вод жизни.

{...}

* * *

Машина у Гуэн — желтая двухместная, как выяснилось, и я тут же ее опознал как машину Гуэн, когда этот маленький купе сразу после пяти подъехал под окна моей квартиры. Заслышав ее клаксон, я тут же направился вниз, и Гуэн потянулась, отомкнула дверцу и впустила меня. Глубокое сиденье было мягким и манящим, и меня так очаровало удобство всего этого, что я не сразу понял, насколько легка дверца ее машины по сравнению со всеми, какие мне в последнее время доводилось закрывать; к моему великому изумлению, дверца захлопнулась с яростным, костоломным грохотом.

— Чарли, — произнесла Гуэн спокойно и немедленно. — Автомобиль, в который вы сели, есть совершенное произведение человеческой инженерной мысли. Это не калитка загона. Пристегните, пожалуйста, ремень и в следующий раз будьте осторожнее...

Внутри машина Гуэн была безупречна, и когда она выезжала со стоянки, все чувства мои захватил аромат вечнозеленой хвои и корицы. Снаружи чирикали птицы кампуса, а пеликаны прохлаждались на берегах лагун так, словно с последнего раза, когда я их видел, не трогались с места. Кампус закрывался на ночь, и работники администрации уже выходили из кабинетов и направлялись к машинам. Минуту-другую мы ехали молча, а затем Гуэн посмотрела на меня вопросительно.

— Скажите же мне, Чарли, — произнесла она, стоило нам свернуть на главную дорогу, пересекающую кампус, и проехать мимо большого плавательного бассейна с одной стороны и Института Димуиддла с другой. — Как вам пока нравится Коровий Мык?

— Прекрасно, — ответил я.

— Правда?

— Вас это, похоже, удивляет.

— Так и есть. В смысле, что именно делает наш колледж таким *прекрасным*?

— Ну, мне очень нравится кампус. И лагуны замечательные. Все, с кем я успел познакомиться, очень мне помогали и были дружелюбны — они либо заходили ко мне в кабинет представиться и поделиться крайне разнородными впечатлениями о ценности моей предшественницы для мира... либо не жалели времени и показывали мне, как пройти в библиотеку, где однажды остатки ее пестрого книжного собрания перейдут по наследству потомкам.

— Вы еще не избавились от ее книг?

— Нет, но *избавлюсь*. Тем временем несколько коллег высказали мне комплименты по поводу моего только что прибранного кабинета. Другие выразили свои глубочайшие соболезнования по поводу моих неудавшихся браков. И у меня такое чувство, что всего за три коротких дня я узнал больше о политической ситуации в Разъезде Коровий Мык, нежели большинство историков будет иметь удовольствие узнать за всю жизнь...

— Поздравляю.

— Спасибо.

— А чтение как продвигается? Вы хоть как-то углубились в те книги, которые откладывали к прочтению?

— Я продвинулся не только с ними, но и начал пару новых. Пока что я прочел понемногу страниц в нескольких — и по нескольку страниц в немногих. В целом же я сейчас читаю около восьми книг... — Тут я упомянул «Справочник для кого угодно: любовь и общинный колледж», мой недочитанный исторический роман и «Прелестных котиков мира». — Конечно, это значительный объем чтения, но я надеюсь с ними всеми справиться в ближайшем будущем.

— Значит, все для вас складывается гладко?

— Глаже некуда! Хотя должен признаться, я по-прежнему еще не очень разобрался в том, что вижу. Знаете, эти блуждающие радуги, рябь на отражениях и многочисленные сложные личности с их разнообразными группировками и устремленьями. Все это, если честно, меня по-прежнему немного ошеломляет.

— Вы действительно выглядите немного усталым.

— Это потому, что мне никак не удается толком поспать — после того, как кафедра математики вернулась из Северной Каролины...

— Не стоит из-за этого так огорчаться. Я тут уже пятнадцать лет и до сих пор стараюсь понять то, что вижу. Что же касается кафедры математики, подозреваю, достаточно скоро вы к ним привыкнете.

— Они всегда так громогласны?

— Они игривы, да. Это неизбежное следствие. В рациональном уме есть нечто такое, что заставляет его взывать к иррациональному. То и другое идут рука об руку, в это я твердо верю.

— А сами при этом преподаете логику?

— Да. Полагаю, можно сказать, что мне это известно по личному опыту. И из личных наблюдений. Очевидно, что между логикой и разумом есть разница. Но людям логическим требуется разум. А разумным людям в жизни требует очень много рациональности. И чем больше нужда в логике, разуме и рациональности... тем сильнее тяга к их противоположностям. Это применимо к любому общинному колледжу. Просто наша кафедра математики склонна доводить все до крайности...

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Джон Дир» — торговая марка корпорации «Deere & Company», производящей сельскохозяйственную, лесотехническую и строительную технику. Компания основана в 1837 г. в штате Иллинойс кузнецом и промышленником Джоном Диром (1804–1886). — *Здесь и далее — комментарии переводчика.*

«Фальстаф» — продукт одноименной (с 1903 г.) пивоваренной корпорации в Сент-Луисе, Миссури, выпускался с 1838 г. пивоварней «Лемп».

Иронически обыгрывается т. н. «компромисс трех пятых», достигнутый на Филадельфийском конвенте (25 мая — 17 сентября 1787 г.), созванном для пересмотра статей Конфедерации. Отдельные споры вызвал вопрос о том, как именно следует считать население штатов для распределения налогов и мест в Палате представителей. Участники конвента из южных рабовладельческих штатов настаивали на том, что при подсчетах следует учитывать всех жителей штатов, как свободных, так и рабов. Представители северных штатов выступали против, считая, что под населением штата следует понимать только свободных граждан. В итоге было достигнуто соглашение, получившее название «компромисса трех пятых»: южные штаты имели право при определении численности своего населения прибавить к количеству свободных граждан три пятых от общего числа рабов. Тем самым чернокожий раб по сути приравнивался к $3/5$ белого человека. Компромисс трех пятых был непосредственно включен в текст новой конституции (статья 1, раздел 2, параграф 3).

Уэст против Барнса (1791) — дело, вошедшее в историю судебной системы США: первое решение Верховного суда США, касающееся процедуры «приказа об ошибке» — передаче дела в апелляционный суд для пересмотра в связи с ошибкой, допущенной при ведении дела судом низшей инстанции. Уильям Уэст (ок. 1733–1816) — генерал американской милиции в Войне за независимость, верховный судья и заместитель губернатора штата Род-Айленд, антифедералист. Дэвид Леонард Барнс (1760–1812) — окружной судья Род-Айленда. Дело первоначально касалось способа выплаты долга бумажными деньгами, а не золотом и серебром.

Браун против Совета по образованию Топики, Канзас (1954) — дело в Верховном суде США, решение по которому определило, что расовая сегрегация в государственных школах нарушает Четырнадцатую поправку к Конституции. Суд определил незаконность доктрины «раздельные, но равные». В 1955 г. суд дал указание провести немедленную десегрегацию, оставив методы ее проведения на усмотрение федеральных окружных судов. Дело считается одним из важнейших в конституционной истории Америки. За решением суда последовало признание неконституционности других видов сегрегации, пошло на подъем движение за права афроамериканцев. Практически это решение, подкрепленное законодательными актами, вызвало социальную революцию. Оливер Л. Браун (1918–1961) — железнодорожный сварщик, чья дочь, третьеклассница Линда, вынуждена была ходить шесть кварталов к школьному автобусу, который отвозил ее в сегрегированную школу для черных в 1,6 милях от дома, хотя школа для белых располагалась лишь в семи кварталах от их дома.

«Никель с бизоном» (или «с головой индейца») — медно-никелевые монеты США номиналом 5 центов, которые чеканились с 1913 по 1938 г. Дизайн разработан скульптором Джеймсом Эрлом Фрейзером (1876–1953).

«Расширительное толкование» — широкое (либеральное) толкование Конституции США, политико-правовая концепция конца XVIII — начала XIX в., состоявшая в том, что законную силу имеют не только зафиксированные положения Конституции США, но и те, которые логически вытекают из них. Использовалась партией федералистов во главе с Александром Гэмильтоном. Противником такой теории был Томас Джефферсон. В настоящее время сводится, в принципе, к различному толкованию властных полномочий федерального правительства и исполнительных властей штатов.

Волшебный фонтан Монжуика — эллиптический футуристический фонтан с подсветкой, расположенный на холме Монжуик в Барселоне, построен ко Всемирной выставке в 1929 г. по проекту каталанского архитектора Карлеса Буйгаса-и-Санса (1898–1979).

«Культурой подтверждений» в современном профессиональном арго работников образования называется такой подход, при котором ценность предлагаемых образовательных программ и услуг для учащихся и их соответствие заявленной миссии учебных заведений демонстрируется и подтверждается точными данными и достоверной информацией. В русском языке это обозначается термином «показуха».

Имеется в виду американский комедийный радио- и телесериал «Частные жизни Этел и Алберта» (1953–1954) о жизни семейной пары Арбаклов в городке Песчаная Гавань. Создателем его была сценаристка и актриса Пег (Маргарет Фрэнсис) Линч (1916–2015), сыгравшая в нем и главную роль.

«Майский цветок» (The Mayflower) — английское судно, на котором пересекли Атлантический океан 102 пилигрима из Старого Света — первые поселенцы Новой Англии. Они вышли в плавание из Плимута 21 сентября 1620 г. и достигли берегов Америки 21 ноября. Корабль направлялся в Вирджинию под эгидой Лондонской (Вирджинской) компании, но наскочил на скалы значительно севернее места назначения — у полуострова Кейп-Код, где было решено остаться и основать Плимутскую колонию. В апреле 1621 г. судно вернулось в Англию. «Майский цветок» представлял собой двухпалубный трехмачтовый корабль длиной около 27 м и водоизмещением около 180 т. Сам он не сохранился, но в Англии построили его копию «Майский цветок II», который переплыл Атлантику в 1957 г. и ныне стоит на приколе в Плимуте, Массачусетс. «Мои предки прибыли на «Майском цветке»», — говорят те немногие американцы, которые могут похвастаться древностью рода.

Луизианская покупка — крупнейшая в истории США сделка, в результате которой их территория увеличилась практически вдвое. По этой сделке США получали территорию в границах р. Миссисипи — Скалистые горы — Канада — побережье Мексиканского залива у Нового Орлеана общей площадью около 828 тыс. кв. миль. Ныне на ее месте целиком расположены штаты Айова, Арканзас, Луизиана, Миссури и Небраска, части штатов Вайоминг, Канзас, Колорадо, Миннесота, Монтана, Оклахома, Северная и Южная Дакота. Когда президент Джефферсон в 1802 г. узнал о намерении Наполеона создать империю в Северной Америке, он дал указание Джеймсу Монро и Роберту Ливингстону начать переговоры с Францией о покупке Нового Орлеана и некоторых других участков Территории Луизиана. К удивлению американцев, Наполеон, готовившийся к войне с Англией, предложил купить всю территорию. Договор о покупке Луизианы за 15 млн долларов (около 4 центов за акр) был ратифицирован 21 октября 1803 г. и стал триумфом политики и дипломатии США.

«Предначертание судьбы» — политическая доктрина, выдвинутая в 1845 г. в статье Джона Л. О’Салливэна об аннексии Техаса. В 1846 г. упоминалась в ходе дебатов в Конгрессе, а также стала предвыборным лозунгом президента Джеймса Нокса Полка применительно к Орегонским землям, а затем приобрела более широкое звучание. Состояла в том, что североамериканцы — избранный народ, которому судьба предназначила превратить Американский континент в «пространство свободы». С началом войны с Мексикой использовалась для обоснования включения Калифорнии и территории современного штата Нью-Мексико в состав США. Затем о ней вспомнили в конце века в период Испано-американской войны (1898) и наконец распространили на тихоокеанский бассейн — и даже на весь мир.